



ASTANA
INTERNATIONAL
UNIVERSITY

**«ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚК, ҚПК,
ҚАК ЖӘНЕ ӘҚБТК 10 ЖЫЛ:
ҚОРЫТЫНДЫЛАР, ҚОЛДАНУ ТӘЖІРИБЕСІ
ЖӘНЕ ДАМУ БОЛАШАҒЫ»**

атты Халықаралық ғылыми-тәжірибелік
конференциясының материалдар
ЖИНАҒЫ



**СБОРНИК
материалов Международной
научно-практической конференции
«10 ЛЕТ УК, УПК, УИК И КоАП РЕСПУБЛИКИ
КАЗАХСТАН: ИТОГИ, ПРАКТИКА
ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**



АСТАНА,

23 мая 2025 года

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ АСТАНА

**«ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ
ҚК, ҚПК, ҚАК ЖӘНЕ ӘҚБтК 10 ЖЫЛ:
ҚОРЫТЫНДЫЛАР, ҚОЛДАНУ ТӘЖІРИБЕСІ
ЖӘНЕ ДАМУ БОЛАШАҒЫ»**

АТТЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ-ТӘЖІРИБЕЛІК
КОНФЕРЕНЦИЯСЫНЫҢ МАТЕРИАЛДАР ЖИНАҒЫ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

**«10 ЛЕТ УК, УПК, УИК И КоАП
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН:
ИТОГИ, ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

г. Астана, 2025 г.

**УДК 34
ББК 67
Қ 18**

Под общей редакцией Заслуженного деятеля Казахстана,
доктора юридических наук, профессора Борчашвили И.Ш.

Редакционная коллегия:

Ирсалиев С.А.,

Исабай Н., Сеилханов Ж.Д., Иманбаев С.М., Курманбаев Б.М., Жамбаев Е.С.

**ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚҚ, ҚПК, ҚАҚ ЖӘНЕ ӘҚБтК
10 ЖЫЛ: ҚОРЫТЫНДЫЛАР, ҚОЛДАНУ ТӘЖІРИБЕСІ ЖӘНЕ ДАМУ
БОЛАШАҒЫ =**

**Қ 18 10 ЛЕТ УК, УПК, УИК И КоАП РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ИТОГИ,
ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ: Сборник мат-лов
междунар. науч.-практ. конф. – Астана: АІУ, 2025. – 344 с. – каз. яз., рус яз.**

ISBN 978-601-08-5328-7

Сборник материалов Международной научно – практической конференции «10 ЛЕТ УК, УПК, УИК И КоАП РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ИТОГИ, ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ», представляет собой продолжение международных научно – практических конференций, традиционно проводимых в стенах Международного университета Астана, посвящен десятилетию принятия УК, УПК, УИК и КоАП Республики Казахстан.

В рамках конференции рассмотрены следующие направления:

- эффективность применения норм уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и административного законодательства в правоохранительной и судебной практике;

- тенденции развития уголовного права и процесса в свете международных стандартов;

- совершенствование правового регулирования уголовно-исполнительной системы;

- актуальные вопросы административной ответственности и правоприменения;

- инновационные подходы к правовой реформе: опыт и предложения научного сообщества.

- практические аспекты взаимодействия науки и правоприменительной практики.

Предложенные участниками конференции отдельные положения и рекомендации в уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и административное законодательство Республики Казахстан, к моменту издания нашли свое отражение в действующем законодательстве страны, что безусловно подтверждает актуальность и практическую значимость проведенной конференции.

Издание предназначено для широкого круга читателей, проявляющих интерес к актуальным проблемам развития юридической науки, новым методологическим подходам к современным вопросам и текущим тенденциям правовой реальности.

Материалы сборника представлены в редакции авторов и могут не совпадать с мнением редакционной коллегии.

**УДК 34
ББК 67**

ISBN 978-601-08-5328-7

© АІУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕЗЕНТАЦИЯ МОНОГРАФИЙ

«Обстоятельства, исключаящие преступность деяния»

«Уголовные правонарушения против семьи

и несовершеннолетних: закон, теория, практика»

БОРЧАШВИЛИ Исидор Шамилович – Заслуженный деятель Республики Казахстан, доктор юридических наук, профессор, академик Казахстанской национальной академии естественных наук, Директор института уголовно-правовых исследований Высшей школы права Международного университета Астана

УГОЛОВНОЕ ПРАВО 9

Борчашвили И.Ш. ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ РЕФОРМЫ 9

Акимжанов Т.К. О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ПУТЯХ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ 20

Алтайбаев С.Қ. ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ САЯСАТ ТҰЖЫРЫМДАМАЛАРЫНДАҒЫ ІЗГІЛЕНДІРУ МӘСЕЛЕСІ 31

Абдакимова Д.А. АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ И ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ УЧАСТИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ 42

Бриллиантов А.В. ОСНОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ 49

Балтабаев К.Ж. О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	61
Жевлаков Э.Н. УГОЛОВНО – ПРАВОВАЯ ПРИРОДООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА	66
Иманбаев С.М. ПРОБЛЕМЫ СОУЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	74
Курманбаев Б.М. О СООТНОШЕНИИ НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОГО И УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	82
Кощегулов Б.Б. ОБЪЕКТ УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 198 УК РК «НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ И (ИЛИ) СМЕЖНЫХ ПРАВ»	96
Кенбаев Ж.А. ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПОПРОШАЙНИЧЕСТВО, КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ	105
Рахметов С.М. ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН	112
Селиверстов В.И. ДЕВЯТАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ПЕРЕПИСЬ ОСУЖДЕННЫХ 2022 ГОДА: НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ В РОССИИ	130
Сеитханов Ж.Д. ЭКОНОМИКАЛЫҚ КОНТРАБАНДАҒА ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛДЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТЕТІГІН ЖЕТІЛДІРУ	137
Цыбизова Н.А. ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БЕЗВЕСТНОГО ОТСУТСТВИЯ ГРАЖДАНИНА	147

<i>Чернышенко И.Г.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	162
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО	170
<i>Ахпанов А.Н.</i> ИТАЛЬЯНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ДВУХ ДОСЬЕ» VS ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН ОБВИНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ	170
<i>Касимов А.А.</i> УПК РК – ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ПРАКТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	176
<i>Когамов М.Ч.</i> ОБВИНЕНИЕ, ЗАЩИТА ОТ ОБВИНЕНИЯ, РАЗРЕШЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО СУЩЕСТВУ: 10 ЛЕТ СПУСТЯ С МОМЕНТА ВВЕДЕНИЯ В ДЕЙСТВИЕ УК, УПК, УИК 2014 ГОДА	182
<i>Рахметулин А.Д.</i> КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА	189
<i>Ханов Т.А.</i> БУЛЛИНГ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ	196
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО	204
<i>Каракушев С.И., Мухамбетова А.Б.</i> ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	204
<i>Мухамадиева Г.Ж.</i> ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДА УЧРЕЖДЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	212
<i>Скаков А.Б.</i> О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ (ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ) СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА	221

Токубаев З.С. СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ	228
АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО	235
Горячева Е.В. НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	235
Дугужева М.Х. ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	242
Жумагулов М.И. ШТРАФЫ В КАЗАХСТАНЕ: ЭВОЛЮЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПУТИ ГУМАНИЗАЦИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	249
Заплатина Т.С. ОБОРОТНЫЕ ШТРАФЫ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: GDPR VS СТ. 13.11 КОАП РФ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	254
Каиржанова С.Е., Шаяхметова Ж.Б. ПРИОРИТЕТНОСТЬ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	268
Комиссаров А.В., Абакумова Е.Б. НОРМАТИВНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИДЕОЛОГЕМ В РОССИИ И ИХ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ В ПРИНЦИПАХ РОССИЙСКОГО ПРАВА	276
Макарчук Н.В. ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ (СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ)	281
Сарсенова С.Н., Асылбекова Ә.Н., Кульшарбекова Г.К. ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ	290

<i>Сарсенова С.Н., Асылбекова Ә.Н., Кульшарбекова Г.К.</i> СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕГО ДОКТРИНАЛЬНЫЕ РАЗРАБОТКИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА	298
<i>Харитонова Ю.С.</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН	304
<i>Храпунова Е.А.</i> ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК	311
РЕКОМЕНДАЦИИ Международной научно-практической конференции на тему: «10 лет УК, УПК, УИК и КоАП Республики Казахстан: итоги, практика применения и перспективы»	321

ПРЕЗЕНТАЦИЯ МОНОГРАФИЙ

«Обстоятельства, исключаящие преступность деяния»

**«Уголовные правонарушения против семьи и
несовершеннолетних: закон, теория, практика»**



БОРЧАШВИЛИ Исидор Шамилович –

**Заслуженный деятель Республики Казахстан, доктор
юридических наук, профессор, академик Казахстанской
национальной академии естественных наук,**

Директор института уголовно-правовых исследований

Высшей школы права

Международного университета Астана

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ РЕФОРМЫ

Борчашвили И.Ш. – Заслуженный деятель Казахстана,
доктор юридических наук, профессор,
профессор Высшей школы права,
Международный университет Астана,
Республика Казахстан, г. Астана

Аннотация: Мақалада соңғы он жылда іске асырылған Қазақстан Республикасы қылмыстық заңнамасының реформаларына сыни талдау жүргізіледі. Автор қылмыстық құқықтың репрессивтіден профилактикалық функциясына көшу қажеттілігін негіздейді, заңнаманың тұрақсыздығын құқықтық тәртіпке қауіп ретінде атап көрсетеді, сондай-ақ норма шығармашылық және құқық қолдану практикасын жетілдіру жөніндегі бағыттарды ұсынады. Жұмыста Қазіргі Қазақстандағы қылмыстық саясаттың тиімділігіне әсер ететін криминологиялық, саяси-құқықтық және институционалдық факторлар қарастырылады.

Аннотация: В статье проводится критический анализ реформ уголовного законодательства Республики Казахстан, реализованных за последние десять лет. Автор обосновывает необходимость перехода от репрессивной к профилактической функции уголовного права, подчёркивает нестабильность законодательства как угрозу правопорядку, а также предлагает направления по совершенствованию нормотворческой и правоприменительной практики. В работе рассматриваются криминологические, политико-правовые и институциональные факторы, влияющие на эффективность уголовной политики в современном Казахстане.

Кілт сөздер: Қылмыстық саясат, заңнама, тұрақтылық, криминализация, профилактика, құқықтық тәртіп, реформалар, құқық қолдану практикасы, Қазақстан.

Ключевые слова: Уголовная политика, законодательство, стабильность, криминализация, профилактика, правопорядок, реформы, правоприменительная практика, Казахстан.

Уважаемые коллеги!

Хочу искренне поблагодарить всех Вас за активное участие в обсуждении казахстанских Уголовного, Уголовно-процессуального, Уголовно-исполнительного кодексов и Кодекса об административных правонарушениях!

Готовясь к сегодняшней Конференции на тему: «10 лет УК, УПК, УИК и КоАП Республики Казахстан: итоги, практика применения и перспективы», коллектив Высшей школы права по поручению руководителя Международного университета Астана провёл глубокий анализ всех четырех Кодексов. Были обсуждены все изменения и дополнения, которые вносились в них в течение 10 лет, изучены мнения и позиции наших ведущих учёных по их совершенствованию, проанализирована правоприменительная практика правоохранительных органов и судов, осмыслены все предложения, особенно адвокатского сообщества, по их улучшению.

Данные Кодексы были проанализированы с точки зрения:

- Полноценной реализации в них норм Конституции и международных правовых актов;
- Эффективной защиты конституционных прав и интересов граждан;
- Изучения статистики и правоприменительной практики;
- Обеспечения общественной безопасности и общественного порядка;
- Сравнения с аналогичными кодексами стран СНГ и отдельных стран дальнего зарубежья.

Под руководством декана Высшей школы права доктора философии (PhD), ассоциированного профессора Исабай Н. профессорско-преподавательский коллектив неоднократно обсуждал состояние и перспективы развития УК, УПК, УИК и КоАП РК (далее – антикриминальное законодательство).

На этой конференции мы выносим на всеобщее обсуждение итоги проведенного анализа.

1. Как граждане и патриоты, как специалисты в области юриспруденции, нам бы хотелось быть услышанными со стороны лиц, определяющих и реализующих правовую политику в стране, юридического сообщества и всех заинтересованных граждан страны.

Мы стремимся к тому, чтобы антикриминальное законодательство, а также в целом и все законодательством Казахстана были:

- научно обоснованными;
- действенными;
- авторитетными.

По нашему мнению, конституционные нормы, касающиеся прав и свобод человека, не полноценно реализованы в антикриминальном законодательстве, поэтому в этом направлении предстоит большой объем работы.

2. Полагаем, что законодатель не творит реальность, а должен правильно её отражать.

Поэтому законодателю необходимо предоставление полной и объективной информации, отражающей реальное положение дел в той или иной области, прежде чем будет приниматься какой-либо законопроект.

3. Необходимо научно осмыслить итоги 10 лет реформы антикриминального законодательства РК.

Прошедший период характеризуется следующими основными признаками:

- антикриминальные законы претерпевали изменения практически ежемесячно, а некоторых случаях и того чаще. Так, за прошедшие 10 лет в УК РК внесены изменения 104 раза; УПК РК – 110; УИК РК – 49; КоАП РК – 197 раз;
- масштабные изменения затронуло подзаконное регулирование, составляющее бланкетное содержание уголовного законодательства, которое не могло отставать от темпов нормативных изменений, задаваемого законодателем.

Следует признать, что нестабильность уголовного законодательства стала одной из главных черт новой уголовной политики.

По нашему твердому убеждению, такая нестабильность является угрозой разрушения всего правопорядка в государстве. Охранный потенциал антикриминального законодательства снижен, что подрывает их эффективность.

Полагаем, что законодательство, прежде всего, должно быть голосом разума, а не сиюминутной политической реакцией.

Проведенное нами исследование показало, что нестабильность уголовного законодательства характеризуется проблемами системности и координации:

- наличием ведомственного подхода при разработке законопроектов, когда депутаты «протаскивают» нужные министерствам и ведомствам, проекты законов. При этом, факторы лоббирования определенных интересов имеют тенденцию к росту как со стороны отдельных правоохранительных органов, так и со стороны некоторых представителей депутатского корпуса;

- разработка законопроектов лояльными к государственным органам рабочими группами, к которым не допускаются лица с альтернативными, «инакомыслящими» взглядами;

- развитие уголовного законодательства в течении прошедших 10 лет происходило без должного научного и криминологического обоснования;

- доминирование политики над правовой системой. Хотя в идеале должно быть, как раз наоборот;

- нередко основанием для криминализации некоторых деяний оказываются не выводы, полученные в результате изучения социальной действительности, а берутся в основу совершенно случайные мнения отдельных лиц;

- при обсуждении законопроектов, в некоторых случаях, законодатель «бежит» впереди научных исследований, однако, должно быть, как раз наоборот.

4. Принятие закона – это лишь его рождение, а не полноценная жизнь.

Закон может выступать как закон только при надлежащем исполнении его положений. Невыполнение закона порождает не только беззаконие, но и формирует у граждан нигилизм по отношению к правовой системе вообще, неверие в законодательные

нормы. Более того, все это подрывает авторитет и силу самого государства, принявшему этот закон.

Законодатель своими многочисленными поправками, изменениями и дополнениями окончательно всех запутал – и учёных, и практиков.

При таком подходе в законодательстве стало сложно разобраться не только гражданам, но даже правоприменительные органы, суды и адвокаты испытывают определённые проблемы. Отсюда возникают ошибки при квалификации уголовных правонарушений.

Не успевает осмыслить изменения и дополнения, вносимое в антикриминальное законодательство, научное сообщество и преподаватели. Быстро устаревают правовая литература, которая создается ими, что безусловно влияет на качество подготовки будущих специалистов юридического профиля.

Следует учитывать влияние изменений и дополнений в уголовном законодательстве на уровень правосознания как населения, так и на сотрудников правоприменительных органов, судебного корпуса, представителей адвокатского сообщества, так как постоянно меняющийся закон трудно не только знать, но и уважать.

В этой связи трудно не согласиться с мнением видного философа эпохи Просвещения Жан-Жака Руссо о том, что «Мудрый законодатель начинает не с издания законов, а с изучения их пригодности для данного общества».

5. Произошло смешение предметов правового регулирования различных отраслей права: между УК РК и КоАП РК; УК РК и ГК РК.

Здесь следует особо подчеркнуть, что опасность размыwania границ отрасли уголовного права за счет других правовых отраслей таит в себе серьезную угрозу для прав и свобод человека, поскольку может передвинуть основания уголовной ответственности в те отрасли права, в которых преобладают нормативные предписания органов исполнительной власти.

В настоящее время наблюдается правовая несогласованность между нормами УК РК и КоАП РК. Происходит дублирование норм в этих Кодексах, т.е. речь идет о наличии конкуренции в них, что неизбежно порождает коррупционные риски в правоприменении.

С целью исключения подобных рисков целесообразно провести тщательный анализ норм УК РК и КоАП РК на предмет наличия дублирующих признаков в них.

Проблема соотношения уголовных правонарушений с гражданско-правовыми и финансовыми деликтами требует самого основательного научного исследования как в настоящее время, так и в перспективе. Эта проблема обуславливается также с учётом гражданской и финансовой бланкетностью норм об уголовных правонарушениях в экономической сфере.

6. Современное состояние УК РК свидетельствует о наличии в нем значительного количества статей о преступлениях небольшой и средней тяжести.

При этом истинная общественная опасность таких деяний весьма сомнительна.

Сомнительным также является отнесение отдельных деяний к категории тяжких и особо тяжких преступлений.

Полагаю, целесообразным рассмотреть вопрос о переводе всех особо тяжких преступлений, которые не были сопряжены с «общеправовым способом их совершения» либо «с применением насилия или угрозой его применения», в категорию тяжких преступлений.

7. В УК РК законодатель выделяет формы соучастия (ст. 31 УК) исходя из разной степени организованности действий соучастников, а значит, из различной степени их общественной опасности.

Следовательно, форма соучастия должна учитываться как при квалификации уголовного правонарушения, так и при назначении наказания за его совершение.

Однако в нормах Особенной части УК это положение не всегда учитывается, и различным формам соучастия придается одинаковое юридическое значение, когда они альтернативно предусмотрены в одном и том же квалифицированном составе преступления.

В этой связи формы соучастия целесообразно предусмотреть как в редакции УК РК 1997 г., где они были изложены наиболее удачно.

8. Наличие коррупционных рисков в нормах УК РК.

Риски такого рода имеются в 9-ти видах освобождения от уголовной ответственности, а также в 7-ми видах освобождения от

наказания. Суть данных проблем состоит в том, что при наличии условий, вытекающих из соответствующих норм УК РК, лицо от уголовной ответственности либо от наказания «может быть освобождено». Данная формулировка в уголовном законодательстве несет в себе большую долю субъективизма при принятии решения по этому вопросу.

Поэтому предлагается в статьях 65, 67, 67-1, 68 части 2 и 3, 69, 76, 78 УК РК, слова «может быть освобождено» заменить словами «подлежит освобождению», так как при наличии определенных условий, лицо должно быть освобождено от уголовной ответственности либо от наказания, так как теряет свою опасность для общества. Данную позицию разделяет и Верховный Суд РК в двух своих нормативных постановлениях «О некоторых вопросах назначения уголовного наказания» от 25 июня 2015 г. (пункт 11) и «О судебном приговоре» от 20 апреля 2018 г. (пункт 12).

Кроме этого, целесообразно исключить статью 66 УК РК, так как признаки, предусмотренные в ней, регламентируются положениями необходимой обороны, указанные в статье 32 УК РК.

9. Законодательные меры противодействия коррупции.

Исходя из уголовной политики, ужесточающей противодействие коррупции, которая посягает на безопасность государства, необходимо исключить из УК РК следующие положения:

- отбывание лишения свободы за совершение коррупционных преступлений назначается в учреждениях уголовно-исполнительной системы минимальной безопасности (абзац четвертый пункта 1) часть 5 статьи 46 УК РК);

- лицо, впервые совершившее коррупционное преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием только судом (абзац второй часть 1 статьи 65 УК РК).

Кроме этого, рекомендуется увеличить размеры уголовных наказаний за некоторые коррупционные преступления (часть 1 статьи 361 УК РК), так как они ниже чем за подобные деяния, не относящиеся к коррупционным преступлениям (часть 1 статьи 250 УК РК).

Наряду с этим, для эффективного противодействия коррупции из числа субъектов коррупционных преступлений следует исключить:

- лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций;
- лиц, приравненных к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций;
- лиц, занимающих ответственную государственную должность в правоохранительном органе.

10. Анализ законотворческой и правоприменительной практики приводит к выводу, что уже сегодня следует сосредоточить усилия государства и научного сообщества на разработке Концепции нового криминологического (профилактического), уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и административного законодательства, наиболее полно отвечающего интересам граждан, общества и государства.

Очень важное значение имеет активизация процесса трансформации принудительной функции уголовного права в профилактическую.

Законодательное и фактическое обеспечение приоритета профилактики уголовных правонарушений перед мерами уголовной репрессии должно стать реальной задачей реформирования системы профилактики. Однако стоит признать, что за последние 10 лет в ее реализации мы продвинулись незначительно.

К великому сожалению, приходится констатировать, что криминологическая наука находится в глубоком кризисе. Немногочисленные криминологические рекомендации и экспертные заключения остаются за рамками законотворческой деятельности.

Поэтому, прежде чем вносить изменения в уголовное законодательство целесообразно:

- установить влияние изменений уголовного законодательства на динамику, структуру и социальные последствия преступности;
- следует выявить наличие (либо отсутствие) необходимых и достаточных реальных оснований, и условий для криминализации (декриминализации) тех или иных деяний;

- уголовная политика должна быть криминологически глубоко обоснованной, а не умозрительной, как нынешняя наша политика.

С учетом всего вышеизложенного полагаем, что возникла необходимость в разработке новых УК, УПК, УИК и КоАП РК.

По инициативе Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева предлагается создать в обозримом будущем в нашей стране однопалатный Парламент. Проведение предстоящей столь масштабной парламентской реформы, также является еще одним аргументом к созданию нового антикриминального законодательства.

Логическим продолжением переноса акцента с репрессивных на предупредительные меры стало бы создание Комитета по профилактике правонарушений в системе МВД Казахстана.

11. Одна из проблем оптимизации борьбы с уголовными правонарушениями кроется в научной необоснованности законотворческого процесса и отсутствии внедрения научных разработок в практическую деятельность. Надо признать, что имеются серьезные претензии к качеству формируемых предложений, да и в целом к их содержательной стороне, но, пока властные органы не услышат ученых, ничего не изменится.

Все это порождает внесение многочисленных непоследовательных, а порой и противоречивых поправок в действующее уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и административное законодательство.

12. В Концепции правовой политики РК до 2030 года говорится о низкой активности участия граждан в обсуждении проектов нормативных правовых актов и других документов.

Однако при обсуждении законопроектов в рабочих группах, создаваемых в Мажилисе Парламенте РК, участвуют наряду с депутатами представители государственных органов и организации, общественности, ученые, которые дают оценку законопроектам. Проблема заключается в том, что в соответствии с Регламентом Мажилиса Парламента РК обсуждаются только предложения депутатов, которые включены в сравнительную таблицу.

Возникает логичный вопрос: а в чём тогда заключается смысл участия экспертов и общественности?

Согласно пункту 1 статьи 3 Конституции РК «Единственным источником государственной власти является народ». Не означает ли это, что Мажилис Парламента РК нарушает конституционное положение? В этой связи полагаем, что действующий регламент Мажилиса Парламента РК требует пересмотра.

13. Нормативные постановления Верховного Суда РК призваны обеспечивать единообразное и правильное применение судами и правоприменительными органами законов и подзаконных актов.

Однако следует признать, что не все нормативные постановления Верховного Суда РК соответствуют предъявляемым к ним требованиям. Одним из распространенных недостатков является дублирование в них норм УК РК и других правовых актов без дачи толкования, разъяснения их содержания.

В то же время, в некоторых нормативных постановлениях Верховный Суд РК выходит за пределы предоставленных ему полномочий устанавливая запреты либо представляя права, которые не предусмотрены в законодательстве. В отдельных нормативных постановлениях Верховный Суд РК, наоборот, приводит узкое толкование уголовно-правовых норм и подзаконных актов.

Кроме этого, положения отдельных нормативных постановлений Верховный Суд РК противоречат друг другу. Так, в нормативных постановлениях Верховного Суда РК «О применении законодательства о необходимой обороне» от 11 мая 2007 г. № 2 (пункт 12) и «О судебной практике по делам о хищениях» от 11 июля 2003 года № 8 (пункт 21) для одних одних и тех же предметов (топор, кухонный нож и т.д.) приводится различное толкование. В одном случае это предметы «хозяйственно-бытового и иного назначения», а в другом – предметы «используемыми в качестве оружия, которыми может быть причинен вред здоровью, опасный для жизни или здоровья». И таких примеров немало.

Не выдерживает никакой критики нормативное постановление Верховного Суда РК «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за бандитизм и другие уголовные правонарушения, совершенные в соучастии» от 21 июня 2001 года № 2, так как в нем не отражены все формы соучастия, предусмотренные в УК РК.

Нормативное постановление Верховного Суда РК «О судебной практике по делам об уголовных правонарушениях несовершеннолетних и о вовлечении их в совершение уголовных правонарушений и иных антиобщественных действий» от 11 апреля 2002 года № 6 нуждается в серьезной переработке.

Таким образом, Верховному Суду РК следует провести глубокий анализ всех своих нормативных постановлений на предмет их совершенствования.

14. В заключении хотелось отметить следующее. Согласно статье 81 Конституции Республики Казахстан Верховный Суд РК «дает разъяснения по вопросам судебной практики». Поэтому до 2023 г. проекты нормативных постановлений готовили судьи Верховного Суда РК.

Однако, в настоящее время на основании пункта 14 Положения о Судебной администрации, утверждённого Указом Президента № 106 от 19 января 2023 г. одной из функций Судебной администрации является «разработка проектов нормативных постановлений Верховного Суда Республики Казахстан».

Полагаю, что данное решение является ошибочным, так как подрывает независимость судебной власти.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН И ПУТЯХ ИХ РАЗРЕШЕНИЯ

**Акимжанов Т.К. – доктор юридических наук, профессор,
университет «Туран», НИИ права,
Республика Казахстан, г. Алматы.
e-mail: akimzhanovtk@mail.ru**

Аннотация: Мақалада Қазақстан Республикасының қолданыстағы қылмыстық заңнамасының екі сатылы жүйеге қатысты бар проблемалары және Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексіне қылмыстық құқық бұзушылықтарды енгізудің орындылығы, қылмыстық жазаның мазмұны мен мақсаттары, қылмыстарды санаттау негіздері, жаза түрлері, шартты түрде мерзімінен бұрын босату қарастырылған. Бас бостандығынан айыру ретінде жазаның бұл түріне ерекше назар аударылады.

Автор туындаған мәселелерді шешу және қылмыстық жазаның тиімділігін арттыру бойынша нақты ұсыныстар жасады.

Аннотация: в статье изложены имеющиеся проблемы действующего уголовного законодательства Республики Казахстан, касающиеся о двухзвенной системе и целесообразности введения в УК РК уголовных проступков, содержания и целей уголовного наказания, оснований категоризации преступлений, видов наказания, условно-досрочного освобождения. Особое внимание уделено такому виду наказания как лишение свободы.

Автором внесены конкретные предложения по разрешению имеющихся проблем и повышению эффективности уголовного наказания.

Негізгі сөздер: қылмыстық құқық бұзушылық, қылмыс, қылмыстық құқық бұзушылық, жаза, жазаның мақсаттары, шартты түрде мерзімінен бұрын босату, қылмыс категориялары.

Ключевые слова: уголовное правонарушение, преступление, уголовный проступок, наказание, цели наказания, условно-досрочное освобождение, категории преступлений.

Принятие нового УК в 2014 году и введение их в действие с 1 января 2015 года явилось важным событием в уголовной политике Республики Казахстан.

Во-первых, если УК РК 1997 года был кодексом переходного периода, то УК РК 2014 года был принят уже в условиях полного суверенитета нашей страны. Во-вторых, УК РК 1997 года уже не отвечал требованиям и вызовам современности, поэтому нужно было все переосмыслить и переработать.

Среди основных новелл, введенных в УК РК 2014 года по сравнению с УК РК 1997 года явились такие дополнения как ведение двухзвенной системы уголовно-наказуемых деяний, состоящей из преступлений и уголовных проступков; – расширение сферы применения штрафа и ограничения свободы; введение в санкции статей альтернатив лишения свободы; реформирование института рецидива; глубокая переработка положений об УДО; расширение оснований примирения сторон; введение новых видов освобождения от уголовной ответственности (поручительство и процессуальное соглашение); запрет на назначение лишения свободы по экономическим преступлениям при возмещении ущерба; – минимизация безальтернативного лишения свободы (только по наиболее опасным преступлениям); – декриминализация отдельных составов преступлений (в том числе в сфере экономической деятельности); перевод 104 преступлений небольшой тяжести и 58 составов из Кодекса РК об административных правонарушениях в уголовные проступки и др.

Десятилетняя правоприменительная практика по применению положений действующего УК РК 2014 года показала свои положительные стороны уголовного права как эффективного инструмента правосудия.

Вместе с тем, при реализации уголовно-правовой политика Республики Казахстан имелись и некоторые проблемы, свидетельствующие о росте численности «тюремного населения», низкой эффективности уголовных наказаний, серьезных проблем в сфере исполнения наказаний и многое другое.

О необходимости совершенствования действующего уголовного законодательства Республики Казахстан, основываясь на ре-

зультатах правоприменительной практики, обращений граждан, ученых не однократно в своих Посланиях отмечал Глава государства К-Ж.К.Токаев.

Так, в Послании от 1 сентября 2022 года Президент страны К-Ж.К.Токаев вновь вернулся к данной проблеме, отметив, что следует провести ревизию Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов, избавиться от всего, что фактически не работает или препятствует правосудию.

Не менее важно, чтобы после внесения соответствующих поправок они не подвергались бесконечным корректировкам.

С 2015 года в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы внесено уже более 1200 изменений.

Недопустимо, чтобы законы менялись в угоду сиюминутной конъюнктуре или узким корпоративным интересам.

Поэтому полномочия по коррекции уголовного и уголовно-процессуального законодательства необходимо передать Министерству юстиции [1].

О необходимости дальнейшего обновления противодействия преступности и приведения его в соответствии с международными стандартами было отмечено и в Концепции правовой политики Республики Казахстан на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента №674 от 15 октября 2021 года [2].

Остановимся на рассмотрении наиболее основных положений, действующего УК РК 2014 года, которые нуждаются в переосмыслении и дальнейшем совершенствовании.

Первое. О целесообразности введения в УК РК уголовных проступков.

Как нам представляется, введение в УК РК двухзвенной системы уголовно-наказуемых деяний, состоящей из преступлений и уголовных проступков не совсем себя оправдала.

Во-первых, имел место, искусственно созданный процесс криминализации административных правонарушений, когда ряд составов из Кодекса об административных правонарушениях РК в целях упрощения процедурных моментов (сокращение сроков рассмотрения, возможность обязательного привлечения адвоката, применение всего комплекса процессуальных гарантий, установленных УПК РК и др.), были механически переведены в УК РК.

Во-вторых, уголовный проступок не вписывается в общую концепцию уголовного права, так как лицо, осужденное за совершение уголовного проступка, признается даже не имеющим судимости (ч.2. ст. 79 УК РК) [3, с. 65]. А как известно, одним из важнейших признаков уголовного наказания, наряду с другими, является судимость.

В-третьих, наличие уголовных проступков в УК РК серьезно усложняет правоприменительную практику, поскольку резко возрос объем выполняемой работы следователей и дознавателей. Более того уголовные проступки не выделены в самостоятельные статьи УК, а основанием для отличия уголовного проступка от преступления является лишь санкция, при изменении которой общественно опасное деяние автоматически переходит из уголовных проступков в разряд преступлений или обратно.

В-четвертых, сфера уголовно-правовых отношений – это очень обособленная и вместе с тем специфичная отрасль права (ч.1. ст. 1 УК РК), которая предусматривает только особые отдельно взятые случаи. И присутствие уголовных проступков в УК РК может привести в последствии к ослаблению и размыванию данного действенного инструмента противодействия преступности, а также способствует искусственному увеличению количества людей, вовлекаемых в сферу уголовной юстиции.

Например, можно было бы вернуться к старой классической структуре построения УК РК 1997 года, то есть отказаться от понятия уголовного правонарушения (уголовный проступок, преступление) и вернуться только к преступлению.

Кроме этого, наличие уголовных проступков в УК РК противоречит Модельному уголовному кодексу, носящему рекомендательный характер для Содружества Независимых государств, принятом на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств участников Содружества Независимых Государств (постановление N 7-5 от 17 февраля 1996 года) (с изменениями на 16 ноября 2006 года). Следует заметить, что данное «новшество», до сих пор не введено в УК РФ.

В-пятых, имеется наконец опыт законодателя Кыргызской Республики, где были вначале введены уголовные проступки, а затем по причине их неэффективности от них отказались.

Второе. Следует уточнить понятие и цели уголовного наказания.

По мнению У.С. Джекебаева правильное уяснение целей уголовного наказания имеет большое теоретическое и практическое значение. Общеизвестно, что в обществе ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели. Отсюда становится понятной важность четкого представления о целях уголовного наказания. Цели, определяемые законодательством, влияют, с одной стороны, на выбор средств, а с другой – избранные средства влияют на способ осуществления этой цели. Знание этих сложных зависимостей необходимо как для совершенствования законодательства, так и для практического его применения. [4, с.59]

Так, в ч. 2 ст. 39 «Понятие и цели наказания» УК РК 2014 года нуждаются в уточнении такие положения, что «наказание есть мера государственного принуждения», а также что *«наказание применяется в целях восстановление социальной справедливости»* и *«наказание не имеет своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства»*[3, с. 39], которые полностью слово в слово перешли из старого УК Казахской ССР в начале в УК РК 1997 года, а затем и в УК РК 2014 года и носят декларативный характер, заведомо невыполнимы, что негативно сказываются на правоприменительной практике при исполнении наказания.

Как нам представляется, больше соответствовало содержанию наказания трактовка, данная в ст. 20 УК Каз ССР 1959 года, что наказание – это кара за совершенное преступление, [5, с.15] чем действующая формулировка в ч.1 ст.39 УК РК – как мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда. Допущенная неточность формулировки наказания, как меры государственного принуждения, а не как кары за совершенное преступление, не только лишает истинный смысл наказания, но и затрудняет правоприменительный процесс, особенно в период исполнения наказания.

Или другое положение наказания. Например, как можно восстановить социальную справедливость, когда речь идет об убийстве или изнасиловании (мы можем говорить только о частичном

восстановлении). В лучшем случае мы можем говорить об обеспечении социальной справедливости в процессе назначения уголовного наказания, а не о его восстановлении.

Или, насколько это возможно, в процессе вынесения приговора, который является мерой государственного принуждения (ч.1 ст. 39 УК РК), чтобы не причинять физические страдания (использование тех же наручников, сопровождение под конвоем, перемещение в специальном оборудованном транспортном средстве и т. д.) или унижение человеческого достоинства (помещение человека в камеру, на суде в клетку, перемещение в специализированном автомобиле, показ по телевидению, публикация в СМИ и т. д.).

Как нам представляется, критика деятельности органов, исполняющих наказание в Казахстане, основана на положениях действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан, в которых закреплены заведомо невыполнимые нормы.

На наш взгляд, в уголовном законе речь должна идти не только о каре за содеянное, а о содержании кары, то есть наказания, оно должно соответствовать тяжести совершенного преступления. Тогда будет обеспечиваться социальная справедливость, будет обеспечена превентивная роль уголовного законодательства и правильно ориентировано гражданское общество.

Приведем по данному вопросу позицию законодателей Кыргызской Республики и Российской Федерации по этому вопросу.

Так, в ч.1 ст.59 «Понятие и цели наказания за преступление» УК Кыргызской Республики, определяя наказание как один из видов принудительных мер уголовно-правового воздействия, в ч.2 ст. 59 УК КР указывает, что целями наказания являются исправление и ресоциализация виновного, предупреждение совершения новых преступлений, восстановление социальной справедливости. [6, с. 115],

Интересен опыт Российской Федерации. В отличие от казахстанского и кыргызского уголовного законодательства, в ст. 43 «Понятие и цели наказания» УК РФ [7, с. 20], статья не содержит такой формулировки, что «наказание не направлено на причине-

ние физических страданий или унижение человеческого достоинства», что правильно отражает карательную сущность наказания.

Для решения указанных выше проблем предлагается изменить редакцию ст. 39 УК РК путем приведения ее в соответствие с реалиями действительности.

Третье. Об основаниях категоризации преступлений

Чтобы решить существующие проблемы с квалификацией уголовных правонарушений при вынесении приговора, следует пересмотреть содержание ст. 11 «Категории преступлений» УК РК 2014 года [3, с. 30]

По нашему мнению, разработчики УК РК 1997 и 2014 годов допустили методологическую ошибку при конструировании категорий преступлений. Для классификации преступлений был предложен механический подход, поскольку он основывался только на двух признаках: форме вины и размере наказания (сроки лишения свободы), причем последний, является основным критерием. А такой критерий как степень общественной опасности, которую законодатель только подразумевает, остался за пределами правового поля. Это значительно усложняет правоприменительную практику, поскольку произошло обезличивание (деперсонализация) предполагаемых категорий преступлений.

Для убедительности наших суждений, мы проанализировали санкции всех статей Особенной части УК РК и получили довольно интересную картину, 1 категория: преступления небольшой тяжести -160 составов; 2 категория: преступления средней тяжести – 280 составов; 3 категория: – тяжкие преступления – 259 составов; 4 категория: – особо тяжкие преступления 104 составов; 5 категория – уголовных проступков – 147 составов.

Сложность для правоприменителей заключается в том, что, например, встречаются отдельные статьи, состоящие из нескольких частей, когда части одной статьи могут относиться к разным из четырех категорий преступлений (например, ст.ст. 120, 121, 122 УК одновременно относятся к преступлениям средней тяжести, тяжким, особо тяжким; ст. 143 УК представляет преступления небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие; ст. 367 УК представляет

одновременно все четыре категории преступлений ч. 1 – небольшой тяжести, ч. 2 – средней тяжести, ч. 3 – тяжкие преступления, ч. 4 – особо тяжкие преступления и др.). Данная проблема заслуживает самостоятельного изучения и осмысления.

В качестве положительного примера приведем правовую технику, которая использовалась в бывшем УК КазССР в статье 7-1 «Понятие тяжкого преступления». Законодатель того периода четко определил понятие тяжкого преступления, поскольку он составил список всех тяжких преступлений, относящихся к этой категории [5, с. 12]. Это позволяло правоохранительным органам в процессе их работы проще ориентироваться в событиях и давать правильную квалификацию определенных совершенных преступлений, а это, в свою очередь, подразумевало правильное назначение наказания.

В настоящее время, правоохранительные органы из-за сложности категоризации преступлений и не указания в тексте УК РК к какой категории преступлений относится тот или иной состав, допускаются ошибки, приводимые к серьезным последствиям.

Для решения данной проблемы предлагается в ст. 11 УК РК ввести дополнительные основания для категоризации преступлений, кроме сроков лишения свободы.

И самое главное, при существующей категоризации в УК РК из нее выпали уголовные проступки. Следовало изменить название ст. 11 «Категории преступлений» УК на «Категории уголовных правонарушений» дополнив ее уголовными проступками.

Четвертое. О видах уголовных наказаний.

Тенденции развития современной уголовной политики требуют расширения иных мер уголовно-правового и уголовно-исполнительного воздействия в рамках развития восстановительного правосудия.

По нашему мнению, было бы намного эффективнее государству ввести новые виды наказаний, предусмотренные в статье 40 Уголовного кодекса РК, альтернативные лишению свободы, таких, например, как ссылка и высылка (можно изменить название), что даст возможность уголовно-исполнительной системе более качественнее организовать процесс исполнения наказания.

Так, осужденных за экономические или некоторые коррупционные преступления направлять не в общие исправительные учреждения на «съедение» уголовным элементам или коррумпированным сотрудникам уголовно-исполнительной системы и этим самым поддерживая криминальный мир, а направлять их для отбывания наказания на весь установленный срок в какое-либо заброшенное селение, где разместить колонии–поселения (учреждения минимальной безопасности), чтобы дать возможность осужденным, не нарушая установленного режима отбывания наказания, работать на благо общества и государства и возместить в полном объеме причиненный ущерб своими преступными действиями.

При таком подходе будет доволен сам осужденный, будет большая польза выбранному селению, а самое главное будет обеспечена гуманность уголовного законодательства и реализованы в полном объеме цели уголовного наказания.

Пятое. О пересмотре сложившейся концепции применения такого вида наказания как лишение свободы

Учитывая, что изоляция осужденного не дает положительных результатов по его исправлению, так как осужденный становится не лучше, а напротив хуже после отбывания наказания, следует продолжить работу по дальнейшему максимальному исключению данного вида наказания из отдельных статей Особенной части УК РК, за деяния, не представляющие серьезную общественную опасность, заменив его другими видами наказаний, не связанных с изоляцией от общества.

Во-первых, предлагается сократить в уголовном законодательстве Республики Казахстан применение лишения свободы, как неэффективного и затратного вида наказания.

Во-вторых, ввести ограничения на применение такого вида наказания как лишение свободы. Например, внести пункт в статью 46 УК РК, что лишение свободы не назначается в отношении лиц, совершивших *впервые* преступления *небольшой и средней тяжести*, достигших пожилого возраста (старше 63 лет), или женщин, воспитывающих двух или более детей, несовершеннолетних и инвалидов первой и второй группы и т.д.

В-третьих, снизить предельные сроки лишения свободы. Принимая во внимание многие обстоятельства, связанные с условиями содержания осужденных, с возможностью завершения исправительного процесса в более короткие сроки, с ежегодно нарастающим количеством осужденных, с увеличением затрат на их содержание, а также стремлением Казахстана улучшить индекс «тюремного населения» страны, считали бы целесообразным установить максимальные сроки лишения свободы за совершенные умышленные преступления не свыше 10 лет, за неосторожные преступления до 5 лет, по совокупности преступлений до 12 лет и по совокупности приговоров не более 15 лет.

Шестое. О введении нового вида наказания – пожизненное лишение свободы

Предусмотреть в ст. 40 УК РК, по примеру Российской Федерации, новый самостоятельный вид наказания-пожизненное лишение свободы.

Седьмое. О повышении эффективности применения УДО.

Так, например, в 2022 году из числа отбывающих наказание формально подпадали под УДО – 6604 человек, направлено в суд ходатайств об УДО-5929 человек, рассмотрено ходатайств об УДО – 5288, удовлетворено 2533, отказано 2755, оставлено без изменения – 366.

Как видим, институт УДО применяется в правоприменительной практике не эффективно, поскольку наблюдается большая разница между количеством формально подпадающих под УДО и условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания.

То есть возможности института УДО используются, судя по приведенной статистике, всего на 35-40 процентов.

Тогда как, общее количество возвращенных в исправительные учреждения за совершение преступлений из числа ранее условно-досрочно освобожденных в количественном соотношении к числу условно-досрочно освобожденных в текущем году крайне незначительное (от 1 до 5 процентов).

Так, например, было бы целесообразным, сократить установленные в ч. 3 ст. 72 УК РК обязательные сроки отбытия наказания

как обязательное условие применения условно-досрочного освобождения: за преступления небольшой тяжести – до 1 года, средней тяжести до 2 лет, тяжкие – до 3 лет, особо тяжкие до 4 лет.

Как нам представляется, наступило время, когда во исполнение поручения Главы государства необходимо осуществить полную коррекцию уголовного законодательства РК и отразить это все в новом проекте нового УК РК, который бы отвечал интересам и нуждам граждан нашей страны, правоохранительным органам и повысил бы эффективность применяемых мер уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших уголовные правонарушения и их ближайшее окружение.

Источники и литература.

1. Справедливое государство, единая нация, благополучное общество: Послание Президента Республики Казахстан К-Ж.К. Токаева народу Казахстана от 1 сентября 2022 года // «Казахстанская правда». – 2022. -2 сентября.

2. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674. «Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года».

3. Уголовный кодекс Республики Казахстан: Практическое пособие. – Алматы: «Издательство «Норма –К», 2025. – 284 с.

4. Джекебаев У.С. Основные принципы уголовного права Республики Казахстан (сравнительный комментарий к книге Дж. Флетчера и А.В.Наумова «Основные концепции современного уголовного права»). – Алматы: Жеті жарғы, 2001. – 256 с.

5. Уголовный кодекс Казахской ССР (Официальный текст с изменениями и дополнениями на 1 сентября 1986 года). – Алма-Ата, 1987. – 155с.

6. Осмоналиев К.М., Супатаева Ж.Э. Комментарий к Уголовному кодексу Кыргызской Республики. Том 1. Общая часть /Под ред. К.М.Осмоналиева. – Бишкек, 2023. – 280 с.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации. – М.: Проспект, 2018. – 320 с.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚҰҚЫҚТЫҚ САЯСАТ ТҰЖЫРЫМДАМАЛАРЫНДАҒЫ ІЗГІЛЕНДІРУ МӘСЕЛЕСІ

С.Қ. Алтайбаев – Қылмыстық құқық, процесс және криминалистика кафедрасының қауымдастырылған профессоры, з.ғ.к., қауымдастырылған профессор (доцент)

Академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды зерттеу университеті, Қазақстан, *e-mail: altaibaev@mail.ru*

Аннотация: Бұл мақалада Қазақстан Республикасының 2010–2020 жылдарға арналған құқықтық саясат тұжырымдамасындағы қылмыстық заңнаманы ізгілендіру мәселесі қарастырылады. Автор ізгілендіру бағытындағы реформалардың негізгі бағыттарын, атап айтқанда декриминализация, депенализация, бас бостандығынан айыруға балама жазаларды енгізу және әлеуметтік осал топтарға қатысты жеңілдетілген шараларды талдайды. Сонымен қатар, 2010 жылдан бастап 2023 жылға дейінгі аралықта қылмыстылық деңгейінің өзгеруі статистикалық деректер негізінде талданып, тұжырымдаманың нақты нәтижелеріне сыни баға беріледі. Зерттеу барысында реформаларға қарамастан, бастапқы кезеңдерде қылмыс деңгейінің өсуі байқалғаны атап өтіледі. Сондай-ақ, жаңа 2021–2030 жылдарға арналған тұжырымдамадағы міндеттер мен қылмыстық құқықтық саясаттың жетілдірілуі баяндалады. Мақалада жазалаудың әділдігі, құқықтық жүйенің тепе-теңдігі мен қылмыстық заңнаманы гуманизациялаудағы кешенді тәсілдердің маңыздылығы ерекше көрсетілген.

Тірек сөздер: ізгілендіру, қылмыстық саясат, декриминализация, депенализация, құқықтық тұжырымдама, қылмыстылық статистикасы, қылмыстық жауапкершілік, балама жаза, заңнамалық реформа, әлеуметтік осал топтар.

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос гуманизации уголовного законодательства в рамках Концепции право-

вой политики Республики Казахстан на 2010–2020 годы. Автор анализирует основные направления реформ в области гуманизации, в частности декриминализацию, депенализацию, внедрение альтернативных мер наказания вместо лишения свободы, а также смягчённые меры в отношении социально уязвимых групп. Кроме того, на основе статистических данных анализируется изменение уровня преступности в период с 2010 по 2023 год, и дается критическая оценка конкретных результатов реализации Концепции. В ходе исследования отмечается, что несмотря на реформы, на начальных этапах наблюдался рост уровня преступности. Также освещаются задачи и совершенствование уголовно-правовой политики в рамках новой Концепции на 2021–2030 годы. В статье особо подчеркивается значимость справедливости наказания, баланса в правовой системе и комплексного подхода в гуманизации уголовного законодательства.

Ключевые слова: гуманизация, уголовная политика, декриминализация, депенализация, правовая концепция, статистика преступности, уголовная ответственность, альтернативное наказание, законодательная реформа, социально уязвимые группы.

Қазақстан Республикасының Президентінің 2009 жылғы 24 тамыздағы № 858 Жарлығымен «Қазақстан Республикасының 2010 жылдан 2020 жылға дейінгі кезеңге арналған құқықтық саясатының Тұжырымдамасы» бекітілді, ол Қазақстан Республикасында еліміздің заңнамалық жүйесін жетілдіру, заңдарды ізгілендіру жөніндегі бірқатар іс-шараларды мақсат етіп қойған болатын.

Заңдарды ізгілендіруді қылмыс құрамын қылмыссыздандыруға, қылмыстық жауапкершілікке және оны іске асырудағы заңнама салаларын – қылмыстық, қылмыстық іс жүргізу және қылмыстық-атқару құқығын толықтырды немесе азайтты деп бірден атап айта алмаймыз. Қылмыстық заңнаманы жетілдіру, ең алдымен ізгілендіру, криминализация (декриминализация), пенализация (депенализация) актілеріне бағытталуы керек еді.

Осы саладағы бірқатар тұжырымдамалық бағыттар Қазақстан Республикасының 2010 жылдан 2020 жылға дейінгі кезеңге ар-

налған құқықтық саясат тұжырымдамасымен айқындалғаны белгілі. Атап айтқанда, тұжырымдамаға сәйкес ізгілендіру негізінен ауырлығы төмен және орташа қылмыстарды алғаш рет жасаған адамдарға, сондай-ақ халықтың әлеуметтік осал топтарына – асырауында кәмелетке толмаған балалары бар жүкті және жалғызбасты әйелдерге, кәмелетке толмағандарға, егде жастағы адамдарға қатысты болуы тиіс [1].

Мемлекет басшысының 2009 жылғы 24 тамыздағы N858 жарлығында қылмыстық құқықтық саланы ізгілендірудің айқын жоспарлары көрсетілді. Осыған байланысты, жарияланғаннан кейін қылмыстық-құқықтық саланы ізгілендіруді көздейтін қосымша толықтандырулар жүйелендірілді. Оларға:

- үлкен қоғамдық қауіп төндірмейтін қылмыстарды, ең алдымен экономикалық қызмет саласында оларды әкімшілік құқық бұзушылық туралы заңнама саласына ауыстыра отырып, қылмыссыздандыруды жүзеге асыру;

- бас бостандығынан айыруға, ең алдымен айыппұл салуға және бас бостандығын шектеуге байланысты емес жазаларды қолдану аясын кеңейту, сондай-ақ жазаның жаңа түрі – келтірілген зиянның орнын толтыру міндетін жүктеу;

- жекелеген қылмыстар бойынша бас бостандығынан айырудың ең жоғары мерзімдерін жеңілдету жағына қарай қайта қарау;

- аз ауырлықтағы кейбір әрекеттер бойынша бас бостандығынан айыру түріндегі жазаны алып тастау;

- экономикалық қызмет саласындағы қылмыстар бойынша мемлекетке келтірілген зиянды толық өтеген жағдайда қылмыстық жауаптылықтан босатудың жаңа негіздерін енгізу;

- кәмелетке толмағандардың қылмыстық жауапкершілігі мен жазасын жеңілдету.

Ал, мемлекеттің негізгі қылмыстық саясаты мыналарға бағытталған болатын:

- 1) үлкен қоғамдық қауіп төндірмейтін құқық бұзушылықтарды әкімшілік құқық бұзушылық санатына ауыстыра отырып және оларды жасағаны үшін әкімшілік жауаптылықты күшейте отырып, оларды одан әрі қылмыссыздандыруды, сондай-ақ жазаларды жеңілдету (депенализация) жолымен жекелеген қылмыстардың ауырлық дәрежесін қайта бағалауға;

2) Сыбайлас жемқорлық, экономикалық, экологиялық және кейбір өзге де қылмыстар үшін, сондай-ақ кәмелетке толмағандарға, олардың құқықтары мен заңды мүдделеріне қол сұғатын қылмыстар үшін, ұйымдасқан қылмыстық топтың немесе қылмыстық қоғамдастықтың құрамында қылмыстар қайталанған кезде жасалған қылмыстар үшін неғұрлым қатаң жаза белгілеу арқылы үлкен қоғамдық қауіп төндіретін қылмыстар үшін қылмыстық жауаптылық пен жазаны күшейту оларды неғұрлым ауыр қылмыстар санатына ауыстыру болды.

Жарлық қабылданғанан кейін қылмыстылық деңгейі төмендеудің орнына, керісінше күшейіп, республика аумағында тіркелген қылмыстар шарықтау шегіне жетті. 2010-2020 жылдар аралығында ең көп қылмыстылық тіркелген 2015 жыл болды. Яғни, тіркелген жалпы қылмыс саны 386,718-ді көрсетті. Статистикалық бюро деректерінде қылмыстылықтың деңгейі 2013 жылы (359,844 қылмыс тіркелген) күрт күшейіп – 2019 жылға (241,479 қылмыс тіркелген) дейін төмендеген жоқ.

Жалпы ізгілендіру концепциясы қабылданғанан соң қылмыстылық қарқындылығы коэффициентін есептеп жүргізу қортындысы мына көрсеткіштерді көрсетті:

2009 жылы 121,667 қылмыс жасалған, халық саны 15,776,492-ні құраған. Бұл көрсеткіштерді он мың халыққа шаққанда 77,11 қылмыс жасалған.

$$Кф = \frac{121,667 * 10,000}{15,776,492} = 77,11$$

2010 жылы 131,900 қылмыс тіркелген, халық саны 16,204,617-ға жеткен. 10,000 адамға бөлгенде 81,39 қылмыс.

$$Кф = \frac{131,900 * 10,000}{16,204,617} = 81,39$$

2011 жылы 206,801 қылмыс тіркеліп, халық саны 16,441,959-ды құрап, 10,000 халыққа 125,77 қылмыс жасалған.

$$Кф = \frac{206,801 * 10,000}{16,441,959} = 125,7$$

2012 жылы 287,681 қылмыс, халық саны 16,675,392-ге жеткен. 10,000 мың адамға бөлгенде 172,5-ті көрсеткен.

$$Кф = \frac{287,681 * 10,000}{16,675,392} = 172,5$$

2013 жылғы көрсеткіштің деңгейі он мың халыққа 212,7 қылмысты құраған. Яғни, тіркелген қылмыс саны 359,844, ал халық саны 16,911,911.

$$Кф = \frac{359,844 * 10,000}{16,911,911} = 212,7$$

Бұл бес жылдағы қылмыстылықтың ең төменгі көрсеткіштері болды. Жасалған қылмыстардың ішіндегі ең көп жасалатын қылмыстар меншікке қарсы, оның ішінде ұрлық; қоғамдық қауіпсіздік пен қоғамдық тәртіпке қарсы; есірткіге байланысты қылмыстар, адамға қарсы, денсаулыққа ауыр зиян және кісі өлтіру қылмыстары көш бастап тұр. Келесі бесжылдық 2014-2018 жылдардың аралығын қамтиды.

2014 жыл – халық саны 17,165,239; тіркелген қылмыс саны 341,291 бұл 2013 жылғы көрсеткіштен 5,2%-ға төмен. Әр 10,000 адамға жасалған қылмыс саны – 198,8.

$$Кф = \frac{341,291 * 10,000}{17,165,239} = 198,8$$

2015 жылғы қылмыстылықтың деңгейі күрт өсіп, әр адамға жасалған қылмыс саны 222,0-ні көрсетіп, тіркелген қылмыстың саны 386,718-ға жетті. Жалпы халық саны 17,417,447. Бұл 2014 жылдағы кезеңімен салыстырғанда 13,3% көп.

$$Кф = \frac{386,718 * 10,000}{17,417,447} = 222,0$$

2016 жылы қылмыстылық деңгейі 6,9%-ға төмендеді. Тіркелген қылмыс саны 361,689; халық саны 17,870,957; әр 10,000 адамға жасалған қылмыс саны 202,3.

$$Кф = \frac{361,689 * 10,000}{17,870,957} = 202,3$$

2017 жыл тіркелген қылмыс саны-316,418; халық саны 18,226,000; әр 10,000 адамға жасалған қылмыс-173,6. Өткен жылмен салыстырғанда 12,6%-ға аз.

$$Кф = \frac{316,418 * 10,000}{18,226,000} = 173,6$$

2018 жылғы көрсеткіш 2017 жылғы қортындымен салыстырғанда 7,9% -ға төмендеді. Халық саны 18,557,337; тіркелген қылмыс – 263,138; әр он мың адамға жасалған қылмыс саны 141,7.

$$Кф = \frac{263,138 * 10,000}{18,557,337} = 141,7$$

Келесі 5-жылдық бұл 2019-2023 жылдар аралығын қамтиды.

2019 жыл тіркелген қылмыс саны – 241,479; халықтың саны-18,895,567; әр 10 мың адамға жасалған қылмыс саны 127,7.

$$Кф = \frac{241,479 * 10,000}{18,895,567} = 127,7$$

Ұлттық статистика бюросы хабарламасына сәйкес 2020 жылы 163,226 қылмыс тіркелді. Бұл өткен жылдың сәйкес кезеңімен салыстырғанда 33% – ға аз. Ал жалпы халықтың саны 19,311,779; әр 10 мың адамға жасалған қылмыс 84,52.

$$Кф = \frac{163226 * 10,000}{19,311,779} = 84,52$$

Қазақстан Республикасы Стратегиялық жоспарлау және реформалар агенттігінің ұлттық статистика бюросының мәліметі бойынша 2021 жылғы 157,884 қылмыс тіркелген. Бұл 2020 жылмен салыстырғанда 8,5%-ға аз.

$$Кф = \frac{157,884 * 10,000}{19,479,552} = 81,05$$

2022 жылда қылмыстылық деңгейі 0,3 пайызға төмендеді. Тіркелген қылмыстың саны 157,473, халықтың саны 19,730,159. Әр он мың адамға жасалған қылмыс саны 79,92-ні құрады.

$$Кф = \frac{157,473 * 10,000}{19,703,159} = 79,92$$

2023 жылы халықтың саны 20 миллионға жетіп Қазақстанның қуанышын арттырған жыл болды. Алайда тіркелген қылмыстар сааны 140,272-ні көрсетті, бұл пайыздық көрсеткішпен 12%-ды көрсетті. Әр 10мың адамға жасалған қылмыстың саны 70,13 болды.

$$Кф = \frac{140,272 * 10,000}{20,000,000} = 70,13$$

Шындығында, қолданыстағы Қазақстан Республикасының кодексінде қылмыстық жаза жүйесі өзін толық ақтамады. Яғни, тұжырымдаманы кеңейту барысында бас бостандығынан айыруға байланысты емес қылмыстық жазаларды қолдану салалары, оның ішінде жекелеген санкциялардан бас бостандығынан айыру түріндегі жазаларды алып тастау не төмендету; бас бостандығынан айырудың ең жоғары мерзімдері; айыппұлды тиімді мерзімдердің бірі ретінде анықтау; қылмыстық жазалардың түрлерін және оның қолданылуын кеңейту мүмкіндіктерін белгілеу; санкцияларындағы жазалардың пропорционалдылығы; ауырлық дәрежесі және олардың жазаның әділдігі қағидатына сәйкестігі; мемлекеттік мәжбүрлеу шараларын қылмыстық жазалауға балама жаза ретінде; жазаны өтеу институттары- жазаны өтеуден мерзімінен бұрын босату Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасын жетілдіру жөніндегі саясатының әсері қылмыстылықпен күресте тиімділігі теріс болды.[1].

Ал, 2021-2030 жылдарға арналған құқықтық саясатының тұжырымдамасы Қазақстан Республикасының Президентінің 2021 жылғы 15 қазандағы Жарлығымен бекітілді. Құжат шешілуі керек бірқатар мәселелерді белгіледі: ұлттық құқықты, құқық қорғау және сот жүйелерін, сыртқы саяси және сыртқы экономикалық қызметті, сондай-ақ құқықтық білім беру мен құқықтық насихатты дамытудың басым бағыттарын айқындауды; қылмыстық қудалауды жүзеге асыру сапасы және соттың сот төрелігін жүзеге асыру мәселелері. [2]

Қазіргі қылмыстық-құқықтық саясат жеке адамның, оның құқықтары мен бостандықтарының, сондай-ақ қоғам мен мемлекеттің қылмыстық қатерлерден қауіпсіздігін қамтамасыз етуге бағытталған және қамтамасыз етудегі тетіктерді әзірлеу маңызды.

Қылмыстық заңнаманы жетілдірудегі мақсаттарға жетуде ең алдымен мынадай мәселелерді шешу қажет:

- адам құқықтары, қылмысқа қарсы іс-қимыл саласындағы халықаралық-құқықтық стандарттардың талаптарын және ұлттық құқықтық жүйенің ерекшеліктерін ескере отырып, қылмыстық заңнаманы және оны қолдану практикасын жетілдіру, сондай-ақ қылмыстық құқық бұзушылықтың жаңа тұжырымдамасын әзірлеу;
- қылмыстық құқық бұзушылықтар бойынша жаза тағайындау тетіктерін жетілдіру;

Қылмыстық-процестік және қылмыстық-атқару заңнамаларын бір мезгілде түзете отырып, қылмыстық заңнаманы оңтайландыру елдегі криминогендік жағдайды жақсартуға қол жеткізуге мүмкіндік берер еді.

Қылмыстық-құқықтық саясаттың негізгі бағыттарын жетілдіру әлеуметтік және криминологиялық негізділік талаптарын ескере отырып жүзеге асырылуы тиіс. Бұл шара қылмыстық-құқықтық реттеудің жазалау, қалпына келтіру және алдын алу құралдарының теңгерімділігі маңызды болып табылады.

Осы тұрғыда қылмыстық заңнаманың бұзылған құқықтарды қалпына келтіруге, сотталғандар мен өзге де адамдар тарапынан жаңа құқық бұзушылықтардың алдын алуға барынша бағытталуы ұлғаятын болады. қылмыстық-құқықтық нормалардың санкцияларын қалыптастыру кезінде олардың қоғамдық қауіптілік дәрежесі мен құқық бұзушылық сипатына сәйкес келу қағидаты мүлтіксіз сақталуы тиіс. Қылмыстық жауаптылықтан немесе жазадан босатылған адамдарға қатысты оларды қолдану мүмкіндігін белгілей отырып, қосымша жазаларды қылмыстық-құқықтық ықпал ету шараларына түрлендіруді жүзеге асыру қажет. [2]

2010-2020 жылдарға арналған заңнамаларды ізгілендіру тұжырымдамасына, Мемлекет басшысының «Төртінші өнеркәсіптік революция жағдайындағы дамудың жаңа мүмкіндіктері» атты қаңтардағы Жолдауындағы тапсырмасын, сондай-ақ Жалпыұлттық

жоспарды орындау мақсатымен Бас прокуратура «Қазақстан Республикасының кейбір заңнамалық актілеріне қылмыстық, қылмыстық-процестік заңнама мен құқық қорғау және арнаулы мемлекеттік органдар қызметін жетілдіру мәселелері бойынша өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» Заң жобасын әзірледі.

Заңның негізгі қағидалары қылмыстық процесті одан әрі ізгілендіруге және репрессивтігін төмендетуге бағытталған.

Өз кезегінде қылмыстық-құқықтық жүйенің жүргізілген кешенді реформасының арқасында жазалау-репрессивтік және айыптау бағыты құқықтық қорғау бағытына қарай өзгертіле бастады.

Бүгінде жүйелі түрдегі шаралардың көмегімен түрмеде отырған адамдардың Индексі бойынша Қазақстан 220 мемлекеттің арасынан 78-ші орынға көтерілді.

Бас бостандығынан айыру орындарында 90-шы жылдардың басында 100 мың адам болса, қазір ол жерлерде 34 мың сотталған ұсталуда.

Бас прокуратура әзірлеген Заң жабасы екі бағытты қамтиды.

Бірінші – бұл азаматтардың конституциялық құқықтарын қорғауды нығайту және құқық қорғау қызметін ізгілендіру болса, екінші бағыт – ішкі істер органдарының қызметін жетілдіруді қарастырды.

Бұл тұрғыда Қылмыстық кодекстің 255-бабына, Қылмыстық-процестік кодекстің 16-бабына және Қылмыстық-атқару кодекстің 6-бабына түзетулер енгізілді.

Заңмен кепілдің ең төменгі мөлшері үштен бірге азайтылады, онша ауыр емес және орташа ауыр әрекеттер бойынша оның жоғарғы шегі белгіленеді.

Қылмыстық тергеу органдары мен сотқа енді неғұрлым жеңіл шараларды қолдану мүмкіндігін қарастыруға және оларды қолданудың мүмкін еместігі бойынша себептерді негіздеуге міндеттеледі.

Кінәні мойындау туралы мәміле нысанында процестік келісім жасалған адамдарға қатысты қылмыстық істі жеке іс жүргізуге бөлектеп алуға тыйым салынады.

Жазалау шарасының бірі ретінде айыппұл қарастырылған онша ауыр емес және ауырлығы орташа қылмыстар үшін қоғамдық

жұмыстар енгізіледі. Бұл түзету адам өліміне әкеліп соққан қылмыстық әрекеттерге қолданылмайды.

Соттар қылмыстардың 19 құрамы бойынша, оның ішінде 19 ауыр құрамы (*ұрлық, жымқыру, алаяқтық, салғырттық және т.б.*) бойынша бас бостандығын шектеуді тағайындай алады.

Айыппұл мөлшері 2 еседен астамға азайтылады, сондай-ақ әкімшілік және қылмыстық заңнама санкцияларының сатылығы ескеріле отырып, теріс қылықтар бойынша қамау мерзімін түзету жүргізілді.

Экономикалық және басқа да қылмыстар саласында меншікке қарсы қылмыстар бойынша қажетті қылмыстық жауапкершілік туындау үшін айтарлықтай, ірі және аса ірі залал көлемдерінің шегі 2 есеге көбейеді.

36 қылмыс бойынша бас бостандығынан айырудың жоғарғы шегі азайтылады.

Ауыр (15-тен 10 жылға дейін) және аса ауыр (20-дан 15 жылға дейін) қылмыстар бойынша ескіру мерзімінің өтуіне байланысты қылмыстық жауаптылыққа тарту мерзімі 5 жылға азайтылады.

Біркатар түзетулер сотталғандарды жазадан шартты түрде мерзімінен бұрын босатуды кеңінен қолдануға және оларды неғұрлым жеңіл жазамен ауыстыруға бағытталған.

Соттың көрсетілген рәсімдердің бірін қолданудан бас тартуы басқасы бойынша өтінішхат енгізу үшін кедергі бола алмайды.

Әлеуметтік жағынан қауіпсіз сотталғандарды қауіпсіздік деңгейі барынша төмен мекемелерге жіберу арқылы бас бостандығынан айыру түріндегі жазаны өтеу шарты жұмсартылады.

Қылмыстық айыппұлдарды өндіру тәртібі жеңілдетіледі. Экономикалық ынтымақтастық пен даму ұйымы (ЭЫДҰ) елдерінің тәжірибесі бойынша айыппұлдарды өтеудің ең ұзақ мерзімі 6 айдан 3 жылға дейін ұлғайтылған.

Сот сотталғандарды процестік шығындарды төлеуден босатуы мүмкін. Қазір олардың көлемі кейде айыппұлдың өзінен асып түседі.

Мәжбүрлі еңбектің жалпы мерзімі бір жылға 100 сағатқа дейін қысқартылған. Тұрақты тұрғылықты жері бар немесе оқудағы сотталғандарға мәжбүрлі еңбек қолданылмайтын болды.

Қайталанған құқық бұзушылықтар және масаю жағдайында жасалған құқық бұзушылықтардың қосымша нысандары мен алдын алу тәсілдері енгізіледі.

Жалпы алғанда Заң жобасы құқық қорғау қызметін ізгілендірумен қатар құқық үстемдігі принциптерін нығайтады [3].

Әдебиеттер тізімі

1. https://adilet.zan.kz/rus/docs/U090000858_
2. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>
3. <https://www.gov.kz/memleket/entities/prokuror/press/news/details/53785?lang=kk>

АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВ И ПРИОРИТЕТНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ УЧАСТИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

**Абдакимова Д.А. – Институт законодательства и правовой
информации Республики Казахстан Министерства юстиции
Республики Казахстан**

Казахстан, Астана, *abdakimova16@gmail.com*

В современных условиях международно-правовое измерение государственной правовой политики приобретает особую значимость, будучи направленным на обеспечение устойчивости международных отношений и преодоление глобальных угроз и вызовов. В этом контексте приоритетным направлением государственной политики выступает формирование эффективного правового механизма внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности, ориентированного на защиту и продвижение национальных интересов.

Важность и актуальность международного сотрудничества государств в борьбе с преступностью, обусловлено актуальностью современных глобальных вызовов, с которыми сталкивается международное сообщество. Осознание всеми участниками этого процесса важности консолидации усилий для эффективного противодействия транснациональной преступности, терроризму, экстремизму и иным формам деструктивного воздействия на общественную безопасность и стабильность.

Стоит отметить, что Казахстан участвует в большинстве международных договоров и соглашений в вопросах борьбы с преступностью. Международные договоры и соглашения с участием Республики Казахстан, касающиеся регулирования сотрудничества в различных направлениях политики, являются составляющей действующего национального законодательства

Как известно, уровень преступности в стране напрямую зависит от состояния экономики, политики, культуры, социальной сферы, и является важным индикатором качества жизни населения.

Укрепление превентивных механизмов в сфере противодействия коррупции, развитие международно-правового сотрудничества по вопросам противодействия кибербуллингу, а также борьба с пытками и иными видами жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения предусмотрены в законодательных и программных документах Республики Казахстан, направленных на приведение национальной правовой системы в соответствие с международными стандартами в области прав человека.

Республика Казахстан закрепляет приоритетные направления и подходы к международному сотрудничеству по ключевым вопросам, включая международный контент в борьбе с преступностью, в таких стратегических документах, как Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы [1], Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года [2], Концепция антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 [3]. Необходимо отметить, что и в перспективе значительная составляющая национального законодательства будет формироваться под влиянием международно-правовых обязательств Республики Казахстан, исходя из того, что именно такая согласованная международная составляющая, как международный договор, определяет основные тренды в борьбе с преступностью для всего международного сообщества

Согласно положениям Концепции внешней политики, одним из приоритетов внешней политики выступает укрепление региональной и многосторонней дипломатии, развитие двустороннего и многостороннего взаимодействия с государствами, в целях укрепления многостороннего диалога в политической, торгово-экономической и гуманитарной областях, а также в сфере безопасности и противодействия новым вызовам и угрозам. Особый аспект государств всего мирового сообщества направлен на сферу поддержания международного мира и безопасности, который заключен в тесном взаимодействии друг с другом в сфере борьбы с организованной преступностью, наркобизнесом, терроризмом и иными видами преступной деятельности.

В Концепции правовой политики, указано, что международно-правовые аспекты правовой политики государства в совре-

менных условиях направлены на стабилизацию международных отношений и преодоление новых глобальных угроз и вызовов. В этой связи одним из основных направлений политики является правовое обеспечение внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности государства с учетом защиты его национальных интересов.

Республика Казахстан ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции 2003 года (далее – Конвенция) [4], предусматривающей следующие аспекты: меры по предупреждению коррупции, криминализация коррупции и обеспечение правопорядка, международное сотрудничество, возвращение активов, оказание технической помощи и обмен информацией. Следует подчеркнуть, что практически каждая глава Конвенции предусматривает заключение двусторонних и многосторонних соглашений в целях реализации целей данного международного договора. Это корреспондируется с положением Национальной Концепции антикоррупционной политики в которой предусматривается задача, согласно которой для достижения существенного прогресса в противодействии коррупции и обеспечения неотвратимости ответственности Казахстану предстоит присоединиться к новым международным правовым инструментам.

Казахстан также является участником Конвенции ООН против транснациональной преступности 2000 года [5], в соответствии с которой наша страна приняла на себя обязательства по применению законодательных мер в сфере эффективного предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней, оказанию технической и информационной помощи государствам участникам Конвенции.

Международное сообщество осознает необходимость объединения усилий для эффективного противостояния транснациональной преступности, терроризму, киберпреступности и другим формам негативного воздействия на общество. Именно поэтому, своевременно и качественно оказываемая правоохранительным органам иностранных государств правовая помощь в вопросах выдачи преступников во многом способствует положительному и

быстрому рассмотрению запросов о выдаче лиц между субъектами соглашений.

Казахстаном подписано и действует большое количество многосторонних и двусторонних международных договоров в сфере противодействия преступности: по линии МВД действуют 101 [6], Генеральной Прокуратурой заключено 72 договора с 34 странами дальнего зарубежья (29 – о взаимной правовой помощи по уголовным делам, 21 – о выдаче, 22 – о передаче осужденных) [7], в области противодействия коррупции – 25 [8].

Необходимо отметить, что каждый подписанный Республикой Казахстан международный договор имеет схожие, общие подходы к решению вопросов выдачи. Тем не менее, каждый международный договор уникален тем, что содержит определенные нюансы, связанные со спецификой законодательства договаривающихся сторон, уровнем и продолжительностью сотрудничества.

Можно отметить, что значимость международного сотрудничества Республики Казахстан с другими государствами в сфере противодействия преступности выражается не только в конкретной фактической помощи в вопросах оказания правовой помощи друг другу, выдаче преступников, выполнения следственных и судебных поручений, но и в других важных ключевых аспектах, таких как:

- транснациональный обмен опытом и передовыми практиками, осуществлять систематический обмен знаниями и наработками в сфере противодействия преступности, включая такие направления, как борьба с коррупцией, транснациональными преступными структурами и терроризмом;
- укрепление безопасности региона, где эффективное взаимодействие между Казахстаном и другими участниками будет способствовать созданию стабильного и безопасного региона (в рамках ШОС, ОИС, СНГ);
- защита прав и интересов граждан, когда совместные усилия в борьбе с преступностью направлены на обеспечение законности, справедливости и защиты общества от угроз, связанных с различными видами преступлений;

- международное сотрудничество в научно-исследовательской сфере, включая обмен публикациями и результатами научных исследований по преступлениям, методам борьбы с преступностью, систематизации и стандартизации методик расследования, совместные исследовательские проекты по изучению конкретных видов преступления;
- обмен помощью в области научного и технического развития и помощью в обучении персонала, предполагающий, обмен инновациями, методиками, технологическими разработками, программными обеспечениями, специальным криминалистическим оборудованием.

Одним из важных аспектов включения Казахстана в международный механизм борьбы с преступностью является сотрудничество с Советом Европы и его структурами. Уникальность такого сотрудничества заключается в том, что, не являясь членом Совета, наша страна имеет возможность участвовать в важных расширенных соглашениях организации, проводить совместную работу с государствами-членами по вопросам, представляющим интерес.

Казахстан имеет статус международного наблюдателя в Консультативном совете европейских прокуроров (ССРЕ) (с 2015 года), а также «Консультативном совете европейских судей» (ССЈЕ) и «Европейской комиссии по эффективности правосудия» (СЕРЕЈ) (с 2018 года).

С целью совершенствования антикоррупционного законодательства и принимаемых мер, Казахстан с 2004 года участвует в субрегиональной программе ОЭСР – Стамбульский план действий по борьбе с коррупцией. В рамках Стамбульского плана, предусмотрен непрерывный мониторинг усилий стран по реализации рекомендаций в поддержку выполнения Конвенции ООН против коррупции. Программа также предусматривает поощрение принятия решений государствами, направленных на обеспечение лучшей политики для лучшей жизни граждан своих стран. Казахстан взаимодействует в сфере противодействия коррупции не только в рамках многостороннего сотрудничества, но и развивает двусторонние отношения с государствами-членами Совета Европы и другими государствами, подписавшими Конвенцию.

Проведенный анализ показал, что в целом, за годы независимости Казахстан активно интегрирован в международный механизм по борьбе с преступностью, включая участие в универсальных и региональных международных конвенциях, членство в международных институтах. Создан прочный законодательный фундамент в сфере борьбы с преступностью. Тем не менее, Казахстану предстоит большая работа по присоединению к не менее важным международным конвенциям, которые обеспечат более эффективное сотрудничество Казахстана с государствами в вопросах борьбы с преступностью в условиях глобализации.

В частности, для достижения существенного прогресса в борьбе с различными видами преступности и обеспечения неотвратимости уголовного наказания Казахстану предстоит присоединиться к важным международным правовым инструментам, включая Римский статут Международного уголовного суда, Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию, Конвенция Совета Европы о киберпреступности, Конвенция Совета Европы о борьбе с торговлей людьми (CETS No. 197), Конвенция Совета Европы о выдаче (ETS No. 24), Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (ETS No. 30) и другим международным соглашениям. Присоединение к вышеуказанным международным договорам укрепит правовую базу Казахстана в борьбе с преступностью, повысит эффективность международного сотрудничества и продемонстрирует приверженность страны глобальным стандартам в области правосудия и прав человека.

Источники и литература:

1. Указ Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 года № 280 «О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы»: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000280>
2. Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года// <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>

3. Указ Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2022 года № 802 об утверждении Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022 – 2026 годы и внесении изменений в некоторые указы Президента Республики Казахстан: // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000802>
4. Конвенция ООН против коррупции 2003 года https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml
5. Закон Республики Казахстан О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 4 июня 2008 года N 40-IV // https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000040_
6. Международные договоры и соглашения МВД РК: <https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/documents/details/143603?lang=ru>.
7. Казахстан продолжает наращивать международно-правовое сотрудничество в борьбе с преступностью: <https://infozakon.kz/life/22659-kazahstan-prodolzhaet-naraschivat-mezhdunarodno-pravovoe-sotrudnichestvo-v-borbe-s-prestupnostyu.html>.
8. Международное сотрудничество: <https://www.gov.kz/memleket/entities/anticorruption/activities/1177?lang.>

ОСНОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

**Бриллиантов А.В. – Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой Российского государственного
университета правосудия, Россия, г. Москва
e-mail: kup@rsuj.ru**

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы оснований административной преюдиции в уголовном праве России. Особое внимание уделено вопросу о разграничении административного правонарушения и преступления. Исследуется категория общественной опасности, рассматривается ее содержание, отмечается целесообразность определения степени общественной опасности не только с учетом объективных обстоятельств, характеризующих деяние, но и с учетом личностных, субъективных свойств деятеля. В конечном итоге предлагается вывод о соответствии использования института административной преюдиции в уголовном законе.

В работе приводятся позиции криминалистов по указанным вопросам, излагается авторская позиция, приводятся позиции судов по рассматриваемым вопросам

Ключевые слова: административное правонарушение, преступление, общественная опасность, степень общественной опасности, личность преступника.

В последние годы в уголовном законодательстве Российской Федерации достаточно часто стал использоваться институт административной преюдиции. Очевидно, что это направление изменения уголовного закона во многом обусловлено общим направлением уголовной политики – курсом на гуманизацию закона, сокращение сферы применения средств и методов уголовной репрессии.

Следует отметить, что ранее действовавшему УК РСФСР институт административной преюдиции был известен и, в принципе,

неплохо зарекомендовал себя на практике, позволяя отдалить момент реализации уголовно-правового принуждения, а в ряде случаев и избежать необходимости применения уголовного закона.

В дальнейшем при разработке действующего Уголовного кодекса РФ 1996 г. институт административной преюдиции был отвергнут на том основании, что качественный переход от административного правонарушения к уголовно наказуемому деянию связан не с повышением степени общественной опасности самого повторного деяния, а с личностью преступника, что, по мнению разработчиков УК РФ, является недопустимым, поскольку при оценке общественной опасности имеет место переход к свойствам личности, а основанием уголовной ответственности является только и исключительно само деяние без всяких личностных факторов, относящихся к характеристике деятеля.

Кстати, на этом же основании имел место и отказ от понятия рецидивиста и переход к понятию рецидива преступлений.

В связи с изложенным представляется полезным рассмотреть некоторые вопросы, связанные с институтом административной преюдиции, в том числе и потому, что в России имеется значительное число как противников, так и сторонников данного института.

Среди вопросов, подлежащих рассмотрению при оценке института административной преюдиции, на наш взгляд, основным является вопрос о том какой именно фактор повышает степень общественной опасности повторного, после применения административного наказания, нового, опять же формально административного правонарушения, но позволяющего оценивать его уже в качестве преступления.

Попробуем вычлнить этот фактор пока чисто механическим способом. Итак, мы имеем: 1-ое правонарушение, затем применение административного наказания, далее – второе правонарушение, уже приобретшее характер преступления. Представляется, из данной схемы видно, что переход административного правонарушения в качественно иное состояние обусловлен фактом применения административного наказания. Но само по себе административное наказание не влияет на степень общественной опасности деяния, оно не является даже свойством правонарушения (наказуе-

мость, но не наказание). Следовательно, наказание должно повлиять, в данном случае повысить степень общественной опасности всей, части или одного из совокупности признаков, деяния, доведя его опасность до уровня преступления.

Как известно, признаками преступления являются: общественная опасность, противоправность, виновность и наказуемость. Вряд ли можно говорить о влиянии административного наказания, являющегося предшественником перехода административного правонарушения в преступление, применительно к таким свойствам преступления как противоправность, виновность и наказуемость. А вот на степень общественной опасности деяния ранее примененное административное наказание воздействует. Но за счет чего? Обратимся к рассмотрению вопроса о содержании категории «общественная опасность».

В основном под данной категорией понимается вредоносность деяния, определяемая с учетом того, какому объекту причиняется вред, каков вред по объему и размеру, значимости для определенного охраняемого уголовным законом объекта, каким образом причинен или мог быть причинен вред, кто является потерпевшим и т.д. При этом чем больше подобного рода обстоятельств, которым законодатель придал правовое значение, тем, как правило, признается и более высокой степень общественной опасности деяния, что в конечном итоге находит свое выражение в категории преступления.

И здесь, как с позиции теории, так и практики необходимо определить обладает ли деяние признаком общественной опасности, а, если, да, то какого уровня эта самая общественная опасность.

Как верно отмечает А.Э. Жалинский, в тех случаях, когда основанием уголовной ответственности оказывается деяние относительно безвредное, а действительно опасные не привлекают внимание законодателя, то уголовное право деформируется. Оно превращается в механизм, порождающий социальный вред [1].

Так, что же такое общественная опасность и какова совокупность факторов, которые могли бы свидетельствовать о ее наличии?

Еще раз повторим, что многие авторы, исследующие проблему содержания общественной опасности, полагают, что эта категория

заключается в таком свойстве преступления как его вредоносность. Она же в итоге состоит в наступлении общественно опасных последствий. Данная позиция просматривалась еще в работах Н.С. Таганцева полагающего, что «Уголовно-наказуемым почитается деяние, посягающее на юридическую норму в ее реальном бытии, и воспрещенное законом места его учинения под страхом наказания, или, выдвигая более содержание посягательства: деяние, посягающее на такой охраненный нормою интерес жизни, который в данной стране, в данное время признается столь существенным, что государство ввиду недостаточности других мер охраны угрожает посягающему на него наказанием» [2]. Несколько перефразируя эту позицию, можно сказать, что общественная опасность деяния заключается в посягательстве на жизненно важные интересы человека, общества, государства. Практически этой же позиции придерживался и другой видный криминалист Н.Д. Дурманов, считающий, что преступление представляет собой «вредоносное посягательство на жизненные условия общества» [3], отмечая тем самым его основной признак – причинение вреда. Это же свойство общественной опасности, выражающейся в причинении вреда, отмечается и другими авторами [4].

Иными словами, наличие общественной опасности, по мнению многих исследователей, соотносится с причинением реального вреда охраняемым законом объектам.

Опасность, как неотъемлемое свойство преступления, фиксируется и на уровне высших судебных органов России. Как отмечал Конституционный Суд РФ в одном из своих решений – Конституция Российской Федерации, обладает высшей юридической силой и прямым действием (статья 15, часть 1), закрепляет основные начала взаимоотношений государства и личности, в том числе в уголовно – правовой сфере (статьи 18, 49, 50, 51 и 54), при соблюдении которых государство вправе устанавливать уголовную ответственность за общественно опасные деяния, которые в силу своей распространенности причиняют существенный вред и не могут быть предотвращены с помощью иных правовых средств.¹

¹ См.: п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 25.04.2001 N 6-П. "Вестник Конституционного Суда РФ", N 5, 2001.

Здесь мы позволим себе не согласиться в полной мере с позицией Конституционного Суда РФ. Говоря об общественной опасности деяния в указанном документе, Конституционный Суд РФ соотносит наличие общественной опасности только с распространенностью деяний, которые в силу этого фактора причиняют существенный вред.

На наш взгляд, это не так. Не распространенность определяет вредоносность деяния, а его возможность нарушить, причинить вред, и реальные нарушения, причинение вреда наиболее значимым общественным отношениям, которые государство и ставит под охрану уголовного закона.

Кстати, эта же позиция просматривается в других решениях Конституционного Суда РФ. В частности, в одном из постановлений отмечалось следующее: «Соответственно, при дифференциации уголовной ответственности за хищение чужого имущества в зависимости от его стоимости должна учитываться общественная опасность деяния и порожденных им последствий как с точки зрения размера вреда, причиненного собственнику или иному законному владельцу имущества, который оценивается в уголовном законе исходя из того, кому причинен такой вред – физическому или юридическому лицу, так и с точки зрения размера похищенного».²

Как видно из приведенной цитаты, общественная опасность соотнесена отнюдь не с распространенностью, а с последствиями, с размером причиненного вреда, т.е. с вредоносностью деяния.

Думается, именно такой подход к содержанию общественной опасности является верным, отражающим сущность преступления. В противном случае, логика формирования уголовного закона требовала бы исключения из числа преступных тех деяний, которые не имеют широкого распространения.

Однако признание выражения общественной опасности во вредоносности вызывает необходимость определения и этого свойства. Что такое вредоносность? С чем она связана? Выражается ли

² См.: п. 4.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 N 32-П "По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа" // Вестник Конституционного Суда РФ", N 2, 2015.

вредоносность только в реальном причинении какого-либо ущерба, вреда?

Необходимость рассмотрения этого вопроса вызвана хотя бы тем, что целый ряд составов преступлений сформулирован по принципу формальных составов. Последнее, как известно, означает выведение за их рамки общественно опасных последствий. Сохраняет ли в этих случаях категория общественной опасности свое свойство вредоносности? Ответ на этот вопрос зависит от подхода к понятию вреда. Заключается ли он, как отмечалось, только в реально наступающих общественно опасных последствиях или в его содержание следует включить наличие условий, при которых причинение реального вреда чрезвычайно высока.

Очевидно, что законодатель исходит и вполне обоснованно из второго положения. Поэтому криминализируются деяния, которые создают условия наступления опасных последствий или уже в себе содержат такие предпосылки. Такие деяния также, как и причиняющие непосредственный ущерб представляют собой общественную опасность и ответственность за них устанавливается в связи с тем, что такую опасность представляет собой определенное состояние, обуславливающее наличие высокой степени возможности причинения вреда [5]. При этом, на наш взгляд, возникает ситуация неустойчивого равновесия, при которой возможность наступления вредных последствий весьма высока. Наличие такой ситуации, при которой охраняемые интересы находятся «под ударом», само по себе вредоносно, что и следует относить к общественно опасным последствиям деяний с формальным составом.

Аналогичное решение относительно общественной опасности должно иметь место и относительно иных преступлений с формальным составом, а не только с составом опасности. Эта позиция обусловлена тем, что любое преступление с формальным составом реально нарушает установленные государством правила поведения, например, клевета, оскорбление представителя власти.

Безусловно, не все подобного рода деяния государство относит к категории преступлений, а лишь те из них, которые нарушают наиболее важные правила, в наиболее значимых сферах жизни. Вот эти то нарушения и есть выражение общественной опасности деяния.

Аналогичные позиции в литературе высказывались и ранее. Так, Ю.И. Ляпунов определил общественную опасность как «определенное объективное антисоциальное состояние преступления, обусловленное всей совокупностью его отрицательных свойств и признаков и заключающее в себе реальную возможность причинения вреда (ущерба) общественным отношениям, поставленным под охрану закона» [6].

Однако в литературе высказывается и несколько иное мнение. Так, И.Я. Гонтарь пишет: «есть преступления, вред от которых является потенциальным – возможным, который может наступить в ближайшее время или в более отдаленном будущем. Это, например, хранение оружия, покупка наркотиков, некоторые экологические преступления и др. Конечно, и при этом есть реальный вред для правовой системы, правопорядка, но все же не для тех общественных отношений, которые этим правопорядком защищены. В обоих случаях речь идет об опасности как объективной категории, которая, в свою очередь, зависит от ряда свойств преступного деяния»[7].

С такой позицией, на наш взгляд, трудно согласиться. Ведь сам автор признает, что указанные им деяния причиняют объективный вред, например, интересам правовой системы, правопорядка. Другое дело, что приведенные им в пример преступления могут носить предикатный характер, служить условием совершения иных деяний, однако это не указывает на их безвредность, а лишь подчеркивает наличие дополнительной опасности в случае сих совершения.

Кроме того, помимо вреда, выразившегося в нарушении установленных правил поведения, возникновение угрозы, наличие опасного состояния при незаконных действиях с оружием не есть уже вред и для общественной безопасности, а приобретение наркотиков для здоровья населения. В этих случаях требуемое равновесие в общественных отношениях пошатнулось в результате действий виновных, что является, безусловно, опасным именно для охраняемых объектов.

Поэтому, криминализируя то или иное деяние, государство, прежде всего, исходит (должно исходить – встречается и необо-

снованная, социально не обусловленная криминализация деяний) из установления факта наличия опасности деяния для государства, общества или личности. Деяние, не несущее вреда, не должно ставиться под правовой запрет и влечь за собой наказание. Однако характер вредоносности для охраняемых объектов может быть самым различным: причинение ущерба жизни, здоровью, собственности, нормальной работе государственного аппарата, оставление в опасности, заражения и т.п. И все это есть общественно опасный результат преступного деяния, который свойственен каждому преступлению.

В этой связи можно сказать, что общественная опасность является объективным свойством преступления, причиняющим вред во многих его проявлениях.

Однако здесь возникает и вопрос иного порядка. Ведь говоря об общественной опасности преступления, следует иметь в виду, что этой свойство присуще не только деяниям, признаваемым преступлением, но и иным деяниям, определяемым как правонарушения, но ответственность за которые предусмотрена не уголовным законом, а иными законодательными актами.

Итак, вредоносность присуща многим деяниям, но не все они являются преступлениями. Следовательно, для того, чтобы говорить об общественной опасности преступления, в рассуждения следует включить еще один фактор – степень этой вредоносности и установить какими критериями она определяется. Связана ли степень общественной опасности только с деянием (действием, бездействием, последствиями, результатом) или в ее содержание следует включать и иные факторы, например, субъективные свойства, свойства личности, распространенность преступления и т.д.?

Пленум Верховного Суда РФ в п. 1 постановления от 22.12.2015 N 58 (ред. от 29.11.2016) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъяснил, что «Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или

косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления), также учитываются при определении степени общественной опасности преступления».³

Как видно из приведенной цитаты, степень общественной опасности с позиции Пленума Верховного Суда РФ определяется многими обстоятельствами, в том числе и обстоятельствами, относящимися не к самому деянию, а к лицу, это деяние совершившему, например, такими обстоятельствами, предусмотренными ст. 61 УК РФ, как несовершеннолетие виновного, беременность, наличие малолетних детей у виновного и т.д.

Однако первое место в рассматриваемой рекомендации занимают характер и размер наступивших последствий. С нашей точки зрения эта позиция Пленума Верховного Суда РФ является еще одним подтверждением того, что общественная опасность – это вредоносность деяния, а степень опасности – совокупность обстоятельств ее характеризующих, относящихся к самому деянию, совершившему его лицу, обстоятельствам совершения деяния, причем как тех, что повышают, так и тех, что понижают эту степень. С данной позиции можно сказать, что свойство вредоносности является объективным свойством правонарушений, в том числе и преступлений, а степень опасности – собирательный объективно-субъективный фактор.

Этот вывод подтверждается, например, и тем обстоятельством, что одним из критериев деления преступлений на категории является такой субъективный показатель, как форма вины, что прямо закреплено в ст. 15 УК РФ. В уголовном законе имеются и иные факторы, указывающие на то, что степень общественной опасности деяния неразрывно связана со свойствами деятеля. Так, не признается преступлением общественно опасное деяние, если оно совершено невменяемым (ст. 21 УК РФ), цели и мотивы пре-

³ "Бюллетень Верховного Суда РФ", N 2, февраль, 2016.

ступления признаются обстоятельствами, влияющими на степень общественной опасности деяния (ст. 64 УК РФ) и т.п.

Итак, личность, это собирательное явление, содержание которого определяются многочисленными факторами. В числе этих факторов можно назвать и применение административного наказания к лицу, его совершившего. Влияет ли этот фактор на свойства личности? Думается, да. Каким образом? Лицо осознает, что совершило противоправное деяние, осознает, что государство дало этому поведению отрицательную оценку, ощущает воздействие мер административного наказания, игнорирует все вышеуказанное, осознает, что в при подобных обстоятельствах государство дает иную правовую оценку, казалось бы, аналогичному деянию, и совершает такое деяние.

Можно ли при таких обстоятельствах говорить о том, что повторное правонарушение обладает такой же степенью опасности, как и первое? На наш взгляд нет. Уровень опасности повторного деяния уже иной. За счет чего? Во-первых, объективные обстоятельства совершения деяния в любом случае иные. Во-вторых, изменился и субъективный фактор: осознание повторности деяния, игнорирование превентивных мер, уже более сознательное пренебрежение установленными правилами поведения (виновность не сводится только форме вины, но охватывает и иные позиции психического отношения лица к деянию). В конечном итоге при повторности правонарушения мы получаем личность с изменившимися свойствами. А все в совокупности говорит о повышении степени общественной опасности деяния, которое нельзя отождествлять только с составом преступления. Оценивая же степень общественной опасности, мы говорим именно о деянии. Поэтому при повторном, после применения административного наказания совершении деяния, формально подпадающего под признаки административного правонарушения, можно и нужно говорить уже о качественно ином деянии, обладающем свойствами преступления.

В заключение приведем позицию Конституционного Суда РФ по аналогичному вопросу. В одном из своих постановлений было отмечено следующее: «Судимость (а условно применение административного наказания можно приравнять к судимости – А.Б.),

таким образом, представляет собой правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление и влекущее при повторном совершении этим лицом преступления установленные уголовным законодательством правовые последствия; имеющаяся у лица непогашенная или неснятая судимость порождает особые, складывающиеся на основе уголовно-правового регулирования публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью и потому предполагают применение к нему более строгих уголовной ответственности.⁴

Упорное неповиновение закону, несмотря на ранее примененные меры воздействия (рецидив), во всех странах мира оценивается более строго, влечет более строгое наказание, в том числе и за счет того, что совершенное деяние в условиях рецидива (а более правильно, вероятно, говорить рецидивистом) считается качественно иным, представляющим большую общественную опасность.

Сказанное, на наш взгляд, позволяет прийти к выводу о том, что использование института административной преюдиции в уголовном законе является обоснованным и перспективным направлением уголовной политики.

Подводя итог, следует еще раз отметить, что общественная опасность является объективным свойством правонарушения, в том числе и преступления. Преступное же от не преступного правонарушения отличается не наличием или отсутствием общественной опасности, а ее степенью, собирательным фактором, включающим в себя свойства самого деяния, обстоятельства его совершения, а также субъективные факторы, свойственные личности преступника.

На наш взгляд, указанный подход к определению преступного является принципиальным при определении направлений развития теории и практики уголовного закона.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 N 3-П // СЗ РФ", 07.04.2003, N 14, ст. 1302.

Библиографический список

1. Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М., 2009. С. 335.
2. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Изд. II. СПб., 1902. Т. 1. С. 45.
3. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 88.
4. См., напр.: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. 2-е изд. М.: Юрид. лит., 2000. С. 127.
5. См., напр.: Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 24; Уголовное право России. Части Общая и Особенная: Учебник / Отв. ред. А.И. Рарог. М.: Проспект, 2013. С. 39.
6. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М.: Новый Юрист, КноРус, 1997. С. 127.
7. Гонтарь И.Я. Категория общественной опасности в российском уголовном праве: история становления и современное понимание //»История государства и права», 2008, N 1.

О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

**Балтабаев К.Ж. – доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ЕНУ
им. Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан, г. Астана**

Меня как специалиста уголовного права давно волновали и волнуют следующие вопросы уголовного законодательства суверенного Казахстана:

1. Почему была проведена правовая реформа в 2014 г. 4-х кодексов при относительно стабильных политических и социально-экономических условиях в обществе.

2. Почему в УК РК 1997 и 2014 г. не были закреплены принципы уголовного права.

3. Почему в условиях тотальной коррупции в уголовном праве в ч.1 ст.65 с 27.12.2019 г. появилась и существует поныне норма «Лицо, впервые совершившее коррупционное преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием только судом».

4. Как объяснить появление в УК РК ст. 67-1. Освобождение от уголовной ответственности при выполнении условий процессуального соглашения о признании вины и возврате незаконно приобретенных активов

«Лицо, выполнившее все условия процессуального соглашения о признании вины и возврате незаконно приобретенных активов, может быть освобождено от уголовной ответственности» (ЗРК от 12.07.23 г.).

5. Почему ныне действующая Концепция правовой политики РК до 2030 г. отказалась от двух векторной уголовной политики.

6. Почему законом «О борьбе с коррупцией» 1998 г. во вновь принятый в тот период УК 1997 г. приказом Министерства юстиции Республики Казахстан от 16 октября 1998 г. №110 «О коррупционных преступлениях» подписанном Министром юстиции и Генеральным прокурором был определен круг коррупционных

преступлений. Этим документом коррупционными признавались 21 состав преступления. В дальнейшем Приказом Генеральной прокуратуры Республики Казахстан и Министерства юстиции Республики Казахстан от 5 июня 2000 года перечень коррупционных преступлений был сокращен до 16 составов. И только Законом РК от 25 сентября 2003 года перечень коррупционных преступлений был включен в УК 1997 г. определен в примечании к ст.41 – Лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью.

И это при том, что в УК РК 1997 г. в ч.1 ст.1 было закреплено, что уголовное законодательство Республики Казахстан состоит исключительно из настоящего Уголовного кодекса Республики Казахстан.

7. Почему в УК РК наряду с категориями преступлений существуют такие группы деяний как террористические преступления, экстремистские преступления, коррупционные преступления, преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ЗРК, 09.04.2016 г.), преступления, связанные с насилием в отношении несовершеннолетних (ЗРК, 15.04.24г.), преступления, связанные с торговлей людьми (ЗРК, 05.07.24 г.) – (см. таблицу 1)

Для ответа на поставленные вопросы и другие, которые вызывают недоумение у специалистов, на мой взгляд, необходимо вспомнить монографию Каиржанова Е.И. «Интересы трудящихся и уголовный закон. Проблемы объекта преступления» (Алма-Ата: Казахстан, 1973). Из названия монографии видно, чьи интересы защищало советское уголовное законодательство. В этой связи возникает вопрос, чьи же интересы защищает современное уголовное право Казахстана?

Для ответа на этот вопрос мы должны разобраться прежде всего в экономике страны. Аксиомой являются слова– политика есть концентрированное выражение экономики.

Характеризуя современную уголовную политику, в том числе и уголовно-правовую, я исхожу из позиции профессора Альфреда Эрнестовича Жалинского, который критикуя традиционное понимание уголовной политики приходит к выводу о необходимости новой науки – **уголовной политологии**. По его мнению, **уголов-**

ная политология должна быть ориентированной на реальные социальные процессы и реализующую их социальную активность. Она должна, по его мнению, разрабатывать оптимальные технологии политико-правовой деятельности, обеспечивая конституционность, справедливость, эффективность и единство процессов борьбы с преступностью.

Профессор А.Э. Жалинский обращает внимание на необходимость тесной связи уголовного законодательства с теми реальными политическими и социально-экономическими процессами, происходящими в обществе.

Официально провозглашается, что Казахстан является государством с рыночными отношениями, но в тоже время в Концепции развития гражданского общества в Республике Казахстан¹, отмечается, что на сегодня вместе с квазигосударственным сектором удельный вес государства в экономике достигает 60-80%. Поэтому экономику Казахстана с такой долей участия государства в экономике вряд ли можно назвать рыночной. Эта проблема также обозначена в Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022 – 2026 годы, подчеркивается, что «существенная доля государственного участия в экономике сдерживает конкуренцию между субъектами экономической деятельности, мешает формированию крепкого частного сектора и тормозит переход страны к новой модели экономического роста»².

21 января 2022 года на встрече с представителями отечественного бизнеса Президент Казахстана Касым-Жомарт Кемелович Токаев сообщил, что, согласно международным экспертам (в частности, KPMG) всего 162 человека владеют половиной благосостояния Казахстана³.

Исходя из-за схожести экономик Казахстана и России и, учитывая их одинаковые стартовые условия, посмотрим мнения по этому вопросу ученых России. Один из авторитетнейших экономистов России, академик РАН Абел Аганбегян считает, что сло-

¹ <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000390>

² <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000802>

³ <https://factcheck.kz/truth/faktchek-tokaev-vsego-162-cheloveka-vladeyut-polovinoj-blagosostoyaniya-kazaxstana>

жившуюся на сегодняшний день экономическую систему в России можно называть государственно-олигархическим капитализмом.

По мнению другого российского ученого, доктора философских наук Тонконогова Александра Викторовича *олигархический капитализм* – это социально-экономическая модель развития общества и государства, основанная на тотальном контроле производства товаров и услуг частными собственниками средств производства, на узаконенной эксплуатации, то есть несправедливом присвоении практически всех результатов наемного труда. Далее он приводит признаки олигархического капитализма. Из-за отсутствия времени я не останавливаюсь на всех этих признаках. Их можно посмотреть в источнике, который я здесь привожу. В контексте своего выступления хочу обратить ваше внимание лишь на некоторых из них:

1. основные средства производства и финансовые активы принадлежат не более чем 15 % населения, при этом участие других акционеров в решении финансово-хозяйственных вопросов **ничтожно**;

2. происходит сращивание, в том числе посредством развития кровно-родственных отношений, финансово-промышленной элиты (олигархии) с представителями государственной власти.

3. Лоббирование интересов политических и финансово-промышленных групп государственными служащими исполнительных органов, представителями законодательной и судебной власти осуществляется исключительно при наличии личной заинтересованности⁴.

Несмотря на официальное признание времени правления первого Президента у нас «старым» Казахстаном, ни сама власть, ни политологи не дают в открытой печати полный перечень признаков этого политического режима для того чтобы уйти от них при строительстве «нового» Казахстана, и называются лишь отдельные характеристики того периода политики в Казахстане. Так, характеризуя «старый» Казахстан проф. Мухамеджанов Э. пишет:

⁴ Тонконогов А.В. Олигархический капитализм как угроза национальной безопасности современной России //Общество: политика экономика, право. 2015, №1.

Авторитарный режим привел к тому, что власть эмансипировалась от социума и утратила связь со своим народом⁵.

Ответы на поставленные мной вопросы в начале моего выступления можно найти лишь с отмеченных мной принципиальных позиций. При той описанной мной ситуации государственно-олигархический капитализм в Казахстане лоббирует свои интересы и в сфере уголовной юстиции.

Для демократизации уголовного права и ликвидации наследия в этой отрасли права «старого» Казахстана необходимо принять новый уголовный кодекс и привести в соответствии с ним все другие отрасли права криминалистического цикла.

⁵ Мухамеджанов Э. Президентские выборы 2029: как к ним правильно подготовить страну? <https://exclusive.kz/prezidentskie-vybory-2029-kak-k-nim-pravilno-podgotovit-stranu/>

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПРИРОДООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА

**Жевлаков Э.Н. – Заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор,
почетный работник прокуратуры РФ,
профессор кафедры уголовного права Московского
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)**
eduardjevlakov@mail.ru

Известно, что охрана окружающей среды – одна из наиболее актуальных проблем современности. С развитием научно-технического прогресса общество неизбежно сталкивается с обострением экологической ситуации – истощаются запасы природных ресурсов, загрязняется окружающая среда, изменяется климат, нарушается физическое и нравственное здоровье людей, теряются эстетические ценности, утрачивается естественная связь между человеком и природой, подрываются биологические основы существования всего живого, включая существование самого человека.

Надо сказать, что учитывая эти обстоятельства, в Российской Федерации (далее РФ) концептуально сформирована общая политика государства в области охраны природы, качественно отличающаяся по своей социальной ориентации и правовому содержанию от имевшейся в период существования СССР. Составной частью этой политики является юридическая природоохранительная политика, в том числе – уголовно-правовая. Экологическая безопасность становится составной частью национальной безопасности. Эта политика выражена в таких основополагающих нормативно-правовых актах как Конституция РФ, ФЗ об охране окружающей среды 10.01.2002 N 7-ФЗ (с послед. изм.), Стратегия экологической безопасности РФ до 2025 г., Доктрина экологической безопасности, новом УК РФ и ином законодательстве. Аналогичные базовые нормативно – правовые акты имеются и в Республике Казахстан (далее РК). В этих нормативно-правовых актах идеологически

красной нитью проходят положения о приоритете защиты окружающей среды перед экономическими интересами. Законодатель, отражая позицию усиления уголовно-правовой охраны окружающей среды, выраженную в директивных документах, последовательно увеличивает число уголовно-правовых норм об ответственности за экологические правонарушения, расширяя и ужесточая ответственность за них. Сейчас в главе 26 УК РФ «Экологические преступления» насчитывается 19 статей (ст. 246 – ст. 262 УК), еще несколько, расположенные в других главах, составляют альтернативно – экологические преступления (в частности, ст. 215, 237, 243, 245, 238 УК). В УК Казахстана экологических уголовных правонарушений несколько больше – 20.

Однако тревожит то, что, несмотря на значительное преобладание в системе УК РФ и УК РК уголовно-правовых норм природоохранного типа, на практике сохраняется устойчивая тенденция применения в основном норм природоресурсового характера, устанавливающих ответственность за различные деяния, связанные с незаконным природопользованием, захватом природного ресурса (незаконная рубка лесов, незаконная охота, незаконный вылов водных биоресурсов и др.)

Сегодня появились новые виды серьезных угроз: экоэкстремизм и его разновидность – экологический терроризм¹; политическая экология, экологическая миграция огромных масс населения, наблюдаемая в наше время в Европе, Америке, России и др. странах, использование сил и явлений природы в военных целях (искусственные дожди, град, цунами, землетрясения, уничтожение посевов, листовного покрова лесов, использование морских млекопитающих для диверсионных целей и т.д.), разработка ряда форм биологического, акустического, микроволнового и т.п. оружия. Ряд этих технологий апробированы американскими военными еще во время Вьетнамской войны, однако ни указанные директивные акты, ни соответственно законодательство, в том числе уголовное, в должной степени этих угроз пока не отражают.

¹ Крайтон М. Государство страха = State of Fear. М.: Эксмо, 2006. 640 с.; Donald Liddick. Eco-Terrorism: Radical Environmental and Animal Liberation Movements. Westport, Connecticut, Praeger Publishers, 2006. P. 300; Тисленко Д. И. Экологический терроризм: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.

На планете сейчас насчитывается уже свыше 8 млрд. человек. К концу века прогнозируется наличие 15-18 млрд. человек, что многократно умножит существующие угрозы. Возрастание в современных условиях общественной опасности экологических преступлений диктует необходимость взглянуть на них не только как на деяния, истощающие природные блага, даруемые природой, но и как на преступления, подрывающие биологическую основу существования человека, обеспечения его здоровья и жизнедеятельности всего живого на Земле. В конечном счете, мы приближаемся к моменту рассмотрения этих деяний как преступлений против человека и иных живых организмов (животных и растений) опосредованно путем подрыва биологической основы их жизнедеятельности и существования.

Такой подход принципиально меняет представления об общественной опасности экологических преступлений, обуславливает необходимость применения и дальнейшего развития уголовно-правовых природоохранных норм. В этом плане выделение экологических преступлений в самостоятельную главу 26 УК РФ и главу 13 «Экологические правонарушения» УК РК следует считать важным шагом по совершенствованию правовой охраны природы и повышению ответственности за вред, причиняемый природе.

В этой связи нами впервые в теории уголовного права сделана попытка в монографии «Уголовное природоохранительное право» закрепить формирование новой подотрасли уголовного права – *уголовного природоохранительного права* и обосновать новое название преступлений, состоящих в причинении вреда окружающей среде, – *преступления против среды обитания* (экологические преступления)². Возможно такой подход будет интересен для исследователей научной проблемы и законодателя Республики Казахстан.

Еще один важный аспект касается практики применения норм об ответственности за экологические преступления. В Российской Федерации глобальные экологические проблемы усугубляются местными, национальными. Имея огромные территории, запасы водных, лесных и иных природных ресурсов, порожденную этим

² См. Э. Н. Жевлаков. Уголовное природоохранительное право. М.: Проспект, 2020. 400 с.

веками беспечность в отношении охраны природы, мы несколько отстали от наиболее развитых стран мира в деле правовой охраны окружающей среды, которых сама жизнь заставила беречь природу, экономить воду и другие ресурсы.

Так, по экспертным оценкам, с 1970-х годов объем загрязняющих природную среду отходов в РФ возрос с 40 млрд. тонн до 100 с лишним млрд. тонн, т. е. более чем в 2,5 раза. Объем загрязнений воды вырос в 10 раз³. По данным, приводимым международной аудиторско-консалтинговой сетью FinExpertiza⁴, токсичность окружающей среды в настоящее время побилла 17-летний антирекорд; от 30 до 40% населения страны регулярно пользуются водой, не соответствующей гигиеническим нормативам; в Стратегии экологической безопасности России до 2025 г. говорится, что только 11% сточных вод, сбрасываемых в водные объекты, являются очищенными до установленных нормативов допустимых сбросов, а общая площадь загрязненных земель, находящихся в обороте, составляет около 75 млн. гектаров.

Примеры нашего экологического неблагополучия можно продолжить, но я привожу их с целью обратить внимание на то, что за каждой из этих цифр стоят десятки и сотни тысяч экологических правонарушений, включая преступления. Можно с уверенностью сказать, что в настоящее время полная и достоверная информация о совершаемых экологических правонарушениях и преступлениях отсутствует и в налаживании должного учета предстоит еще много работать. Латентность экологических преступлений исследователями традиционно оценивается в 93-95%. Как гиперлатентную, образующую так называемую «криминологическую воронку», оценивают экологическую преступность и представители Верховного Суда РФ, например, судья Зателепин О.К., выступая на одном из научно-практических семинаров⁵.

³ Э.Н.Жевлаков. Учебник. Уголовное природоохрнительное право России. М., Проспект. 2025, с.8-9.

⁴ «ФинЭкспертиза» – сеть профессиональных аудиторских, оценочных и консалтинговых компаний, которые объединились с целью оказания высокопрофессиональных услуг клиентам в любой стране мира.

⁵ https://www.rapsinews.ru/judicial_news/20211207/307580437.html. Дата обращения: 18 марта 2025 г.

В целом доля дел об экологических преступлениях в общей структуре уголовных дел, поступающих в суды, в РФ составляет не более 1%. Правоохранительные органы и суды, к сожалению, должного внимания борьбе с экологическими преступлениями не уделяют, и это направление уголовной природоохранительной политики государства остается весьма актуальным. Остается высоким число материалов, по которым органы дознания необоснованно отказывают в возбуждении уголовных дел. До сих пор в представлениях многих правоохранителей и судей такие преступления считаются второстепенными, не представляющими большой общественной опасности, легкими в расследовании. В итоге многие дела прекращаются на стадии расследования, по другим суды зачастую выносят оправдательные приговоры за недоказанностью вины подсудимых. В среднем осуждается чуть более 53 % лиц от числа привлекаемых к уголовной ответственности, как правило, к наказаниям, не связанным с лишением свободы. Назначая наказание, суды не были слишком строги к осужденным за экологические преступления ни в советский, ни в постсоветский периоды. Та же тенденция сохраняется в РФ и сейчас. Наказание ниже низшего предела, предусмотренного санкцией соответствующей статьи для определенного вида наказания, переход к более мягкому наказанию, а равно условное осуждение и отсрочка исполнения наказания составляют по изученным нами делам более 80 %.

В УК РФ есть нормы, например, ч.2 и 3 ст.254 о порче земли, которые не применяются на протяжении десятков лет. Вместе с тем, можно привести и немало фактов, иногда порождающих даже социальное напряжение в обществе, необоснованного привлечения к уголовной ответственности физических лиц – природопользователей, например, в области рыболовства, пользования лесным валежником.

Поскольку проблема охраны окружающей среды давно стала интернациональной, опыт других стран по борьбе с экологическими правонарушениями показывает, что она не решается без применения и расширения уголовно-правовых мер. Изучается же и внедряется положительный опыт применения уголовного закона

этих стран пока слабо, в этом направлении тоже необходимо, на наш взгляд, наращивать усилия исследователей в науке и соответствующих ведомств на практике.

В частности, в литературе наших стран уже не раз исследовались проблемы уголовной ответственности юридических лиц в сфере экологии, но до реальных шагов в этом направлении, ни в РФ, ни в РК. дело пока не дошло⁶. При этом перспективным в этом плане видится установление уголовной ответственности не всех, а только негосударственных юридических лиц.

Эффективность охраны природы во многом зависит и от совершенства самого нормативного акта, от того, насколько он отвечает реальным требованиям борьбы с экологическими правонарушениями. В этом направлении можно выделить такие относительно новые статьи в УК РФ, которых нет в УК Республики Казахстан как ст.258.1 об ответственности за незаконную добычу и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, ст. 260.1 – за умышленное уничтожение или повреждение, а равно незаконные добычу, сбор и оборот особо ценных растений и грибов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации

Для Российского законодателя представляет интерес, например, деление общественно опасных деяний, в том числе и в экологической сфере на преступления и проступки, наличие в УК Казахстана ст.334 об ответственности за самовольное пользование недрами, ст.343 – за непринятие мер по ликвидации последствий экологического загрязнения, более совершенная конструкция, по сравнению со ст. 254 УК РФ, ст. 332 об ответственности за порчу земли.

К важным направлениям уголовной политики, как РФ, так и Республики Казахстан следует отнести обеспечение условий пра-

⁶ В США, Франции, Германии, Вьетнаме и ряде других стран мира, включая некоторые страны, ранее входившие в СССР, уголовная ответственность за экологические преступления установлена как в отношении физических, так и юридических лиц.

вильного применения уголовно-правовых природоохранных норм, овладение правоприменителями методами их научного анализа и квалификации общественно опасных деяний. Ошибки в применении закона зачастую связаны с неверными представлениями, как говорилось, о простоте расследования экологических преступлений, неправильной юридической оценкой содеянного, незнанием обширного законодательства об охране природы, отсутствием у правоприменителя четких представлений о сущности экологических преступлений и проступков, их классификации, разграничении между собой и с административными правонарушениями, отличии от иных сходных преступлений, прежде всего экономического характера. Например, чем отличается незаконная разработка недр (ст.255 УК РФ) от незаконной предпринимательской деятельности (ст.171 УК РФ), а незаконная порубка леса (ст. 260 УК РФ) от его хищения, порча земли (ст. 246 УК РФ) от нарушения правил охраны окружающей среды при производстве работ (ст.246 УК РФ) многие дознаватели и следователи представляют смутно. Здесь масса сложных вопросов. Последнее особенно актуально в связи с изменившимися представлениями в гражданском праве об объектах права собственности, имуществе, товаре, иной товарно-материальной ценности, и ряде других, которые ранее не фигурировали и в уголовном законодательстве.

В этой связи представляется необходимым наладить соответствующую духу времени подготовку специализированных кадров в учебных заведениях МВД РФ и Следственного комитета РФ, повысить юридическую подготовку соответствующих работников лесной службы, рыбнадзора, охраны земель, недр, воздуха, готовящих первоначальные документы об экологических правонарушениях. Думается, этот аспект уголовной природоохранительной политики важен и для Республики Казахстан.

Конечно, полностью осветить все аспекты уголовной природоохранительной политики наших стран в рамках одной статьи не представляется возможным. Но, как нам кажется, и сказанное позволяет сформулировать вывод о наличии как определенного сходства, так и некоторых отличий в содержании уголовной природоохранительной политики РФ и РК, необходимости изучения в

связи с этим положительного опыта законодателя наших стран и практики применения соответствующих уголовно-правовых норм.

Список источников

1. 1. Donald Liddick. Eco-Terrorism: Radical Environmental and Animal Liberation Movements. Westport, Connecticut, Praeger Publishers, 2006. P. 300;
2. 2. Жевлаков Э.Н. Уголовное природоохрнительное право. Монография. М.: Проспект, 2020. 400 с.
3. 3. Жевлаков Э.Н. Учебник. Уголовное природоохрнительное право России. М.: Проспект. 2025, с.8 – 9.
4. 4. Крайтон М. Государство страха = State of Fear. М.: Эксмо, 2006. 640 с.
5. 5. Попов И. В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2014.
6. 6. Тимошенко Ю. А. Конструирование уголовно-правовых норм об ответственности за экологические преступления: проблемы теории и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019.
7. 7. Тисленко Д. И. Экологический терроризм: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.

ПРОБЛЕМЫ СОУЧАСТИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

**Иманбаев С.М. – кандидат юридических наук, профессор,
профессор Высшей школы права Международного
университета Астана, Республика Казахстан, г. Астана
e-mail: esirgep57@mail.ru**

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы уголовного законодательства в части определения форм соучастия и их применения. Автором проведен сравнительно-правовой анализ рассматриваемых институтов, на основании чего были выявлены некоторые противоречия, а именно случаи, когда различные формы соучастия объединяются в рамках одной диспозиции уголовно-правовой нормы, что приводит к затруднениям в правоприменительной практике, нарушает требования юридической техники и подрывает принцип индивидуализации наказания. В результате автором вносится ряд предложений по унификации и усовершенствованию форм соучастия в УК Республики Казахстан.

Ключевые слова: простое, сложное соучастие; формы соучастия; преступная группа, преступная деятельность.

Институт соучастия занимает важное место в теории уголовного права. Бесспорно, что вопросы, связанные с научным осмыслением преступной деятельности нескольких лиц при совершении одного преступления в уголовном законодательстве, интересовали многих представителей отечественной уголовно-правовой науки на всех этапах ее становления и развития. При этом основательность и масштабность исследований нередко сопровождались выводами о невозможности окончательного решения проблем деятельности преступников в науке уголовного права в силу их спорности и сложности.

При анализе исторического аспекта возникновения понятия организованной преступности, изначально узнаешь, что предпосылками к созданию организации данного рода послужило в первую очередь развитие соучастия при совершении преступлений.

В современных условиях необходимость дальнейшего научного исследования вопросов преступной деятельности нескольких лиц при совершении одного преступления актуализируется. Это обусловлено двумя очевидными обстоятельствами: *во-первых*, интенсивностью законодательных изменений норм о соучастии, предусмотренных в Общей части и норм, регламентирующих отдельные виды совместной преступной деятельности в особенной части уголовного законодательства и, *во-вторых*, качеством изменений, настоятельно требующим обращения к истокам, теоретическим основам уголовного права, сложившимся в данной области знаний [1, с. 45-46].

Следует обратить внимание на уголовное законодательство КазССР от 22 июля 1959 года, где до внесения дополнений и изменений не было понятия организованной преступности [2].

Необходимость изменений законодательных основ потребовалась в первую очередь для ограничения деятельности преступных организаций и противодействием организованной преступности, которая распространялась, в связи с распадом СССР и наступлением тяжелого времени для всех постсоветских стран. Данные нововведения в уголовное законодательство были внесены в УК КазССР 1959 года Указом Президента РК от 17 марта 1995 года № 2122 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан» [3], на основании которого была введена *ст.17-1* «Совершение преступления группой лиц или преступным сообществом».

Преступление признается совершенным по предварительному сговору группой лиц, если оно совершено лицами, заранее договорившимися о совместном его совершении.

Преступление признается совершенным *организованной группой лиц*, если оно совершено лицами, заранее объединившимися в устойчивую преступную группу.

Преступление признается совершенным *преступным сообществом*, если оно совершено лицами, входящими в устойчивое структурное объединение, созданное для занятия преступной деятельностью».

В УК КазССР были включены понятия *организованная группа лиц*, а также *преступное сообщество*. Фактически до этого момента не было такой дефиниции, а именно четкого описания и разграничения форм соучастия. В последующим были разработаны и узаконены формы соучастия в преступлении, с делением на:

- а) *простое*;
- б) *сложное соучастие*.

К *простому соучастию* отнесены совершение преступления группой лиц и группой лиц по предварительному сговору; *сложному соучастию*, совершенное организованной группой или преступным сообществом. Все это нашло законодательное закрепление в Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее – УК РК) 1997 года [4].

В УК РК 1997 года описательная часть понятийного аппарата организованной группой и преступным сообществом (преступной организации) была представлена сразу в ст. 31 УК РК «Формы соучастия в преступлении». Однако в УК РК 2014 года понятийный аппарат уже разграничен отдельно от описательной части [5]. В действующем уголовном законодательстве в ст.31 УК РК «Уголовная ответственность за уголовные правонарушения, совершенные группой» наряду с простой формой соучастия в ч.3 данной статьи присутствуют понятия *преступной группы*, в которую включены *десять форм соучастия*: организованная группа, преступная организация, преступное сообщество, транснациональная организованная группа, транснациональная преступная организация, транснациональное преступное сообщество, террористическая группа, экстремистская группа, банда или незаконное военизированное формирование (см. п.24 ст. 3; ч.3 ст. 31 УК РК).

В противодействии с преступными организациями за основу берется Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности принятой резолюцией 55/22 Генеральной Ассамблеи 15 ноября 2000 года [6], где «*организованная преступная группа*» означает структурно оформленную группу в составе *трех или более лиц*, существующую в течение определенного периода времени и действующую согласованно с целью совершения одного или нескольких *серьезных* преступлений или престу-

плений, признанных таковыми в соответствии с Конвенцией, с тем чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду, которая в последующем ратифицирована законом Республики Казахстан от 4 июня 2008 года № 40-IV [7]. Основными постулатами в борьбе с организованной преступностью является предотвращение образования коалиций преступных организаций и их иерархичности. Данными нормами можно описать определение ролей среди преступной организации.

В результате проведенного нами *анализа* уголовного законодательства в части определения понятий и форм соучастия выяснено следующее. Несмотря на то, что в Общей части УК РК имеется формальное разграничение указанных форм, положения Особенной части УК свидетельствует о непоследовательности их нормативного применения. В частности, нередки случаи, когда различные формы соучастия объединяются в рамках одной диспозиции уголовно-правовой нормы, что приводит к затруднениям в правоприменительной практике, снижает предсказуемость уголовной ответственности, нарушает требования юридической техники и подрывает принципы дифференциации и индивидуализации наказания.

Классификация форм участия в преступной деятельности обусловлена степенью организованности и преднамеренности совместных действий субъектов уголовного правонарушения. В действующем уголовном законодательстве Республики Казахстан предусмотрены:

- *группа лиц* (простая форма соучастия, если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора). Для признания группы лиц, как формы соучастия присущи следующие признаки:

1) наличие двух или более исполнителей (соисполнителей), то есть совместное выполнение объективной стороны деяния двумя или более лицами;

2) практически равная степень участия каждого из них в совершении уголовного правонарушения;

3) отсутствие предварительного сговора, то есть до совершения уголовного правонарушения указанные лица не сговаривались между собой совместно совершить уголовное правонарушение.

В Особенной части УК РК уголовных правонарушений с квалифицирующими признаками, совершаемых *группой лиц* – две статьи (*ч.2 ст.149 УК РК и ч.1 ст.201 УК*).

Вместе с тем, в отдельных статьях, наряду с *простой формой соучастия группой лиц*, одновременно присутствуют: *группа лиц по предварительному сговору* (которая характеризуется участием лиц, заранее договорившиеся о совместном совершении уголовного правонарушения) – 42 статьи;

- с квалифицирующими признаками, совершаемых *группой лиц по предварительному сговору* – 76 статей;

- *преступная группа* (устойчивая структура, сформированная для осуществления одного или нескольких преступлений, с распределением ролей, планированием и высоким уровнем согласованности действий) в УК РК совершаемых *преступной группой* – 104 статьи.

Перечень составов уголовных правонарушений с квалифицирующими признаками, совершаемых *группой лиц или группой лиц по предварительному сговору* по УК – 43 статьи.

Перечень составов уголовных правонарушений с квалифицирующими признаками, совершаемых *группой лиц по предварительному сговору или преступной группой* находятся в одной части статьи, то есть вместе в УК – 7 статей.

Перечень составов уголовных правонарушений с квалифицирующими признаками, совершаемых *группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, преступной группой* также находятся в одной части статьи по УК в 9 статьях.

Перечень составов уголовных правонарушений с квалифицирующими признаками, совершаемых *группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, преступной группой*, где они расположены в разных частях, но в одной статье УК – 119 статей [5].

Четкое разграничение этих форм соучастия имеет принципиальное значение при квалификации деяния, поскольку уровень общественной опасности и степень вины каждого участника напрямую связаны с уровнем согласованности и устойчивости группы.

На наш взгляд уголовное законодательство Республики Казахстан приближено к вышеуказанной Конвенции, в котором даются

понятия *10 форм преступной группы* (п.24 ст.3 и ч.3 ст.31 УК). Однако, не ставит ли под сомнение излишняя детализация уголовной ответственности и наказания такая большая разновидность форм организованной преступности?

С учетом изменения нынешних условий, на наш взгляд, такое большое разграничение в формах *организованной преступной группы* усложняет досудебное расследование и мешает четкому определению виновности каждого лица, которое так или иначе принимало участие в совершении уголовных правонарушений (как ранее нами предлагалось) [8, с.129].

Обобщенный анализ санкций, установленных в Особенной части УК РК, показывает, что:

- наиболее мягкие наказания устанавливаются за уголовные правонарушения, совершённые *группой лиц без предварительного сговора*. Как правило, речь идет о деяниях небольшой тяжести, за которые предусматривается лишение свободы *до двух лет* или иные меры;

- участие *группы лиц по предварительному сговору* влечёт за собой более строгую ответственность. Несмотря на отсутствие устойчивой структуры, факт предварительного согласования действий повышает уровень общественной опасности, что отражается в санкциях *от 3 до 10 лет* лишения свободы, а в ряде случаев и выше;

- наиболее суровые санкции предусмотрены за уголовные правонарушения, совершенные *преступной группой*. Они могут достигать *12 лет* лишения свободы и более, особенно в случаях тяжких и особо тяжких преступлений. Такая строгость обусловлена высоким уровнем организованности, устойчивостью группы, иерархией и тщательно спланированным характером деяния.

Кроме того, при наличии двух или трёх признаков (например, группа лиц по предварительному сговору и преступная группа), наказания, как правило, ужесточаются. Это отражает как повышенную степень координации, так и рост общественной опасности содеянного.

В то же время в ряде статей, где имеет место перечень составов уголовных правонарушений с квалифицирующими признака-

ми: совершаемых группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, преступной группой, все формы соучастия расположены в одной части статьи, которые следует привести в соответствие с формами соучастия. Такие случаи указывают на отсутствие единого подхода к построению санкционных норм и нарушению последовательности законодательной техники, что требует дополнительного нормативного выравнивания.

Законодатель выделяет формы соучастия исходя из разной степени организованности действий соучастников, а значит, из различной степени их общественной опасности. Следовательно, форма соучастия должна учитываться как при квалификации уголовного правонарушения, так и при назначении наказания за его совершение.

Таким образом, обеспечение логичной и системной градации форм участия в преступной деятельности является неотъемлемым элементом справедливого уголовного правосудия.

В целях повышения эффективности уголовно-правового регулирования предлагаем:

- исключить объединение несопоставимых форм соучастия в одной квалифицирующей норме;
- с учетом законодательной техники, сохранить последовательность в структуре статей Особенной части УК РК.

Только при соблюдении этих условий можно добиться предсказуемости, логической стройности и внутреннего согласия уголовно-правовых норм в части регулирования групповой преступности.

Вывод: Статью 31 УК РК целесообразно изложить в редакции УК РК 1997 г., в котором ранее существовавшее определение форм организованной преступной группы было более удачным как в теоретическом, так и практическом его применении, где сохранялась последовательность всех форм соучастия в уголовном правонарушении в структуре статей Особенной части УК РК.

Источники и литература

1. Иманбаев С.М., Егизбаев Н.У. Особенности соучастия по уголовному законодательству Республики Казахстан. – Польский

- международный журнал научных публикаций: в «Colloquium-journal», «юриспруденция №1(53) 2020. – ч. 9. – С. 45-47.
2. Уголовный Кодекс Казахской ССР от 22 июля 1959 г. (с изменениями и дополнениями) (Утратил силу). https://adilet.zan.kz/rus/docs/K590002000_
 3. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан. Указ Президента Республики Казахстан от 17 марта 1995 г. № 2122 имеющий силу Закона. https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000040_
 4. Уголовный Кодекс Республики Казахстан от 16 июля 1997 года № 167. (Утратил силу Кодексом РК от 3 июля 2014 года № 226-V). https://adilet.zan.kz/rus/docs/K970000167_
 5. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>
 6. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. Принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml
 7. Закон Республики Казахстан от 4 июня 2008 года № 40-IV «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности». https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000040_
 8. Иманбаев С.М., Куатова А.С. Понятие и формы соучастия в уголовном законодательстве Республики Казахстан: генезис и перспективы. – «ХАБАРШЫ-ВЕСТНИК» Карагандинской академии МВД РК, № 3 (85) 2024 – С. 126-131.

О СООТНОШЕНИИ НОРМ АДМИНИСТРАТИВНОГО И УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Курманбаев Б.М. – кандидат юридических наук, доцент,
доцент Высшей школы права Международного
университета Астана, Республика Казахстан, г. Астана
Kurmanbaev67@mail.ru

Аннотация: Бұл мақалада Әкімшілік құқық бұзушылықтарды, қылмыстық теріс қылықтар мен қылмыстарды ажырату мәселелерін қоса алғанда, Қазақстан Республикасындағы әкімшілік және қылмыстық құқық нормаларының арақатынасы мәселесі қарастырылады. Қазақстан Республикасының Әкімшілік құқық бұзушылық туралы Кодексі (бұдан әрі – ҚР ӘҚБтК) және Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі (бұдан әрі – ҚР ҚК) нормаларының бәсекелестік мәселелері талданып, осы кодекстердегі құқық бұзушылықтар құрамының қайталануының нақты мысалдары келтірілді. Әкімшілік және қылмыстық жауапкершілікті ажыратудың тәсілдерін анықтау мақсатында шетелдік заңнамаға (Ресей Федерациясы, Германия, Франция) салыстырмалы талдау жасалды. Жүргізілген зерттеу негізінде әкімшілік-құқықтық және қылмыстық-құқықтық нормалар арасындағы қайшылықтарды жою, заңдылық, әділдік және құқық қолдану тиімділігі қағидаттарын қамтамасыз ету үшін қазақстандық заңнаманы жетілдіру бойынша ұсыныстар тұжырымдалған.

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема соотношения норм административного и уголовного права в Республике Казахстан, включая вопросы разграничения административных правонарушений, уголовных проступков и преступлений. Проанализированы проблемы конкуренции норм Кодекса Республики Казахстан Об административных правонарушениях (далее – КоАП РК) и Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК), приводятся конкретные примеры дублирования составов правонарушений в этих кодексах. Выполнен срав-

нительный анализ зарубежного законодательства (Российской Федерации, Германии, Франции) с целью выявления подходов к разграничению административной и уголовной ответственности. На основе проведенного исследования сформулированы предложения по совершенствованию казахстанского законодательства для устранения коллизий между административно-правовыми и уголовно-правовыми нормами, обеспечения принципов законности, справедливости и эффективности правоприменения.

Кілт сөздер: Әкімшілік құқық бұзушылық; қылмыстық құқық бұзушылық; қылмыстық теріс қылық; нормалар бәсекелестігі; ҚР ӘҚБтК; ҚР ҚК; салааралық коллизия; қылмыссыздандыру; әкімшілік преюдиция.

Ключевые слова: Административное правонарушение; уголовное правонарушение; уголовный проступок; конкуренция норм; КоАП РК; УК РК; межотраслевая коллизия; декриминализация; административная преюдиция.

Вопрос разграничения сфер административной и уголовной ответственности имеет высокую актуальность для правовой системы Республики Казахстан. От четкого соотношения норм административного и уголовного законодательства зависят эффективность борьбы с правонарушениями, соблюдение прав и свобод граждан, а также единообразие правоприменительной практики.

В Казахстане в 2014 г. была проведена существенная реформа уголовного законодательства: принят Уголовный кодекс, который ввел наряду с **преступлениями** также **уголовные проступки**. Одновременно был принят обновленный КоАП РК, сохранивший институт **административных правонарушений**, традиционно предназначенный для менее значительных правонарушений, не влекущих уголовной ответственности.

Таким образом, современное казахстанское право де-факто оперирует тремя градациями противоправных деяний (без учета гражданско-правовых деликтов): административные правонарушения, уголовные правонарушения: уголовные проступки и преступления.

Несмотря на указанные новеллы, проблема взаимодействия норм административного и уголовного законодательства остается нерешенной и дискуссионной. Законодатель установил общий принцип, согласно которому административная ответственность наступает лишь в тех случаях, когда деяние по своему характеру не образует уголовно наказуемого деяния.

Тем не менее, в КоАП РК сохраняется ряд составов, близких или тождественных по объективным признакам составам, предусмотренным в УК РК. Наличие таких дублирующих норм ведет к межотраслевым коллизиям и конкуренции при квалификации противоправных деяний. Также это приводит к нарушению принципа законности, неправильный выбор нормы ведет к необоснованно мягкой ответственности либо к нарушению принципа «*ne bis in idem*» (лицо не может быть дважды привлечено к ответственности за одно и то же деяние).

Кроме того, параллельное существование сходных административно-правовых и уголовно-правовых запретов создает предпосылки для коррупционных рисков, когда виновное лицо может быть привлечено лишь к административной ответственности за деяние, фактически являющееся преступлением, с целью избежать более строгого наказания.

В данной статье предпринята попытка комплексно проанализировать соотношение норм административного и уголовного законодательства РК, выявить проблемные точки в их взаимодействии, рассмотреть зарубежный опыт разграничения административных проступков и преступлений, а также предложить обоснованные пути совершенствования казахстанского законодательства в этой сфере.

В Казахстане административные и уголовные правонарушения традиционно отделяются друг от друга по степени общественной опасности деяний, а также видам и размерам наказаний за их совершение.

Согласно статье 25 КоАП РК, **административным правонарушением** признается противоправное, виновное деяние (действие или бездействие), за которое установлена административная ответственность, если это правонарушение по своему характеру

не влечет за собой в соответствии с законодательством уголовной ответственности [1].

В статье 10 УК РК, в свою очередь, **уголовные правонарушения** разделены на две категории:

- **преступления** – совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное УК РК под угрозой наказания в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ограничения свободы или лишения свободы);

- **уголовные проступки** – совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста, выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства [2].

Важно отметить, что исходя из содержания статьи 79 УК РК лицо, осужденное за совершение уголовного проступка, не считается судимым. Полагаем, что данная мера направлена, прежде всего, на гуманизацию уголовной политики.

Теоретически границы между административным и уголовным правонарушениями проведены исходя из **степени общественной опасности** деяния. Однако в правоприменительной деятельности нередко возникают сложности с квалификацией деяния по административным или уголовно-правовым нормам.

Во-первых, объективные признаки некоторых составов преступлений и административных правонарушений совпадают либо очень близки, что создает так называемую межотраслевую конкуренцию норм.

Во-вторых, законодателем использованы разные подходы к формулированию дифференциации административной и уголовной ответственности: в одних случаях в тексте 40 административно-правовых норм прямо содержится оговорка «если деяние не содержит признаков преступления», в других таких оговорок нет.

В результате выявление разграничивающих критериев переложено в основном на правоохранительные органы, которые должны учитывать совокупность признаков и положений в обоих Кодексах. Если же они неверно оценят характер содеянного, то неизбежны ошибки в правовой оценке содеянного: привлечение лица к административной ответственности там, где необходимо уголовное преследование, или наоборот.

В-третьих, проведенный анализ законодательства позволил выявить несколько случаев, когда **одно и то же деяние одновременно подпадает под признаки статей КоАП РК и УК РК**. Такая редакция норм обоих кодексов в текущей редакции позволяет правоприменительным органам привлечь лицо как к административной, так и к уголовной ответственности за одно и то же деяние.

Мы разделяем мнение проф. Рахметова С.М. считающего, что подобная ситуация обусловлена тем, что развитие административно-деликтного и уголовного законодательства шло параллельно и зачастую автономно, без достаточного учета их взаимосвязи. В итоге образовались коррупциогенные дублирующие нормы КоАП РК и УК РК, содержащие практически неразличимые составы правонарушений. Их применение на выбор правоприменителя способно нарушить базовые принципы законности, справедливости и соразмерности наказания. Для надлежащего правоприменения в условиях конкуренции норм требуется, чтобы должностные лица в совершенстве знали и уголовное, и административное законодательство, четко понимая критерии разграничения, заложенные в законе и в судебной практике [3].

В результате конкуренции норм КоАП РК и УК РК произошло **смещение предметов правового регулирования** между административным и уголовным законодательством.

Например, статья 423 КоАП РК и статья 299-1 УК РК (*Пропаганда или незаконная реклама наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов, прекурсоров*) в названиях и диспозициях норм **полностью совпадают друг с другом** [1; 2].

При этом, в КоАП РК за это правонарушение предусмотрено максимальное административное взыскание в виде штрафа на субъектов крупного предпринимательства в размере 1000 месяч-

ных расчетных показателей (МРП), с лишением лицензии либо без такового.

В уголовном законе максимальное наказание за данное преступление по части 1 статьи 299-1 УК РК предусмотрено уже в виде лишения свободы на срок до 3-х лет с конфискацией имущества или без таковой, а по части 2 – лишение свободы на срок от 3-х до 6-ти лет с конфискацией имущества или без таковой.

В то же время, отдельно следует указать, что редакция статьи 423 в КоАП РК была изменена, а статья 299-1 была введена в УК РК одним Законом РК от 27 декабря 2019 г. При этом, в названии данного Закона было указано, что он принимается для «усиления защиты прав личности». Однако полагаем, что редакции этих статей КоАП РК и УК РК не способствуют достижению заявленной цели.

Кроме этого, примеры конкуренции некоторых норм КоАП РК и УК РК были установлены законодателем в следующих случаях.

В статье 79 КоАП РК (*Незаконный сбор персональных данных, если эти деяния не содержат признаков уголовно наказуемого деяния*) и в части 2 статьи 147 УК РК (*Незаконное собирание сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия*). В этих нормах КоАП РК и УК РК сферу правового регулирования сложно разграничить, так как персональные данные зачастую относятся к личной тайне человека. Поэтому одни и те же действия лица могут подпадать под признаки обеих норм. В результате чего правоприменительные органы могут делать выбор: привлечь лицо к административной либо уголовной ответственности. При этом, выбор такого рода тесно связан с коррупционными рисками.

В этой связи, предлагается в стае 79 КоАП РК вместо слов «если эти деяния не содержат признаков уголовно наказуемого деяния» предусмотреть слова «при отсутствии существенного вреда правам и законным интересам лица».

В части 1 статьи 128 КоАП РК (*Вовлечение несовершеннолетнего в совершение административного правонарушения*) и в статье 133 УК РК (*Вовлечение несовершеннолетнего в употребление одурманивающих веществ либо токсикоманию, либо в неоднократное*

употребление спиртных напитков, либо в занятие бродяжничеством или попрошайничество) указаны, казалось бы, различные признаки. Однако грань между этими правонарушениями пролегает по оценочному признаку неоднократности, который может быть неочевиден сразу. Неверное установление кратности деяния способно привести к тому, что опасное преступление (с точки зрения последствий для ребенка) будет ошибочно расценено как разовое административное правонарушение. При этом разница же в санкциях данных норм весьма значительна: максимальное наказание по части 3 статьи 133 УК РК составляет лишение свободы на срок от 3 до 7 лет с пожизненным лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, т.е. данная часть этой нормы относится к тяжкому преступлению, а по статье 131 КоАП – административный арест на срок до 5 суток. Этот пример наглядно демонстрирует риск увода от уголовной ответственности при наличии конкурирующей административной нормы.

Приведенные примеры подтверждают, что проблема пересечения компетенции административного и уголовного законодательства носит системный характер. Деяния, которые по задумке законодателя должны были отличаться друг от друга степенью общественной опасности, по факту оказались описаны схожими признаками в КоАП РК и УК РК. Все это создает юридическую неопределенность при квалификации деяний и требует разработки четких критериев и рекомендаций для разграничения административной и уголовной ответственности.

В этой связи, представляет интерес зарубежный опыт разграничения административных и уголовных правонарушений, на примере Российской Федерации, Германии и Франции.

Так, правовая система в **России**, как и в Казахстане, восприняла советскую модель разделения ответственности: действует самостоятельный Кодекс об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ, от 30 декабря 2001 г.) [4] и Уголовный кодекс РФ (УК РФ от 13 июня 1996 г.) [5].

В российском законодательстве отсутствует категория, аналогичная казахстанскому «уголовному проступку» – все уголовно

наказуемые деяния считаются преступлениями, разделенными на категории по степени тяжести. Разграничение между административным правонарушением и преступлением проводится, с одной стороны, через установление **критериев материального характера** (размер ущерба, сумма незаконной выгоды, кратность деяния и т.д.), с другой – посредством включения специальных оговорок в тексты статей КоАП. Например, примечания к ряду статей КоАП РФ прямо указывают, что ответственность по ним наступает, *если деяние не содержит признаков уголовно наказуемого* (аналогично части 2 статьи 25 КоАП РК) либо если стоимость похищенного не превышает установленного порога и т.п.

Так, мелкое хищение чужого имущества квалифицируется по статье 7.27 КоАП РФ при незначительной сумме ущерба (до 1000 рублей) и не влечет судимости, тогда как более крупное хищение образует состав преступления по уголовному закону (например, статья 158 УК РФ Кража). Подобная модель **пороговых значений и формальных оговорок** позволяет в большинстве случаев однозначно определить, какой вид ответственности применяется. Тем не менее, в российской правоприменении также возникали проблемы конкуренции норм. К их числу относится, например, параллельное существование административной и уголовной ответственности за незаконное предпринимательство, за нарушение санитарно-эпидемиологических правил и другие правонарушения. Российские ученые указывают на необходимость совершенствовать критерии разграничения, чтобы исключить возможность двойной квалификации одного деяния [6, с. 42-47].

В целом же подход России заключается в более четком законодательном прописании различий и в отсутствии отдельной категории уголовных проступков – мелкие правонарушения либо декриминализуются полностью, переходя в разряд административных, либо остаются преступлениями с назначением мягких наказаний.

В **Германии** реализован иной подход, сформировавшийся во второй половине XX века. В ФРГ был принят отдельный Закон «Об административных правонарушениях» от 24 мая 1968 г. (Gesetz über Ordnungswidrigkeiten – OWiG), которым мелкие правонарушения исключены из сферы уголовного права [7].

Соответственно, Уголовный кодекс Германии (Strafgesetzbuch – StGB) регулирует только деяния, считающиеся преступлениями, которые внутри кодифицированы в двух категориях – **Verbrechen** (преступления) и **Vergehen** (проступок) [8].

Критерием отличия служит санкция: преступления (Verbrechen) по определению караются лишением свободы на срок не менее одного года, тогда как более мягко наказуемые деяния относятся к категории проступка (Vergehen).

Весь массив деяний, не дотягивающих до уровня уголовных, отнесен к разряду регулятивных (административных) правонарушений, за которые в основном предусмотрены денежные штрафы.

Таким образом, в германском праве проведена довольно четкая граница: либо правонарушение считается преступлением (проступком) и подпадает под уголовный закон, либо оно декриминализовано и влечет лишь административно-штрафные санкции. Дублирования между законами практически избегнуты – одно и тот же правонарушение не описывается одновременно и в уголовном, и в административном порядке. Поэтому, в целом немецкая модель позволила разгрузить уголовную юстицию от мелких дел, не потеряв при этом контроль за соблюдением прав привлекаемых лиц.

Правовая система во **Франции** представляет собой классический для континентальной Европы пример трехчленной классификации правонарушений [9]. Еще Уголовный кодекс Наполеона 1810 г. разделил все уголовно наказуемые деяния на категории: преступления (crimes), деликты (délits) и нарушения (contraventions) [10, с. 64-65].

Современное французское право сохраняет эту триаду. При этом формально все три категории отнесены к сфере уголовного права – отдельного административно-деликтного кодекса во Франции нет.

Разграничение между этими категориями правонарушений проводится по тяжести наказания: преступления караются наиболее строго (вплоть до длительного лишения свободы), деликты – умеренно, а contraventions считаются наименее значительными нарушениями, за которые могут назначаться штрафы и очень легкие санкции.

Процессуальный порядок рассмотрения дел также различается: преступления слушаются судом присяжных, дела о деликтах – в уголовных судах более низкого звена, а многочисленные дела о *contraventions* переданы в упрощенном порядке квазисудебным или административным органам (мировым судьям, полицейским комиссиям и др.).

Фактически, французское законодательство пошло по пути максимального упрощения процедуры для малозначительных правонарушений без изменения их формального статуса. Это позволило избежать создания параллельных норм: любое деяние, запрещенное под угрозой наказания, считается уголовно наказуемым, но для наименее опасных из них применяется административная практика взысканий.

Таким образом, конкуренции между административными и уголовными нормами *de jure* не возникает – границы проведены внутри единой системы уголовного законодательства. Опыт Франции показывает, что проблему перегруженности судов мелкими правонарушениями можно решать не только декриминализацией, но и процедурными мерами, сохраняя единообразие правовых норм.

Анализ отечественного и зарубежного опыта позволил сформулировать **предложения**, направленные на совершенствование норм административного и уголовного законодательства РК:

Исключение дублирующих составов из КоАП РК. Необходимо законодательно устранить ситуации, при которых одно и то же деяние одновременно предусмотрено нормами Особенной части КоАП РК и УК РК. В этой связи, требуется полная ревизия норм КоАП РК и УК РК с целью устранения их конкуренции друг с другом и проведения разграничения между ними на основе научного обоснования.

Для тех смежных областей, где административная и уголовная ответственность все же соприкасаются, следует четко **прописать критерии разграничения** прямо в законе. Такими критериями могут быть: сумма ущерба или выгоды, количество совершенных эпизодов, способ совершения (например, с отягчающими обстоятельствами) и др. В КоАП РК целесообразно повсеместно вклю-

чить формулировку «если это деяние не содержит признаков уголовно наказуемого деяния» во всех составах, потенциально пересекающихся с уголовными правонарушениями. Это будет прямым сигналом правоприменителю, какую норму выбрать.

Согласованное развитие законодательства. Законодателю следует координировать внесение изменений и дополнений в КоАП РК и УК РК. Как показывает практика, многие коллизии вызваны тем, что поправки вносились изолированно, без учета смежных норм. В рамках реформ необходимо проводить комплексный научный анализ последствий: каждое новое уголовно-правовое предписание проверять на наличие близкого по содержанию административно-правового аналога, и наоборот. Для этого можно институционализировать сотрудничество между рабочими группами по реформе уголовного и административного законодательства.

Оптимизация уголовных проступков. В свете 10-летнего опыта применения УК РК следует оценить эффективность института уголовных проступков. Некоторые проступки «не вписываются» в систему: архитектура наказаний оказалась несбалансированной, а ключевое наказание – арест – трудно реализуемо на практике, так как после введения ареста, как уголовного наказания впервые в 1997 г., места его исполнения (арестные дома) до сих пор не построены. Поэтому, следует отказаться от института уголовных проступков, переведя часть из них в разряд административных правонарушений (декриминализирував), а некоторые из них, наиболее опасные проступки, перевести в категорию преступлений небольшой тяжести. При таком подходе законодателю следует руководствоваться объективными данными криминологической обстановки и принципом экономии уголовной репрессии. В любом случае, границы между административной и уголовной юрисдикцией должны стать более понятными для общества и правоприменителя.

Соблюдение принципа «*ne bis in idem*». Необходимо нормативно гарантировать, что лицо не будет дважды наказано за одно и то же деяние в административном и уголовном порядке. Это должно означать, что если по факту правонарушения вынесено постановление о привлечении к административной ответственности,

и оно вступило в силу, уголовное дело по тем же фактам должно быть недопустимо (и наоборот, если состоялся обвинительный приговор, нельзя применять административное взыскание). Данный принцип логически вытекает из запрета, установленного в подпункте 2) пункта 3 статьи 77 Конституции РК, о недопустимости повторной ответственности за одно и то же правонарушение и должен строго соблюдаться. Для реализации этого предложения следует улучшить обмен информацией между реестрами административных производств и Единым реестром досудебных расследований. Все это будет соответствовать принципу гуманизма уголовного законодательства.

Обеспечение процессуальных гарантий при привлечении к административной ответственности. В условиях, когда административные взыскания по своей сути сближаются с мерами уголовной репрессии, важно укреплять процессуальные права лиц, привлекаемых к административной ответственности. Следует расширить возможности участия защитника (адвоката) при производстве по всем делам об административных правонарушениях, рассматриваемых судом, гарантировать реализацию принципа презумпции невиновности, обеспечивать право на обжалование постановлений и реализацию других фундаментальных принципов права. Гуманистическая направленность права требует, чтобы никто не был ущемлен в правах только потому, что его деяние формально отнесено к административной, а не уголовной категории.

Выполнение указанных мер позволит укрепить границы между административной и уголовно-правовой областью, исключить противоречия в законодательстве и практику применения конкурирующих норм, а также повысить доверие общества к системе правосудия.

Источники и литература

1. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 г. № 235-V (в ред. по состоянию на 19.05.2025 г.). Доступен в ИПС «Әділет»: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235#z83> (дата обращения: 11.05.2025).

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (в ред. по состоянию на 19.05.2025 г.). Доступен в ИПС «Әділет»: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226> (дата обращения: 11.05.2025).
3. Рахметов С.М. Несогласованность норм Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях и Уголовного кодекса создает условия для коррупции // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32419962&pos=5;-118#pos=5;-118, 31.01.2024. (дата обращения: 11.05.2025).
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. по сост. на 30.04.2025 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30407289&pos=4;-98#pos=4;-98 (дата обращения: 12.05.2025).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. по сост. на 30.04. 2025 г.) // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397073&doc_id2=30397073#activate_doc=2&pos=227;-114.19999694824219&pos2=2029;-110.19999694824219 (дата обращения: 12.05.2025).
6. Кисин В.Р., Попугаев Ю.И. О коллизии (конкуренции) норм, предусматривающих административную и уголовную ответственность, и способы ее разрешения // Административное право и процесс, 2018. – № 5.
7. Gesetz über Ordnungswidrigkeiten (OWiG) (Germany's Law on Regulatory Offences) vom 24. Mai 1968 (BGBl. I S. 481) – https://www.gesetze-im-internet.de/owig_1968/OWiG.pdf (дата обращения: 13.05.2025).
8. Головненков П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) – Научно-практический комментарий и перевод текста закона // https://www.unipotsdam.de/fileadmin/projects/ls-hellmann/Forschungsstelle_Russisches_Recht/Neuaufgabe_der_kommentierten_StGB-%C3%9Cbersetzung_von_Pavel_Golovnenkov.pdf (дата обращения: 13.05.2025).

9. Code pénal (version consolidée au 1 janvier 2014) – Уголовный кодекс Франции (с изменениями на 1 января 2014 г.) // <https://wipo.lex-resources-eu-central-1-358922420655.s3.amazonaws.com/edocs/lexdocs/laws/fr/fr/fr444fr.pdf> (дата обращения: 13.05.2025).
10. Исаев М.М. Французский уголовный кодекс 1810 г., с изменениями и дополнениями на 1 июня 1940 г. – Всесоюзный институт юридических наук МЮ СССР, – Москва, 1947 г. – С. 372.

ОБЪЕКТ УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 198 УК РК «НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ И (ИЛИ) СМЕЖНЫХ ПРАВ»

**Кошегулов Б.Б. – кандидат юридических наук,
доцент кафедры общеправовых и специальных дисциплин
Карагандинский университет Казпотребсоюза,
Республика Казахстан, г. Караганда,
email: bekbolat@mail.ru**

***Аннотация:** В статье представлен анализ существующих точек зрения в юридической литературе по определению объекта уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 198 УК РК «Нарушение авторских и (или) смежных прав». Правильное определение объекта состава уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 198 УК РК, помогает уяснению социальной и правовой природы преступного деяния, форм и пределов уголовной ответственности за совершенное уголовное правонарушение в сфере авторских и смежных прав.*

***Ключевые слова:** уголовное правонарушение, авторские и (или) смежные права, объект уголовного правонарушения, предмет уголовного правонарушения, имущественные и личные немущественные права, автор произведения, фонограммы, состав уголовного правонарушения, литературные произведения; драматические произведения.*

Конституция Республики Казахстан в ст. 20 гарантирует свободу слова и творчества [1], создавая правовую основу для развития законодательства об интеллектуальной собственности.

В ст. 198 УК РК установлена уголовная ответственность за нарушение авторских и (или) смежных прав.

Правильное определение объекта уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 198 УК РК, помогает уяснению социальной и правовой природы преступного деяния, форм и пределов уголовной ответственности за совершенное деяние в сфере авторских и (или) смежных прав.

В науке уголовного права высказаны различные точки зрения по поводу определения объекта рассматриваемого уголовного правонарушения. По мнению И.Ш. Борчасвили, объектом деяния являются общественные отношения по реализации человеком и гражданином авторских и (или) смежных прав, гарантированных Конституцией РК, Законом РК «Об авторском праве и смежных правах» от 10 июня 1996 г., а также честь достоинство и деловая репутация потерпевшего [2, с. 609].

С.М. Рахметов полагает, что объектом этого уголовного правонарушения являются общественные отношения по реализации человеком и гражданином авторских и смежных прав, гарантированных Конституцией РК [3, с. 58].

Анализируя существующие точки зрения в юридической литературе, мы приходим к выводу, что объектом уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 198 УК РК, являются имущественные и личные неимущественные права автора, а также имущественные права исполнителя, производителя фонограммы, исполнения, передачи организаций эфирного или кабельного вещания для всеобщего сведения посредством кабеля, провода, оптического волокна или с помощью аналогичных средств.

Учитывая, что ст. 198 УК РК располагается в главе 6 «Уголовные правонарушения против собственности» Особенной части УК РК, поэтому родовым объектом этого уголовного правонарушения являются охраняемые уголовным законом общественные отношения права собственности, возникающие по поводу реализации субъектом права владения, пользования и распоряжения результатами творческого труда.

Понятие объекта авторского права приведено в ст. 6 Закона РК «Об авторском праве и смежных правах» от 10 июня 1996 г. (далее – Закон) [4], где под ними понимаются произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческой деятельности, независимо от их назначения, содержания и достоинства, а также от способа и формы их выражения.

Согласно ст. 7 данного Закона, к объектам авторского права относятся: литературные произведения; драматические и музыкально-драматические произведения; сценарные произведения; произ-

ведения хореографии и пантомимы; музыкальные произведения с текстом или без текста; аудиовизуальные произведения; произведения живописи, скульптуры, графики и другие произведения изобразительного искусства; произведения прикладного искусства; произведения архитектуры, градостроительства и садово-паркового искусства; фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии; карты, планы, эскизы, иллюстрации и трехмерные произведения, относящиеся к географии, топографии и к другим наукам; программы для ЭВМ; иные произведения.

То есть данная норма относит к объектам авторского права широкий круг произведений творчества. Основное назначение закрепленного в законе перечня охраняемых произведений состоит не в том, чтобы дать их идеальную классификацию, а в том, чтобы отразить в относительно упорядоченном виде их наиболее распространенные виды. Другими словами, значение закрепленного законом перечня объектов авторского права заключается в том, чтобы показать, в каких наиболее распространенных формах могут выражаться творческие произведения, назвать их возможные виды и тем самым исключить споры относительно охраноспособности большинства из них. Следует подчеркнуть, что закрепленный законом перечень охраняемых произведений носит примерный, ориентировочный характер. Если тот или иной творческий результат не подпадает ни под один из перечисленных в законе видов произведений, но отвечает всем требуемым по закону условиям, он признается произведением и пользуется такой же охраной, как и прямо названные в законе объекты авторского права.

Таким образом, действующее законодательство не содержит полного определения понятия произведения как объекта авторского права, хотя указывает на те признаки, которыми оно должно обладать, чтобы пользоваться правовой охраной.

В юридической литературе предложено немало научных определений произведения, однако наибольшее распространение получила точка зрения В.И. Серебровского о том, что: «Произведение – это совокупность идей, мыслей и образов, получивших в результате творческой деятельности автора свое выражение в доступной

для восприятия человеческими чувствами конкретной форме, допускающей возможность воспроизведения» [5, с. 59].

М.В. Гордон же определяет произведение как комплекс идей и образов, получивших свое выражение в готовом труде [6, с. 39].

Другие авторы дополнили данные определения следующими признаками. Произведение – индивидуальное и неповторимое отражение объективной действительности [7, с. 33], а также нематериальный объект, поскольку оно является результатом мыслительной деятельности [8, с. 108].

При этом подчеркивается, что произведение – благо нематериальное, и что признаками произведения являются творческий характер, наличие объективной формы, возможность воспроизведения [9, с. 122].

Однако не всякое произведение как результат мыслительной деятельности человека охраняется нормами авторского права. Объектами авторского права признаются лишь такие произведения, которые обладают предусмотренными законом признаками: 1) творческий характер произведения; 2) объективная форма его выражения. Исходя из изложенного, следует, что произведение как результат творческой деятельности автора становится объектом авторского права лишь при условии, что оно выражено в какой-либо объективной форме. До тех пор, пока мысли и образы автора не проявились вовне, а существуют лишь в виде творческого замысла, они не могут быть восприняты другими людьми и, следовательно, не существует и практической надобности в их правовой охране.

Таким образом, авторские права возникают в связи с созданием произведения, а смежные с их использованием. В законодательстве других государств их называют родственными правами, правами, сопутствующими авторским [10, с. 99]. В соответствии с диспозицией ч. 1 ст. 198 УК РК, уголовная ответственность наступает в связи с незаконным использованием объектов авторского и (или) смежных прав, а равно приобретение, хранение, перемещение или изготовление контрафактных экземпляров объектов авторского права и (или) смежных прав в целях сбыта либо присвоение авторства или принуждение к соавторству, а значит уголовную ответственность несут не только те лица, которые незаконно исполь-

зуют объекты авторских прав, но и лица, незаконно использующие объекты, охраняемые смежными правами.

Понятие «смежные права» в законодательстве впервые появилось в Основях гражданского законодательства в 1991 г. Смежные права в совокупности представляют собой правовые нормы, регулирующие отношения по охране постановок, исполнений, фонограмм, передач организаций эфирного и кабельного вещания, по определению режима их использования, наделению исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций имущественными и неимущественными правами и по защите этих прав [11, с. 147].

Так, по мнению А. К. Кайшатаевой, объектом смежных прав является разновидность информации, выраженная в объективной форме, представляющая собой результат творческой интеллектуальной деятельности, созданной в результате использования объектов авторского права [12, с. 51].

С точки зрения законодателя (ст. 34 ЗоАП РК), объектами смежных прав являются постановки, исполнения, фонограммы, передачи организаций эфирного и кабельного вещания независимо от их назначения, содержания и достоинства, а также от способа и формы их выражения. При этом необходимо отметить, что данный Закон содержит такое понятие, как субъекты смежных прав, которые являются правообладателями объектов смежных прав. Следовательно, лицо, незаконно использующее объекты смежных прав, нарушает права их правообладателей. Так, в ст. 35 названного Закона субъектами смежных прав являются: исполнители; производители фонограмм; организации эфирного и кабельного вещания.

К исполнителям (п. 24, ст. 2 ЗоАП РК) относятся актеры, певцы, музыканты, танцоры или иные лица, которые играют роль, поют, читают, декламируют, играют на музыкальном инструменте, интерпретирует или иным образом исполняют произведения литературы и (или) искусства (в том числе эстрадный, цирковой или кукольный номер) или произведения народного творчества, а также режиссер-постановщик спектакля и дирижер.

К производителям фонограмм относятся физическое или юридическое лицо, взявшее на себя инициативу и ответственность за первую звуковую запись какого-либо исполнения или иных звуков.

Организации эфирного и кабельного вещания – физические и юридические лица, осуществляющие сообщение в эфир и (или) по кабелю теле-, радиоканалов, теле-, радиопрограмм (теле-, радиопередач), включающих произведения, исполнения, постановки, фонограммы. Сообщение в эфир и (или) по кабелю осуществляется посредством аналогового эфирного, многоканального вещания (цифрового эфирного, спутникового, кабельного телерадиовещания).

Смежные права регулируют отношения, возникающие в связи с исполнительской деятельностью артистов, использованием фонограмм, передач эфирного и кабельного вещания. В связи с этим представляется возможность правильно определить основной непосредственный объект. Например, Ю.В. Трунцевский к основному непосредственному объекту относит «конкретные личные немущественные и имущественные авторские права или смежные права, то есть те общественные отношения, которые фактически сложились в процессе обладания этими правами, принадлежащими конкретному лицу» [13, с. 365]. Г.Н. Борзенков, В.С. Комиссаров и И.М. Тяжков полагают, что непосредственным объектом преступлений в сфере авторских и смежных прав выступают общественные отношения в сфере интеллектуальной собственности [14, с. 143]. Б.В. Здравомыслов, А.В. Кладков [15, с. 102], Б.Д. Завидов, Н.И. Ветров и Ю.И. Ляпунов [16, с. 156] непосредственным объектом преступлений в сфере авторских и смежных прав рассматривают общественные отношения, возникающие по поводу реализации гражданами авторских и смежных прав. В.Н. Кудрявцев, С.В. Бородин и А.В. Наумов считают, что непосредственным объектом данного преступления являются социальные права и свободы, обеспечивающие авторское право и смежные права [17, с. 114]. На взгляд С.А. Федосова, непосредственным объектом преступлений в сфере авторских и смежных прав являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией гражданами конституционного права на свободу научного, литературного и художественного творчества [18, с. 12].

В результате, анализируя существующие точки зрения, приходим к мнению, что непосредственным объектом преступного посягательства в сфере авторских и смежных прав выступают отношения, возникающие в связи с созданием и использованием авторского права, распространяющиеся на произведения науки, литературы и искусства, являющиеся результатом творческой деятельности и смежных прав, распространяющиеся на постановки, исполнения, фонограммы, передачи организаций эфирного и кабельного вещания независимо от их назначения, содержания и достоинства, а также от способа и формы их выражения.

Объектом уголовного правонарушения, предусмотренного ст. 198 УК РК, являются общественные отношения по охране авторских и смежных прав, включающие как личные нематериальные, так и имущественные интересы правообладателей. Нарушение данных прав затрагивает не только интересы отдельных субъектов, но и общественные, государственные интересы, препятствуя развитию экономики знаний и культуры. Особенность объекта посягательства заключается в его двойственной природе – сочетании личных прав автора и имущественных интересов, что придает преступлению комплексный характер.

При этом нарушения в сфере авторских и (или) смежных прав затрагивают права и интересы всех, кто участвует в создании произведений, их воспроизводстве и распространении, подрывают возможности авторов и продюсеров получить справедливое экономическое вознаграждение и моральное удовлетворение в виде заслуженного признания за свою работу и возместить понесенные расходы, связанные с творческой деятельностью автора по созданию произведения.

Усиление охраны авторских и смежных прав будет способствовать не только защите частных интересов авторов и исполнителей, но и интеграции Казахстана в мировое информационное и культурное пространство.

Источники и литература:

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. // <https://adilet.zan.kz>
2. Борчашвили И.Ш. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Особенная часть (том 2). – Алматы: Жеті жарғы, 2021. – 1152 с.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан / Под ред. д.ю.н., профессора И. Рогова, д.ю.н., профессора С.М. Рахметова. – Астана: Изд-во ИЗПИ, 2025. Т. 2. – 664 с.
4. Закон Республики Казахстан от 10 июня 1996 года № 6. «Об авторском праве и смежных правах» // <http://adilet.zan.kz/>
5. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. – М., 1956. – 139 с.
6. Гордон М. В. Советское авторское право. – М., 1955. – 232 с.
7. Панкевич Б.И. Объекты авторского права // Записки Новороссийского университета. – 1978. – Вып. 3. – С. 31-36.
8. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации: Учебник: 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. – 756 с.
9. Шошаева Л. Некоторые вопросы рассмотрения споров в сфере авторского права // Журнал Вестник КЭУ: Экономика, Философия, Педагогика, Юриспруденция № 3 (66) 2022, с. 119-125
10. Интеллектуальная собственность (исключительные права): Учеб. пос. / Под ред. Н. М. Коршунова. – М.: Эксмо, 2006. – 576 с.
11. Хауия С. Международная правовая защита авторских прав // Журнал Вестник КЭУ: Экономика, Философия, Педагогика, Юриспруденция № 1 (60) 2021, с. 145-151
12. Кайшатаева А.К. Теоретический подход к пониманию объектов смежных прав в контексте права интеллектуальной собственности // Экономика и право Казахстана. – 2005. – № 11. – С. 48-51.

13. Трунцевский Ю.В. Защита авторского права и смежных прав (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2003. – 495 с.
14. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Под ред. Г.Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. – М.: Изд-во АСТ, 2014. – 752 с.
15. Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / Отв. ред. д.ю.н., проф. Б.В. Здравомыслов. – М.: Юрист, 2012. – 560 с.
16. Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. Н.И. Ветрова и д.ю.н., проф. Ю.И. Ляпунова. – М., 1998. – 860 с.
17. Российское уголовное право. Особенная часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Юрист, 2016. – 494 с.
18. Федосов С.А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты защиты авторских прав создателей и пользователей программ для ЭВМ и баз данных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1999. – 21 с.

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПОПРОШАЙНИЧЕСТВО, КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ

**Кенбаев Ж.А. – кандидат юридических наук,
международный эксперт по противодействию торговли
людьми, полковник полиции запаса,
Республика Казахстан, г. Караганда,
Email: zhangali79kenbaev@gmail.com**

Аннотация. Статья посвящена вопросам принуждения к попрошайничеству как одной из форм торговли людьми.

Ключевые слова: торговля людьми, эксплуатация, принуждение, принудительное попрошайничество.

В пункте 1) статьи 3 Уголовного кодекса Республики Казахстан, после внесенных изменений и дополнений от 5 июля 2024 г., разъясняется, что «под принуждением лица к занятию попрошайничеством понимается принуждение к совершению антиобщественного деяния, связанного с выпрашиванием у других лиц денег и (или) иного имущества» [1].

В настоящее время судебная практика Казахстана сталкивается с трудностями определения принуждения. Именно принуждение является объективным признаком при квалификации данного деяния как торговля людьми т.е. ст. 128 УК РК, хотя некоторые правоприменители относят действия по принуждению человека к попрошайничеству – незаконному лишению свободы человека (ст.126 УК РК).

Приведем некоторые определения понятия «принуждения»:

В Законе Республики Казахстан «О противодействии торговле людьми» от 5 июля 2024 года, торговля людьми – купля-продажа или совершение иных сделок в отношении лица, в том числе несовершеннолетнего, а равно его эксплуатация либо вербовка, перевозка, передача, укрывательство, получение, а также совершение иных деяний в целях эксплуатации, в том числе путем применения насилия или угрозы его **применения или иных способов при-**

нуждения, обмана или злоупотребления доверием, использования служебного **положения, материальной или иной зависимости** [2].

Конвенция о рабстве от 7 декабря 1953 года и Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов, и обычаев, сходных с рабством, от 7 сентября 1956 года – **под «лицом в подневольном состоянии» понимается лицо, находящееся в состоянии или положении, создавшемся в результате институтов или обычаев, упомянутых в статье 1 настоящей Конвенции** [3].

В нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 29 декабря 2012 года № 7 «О практике применения законодательства, устанавливающего ответственность за торговлю людьми» указано, что по пункту 8 части второй статьи 128, пункту 7 части второй статьи 135 УК ответственность за совершение торговли людьми наступает в случаях обмана или злоупотребления доверием потерпевшего. В результате этого потерпевший не предполагая, что виновный действует с умыслом на его продажу, совершение иных сделок и действий, направленных на его эксплуатацию, **оказывается в подневольном состоянии** [4].

В Законе Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года № 214-IV. «О профилактике бытового насилия», указано, что **психологическое насилие – умышленное воздействие на психику человека, унижение чести и достоинства посредством угроз, оскорблений, шантажа или принуждение (понууждение) к совершению правонарушений или деяний, представляющих опасность для жизни или здоровья, а также ведущих к нарушению психического, физического и личностного развития** [5].

Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006 года (ратифицирована Казахстаном в 2015 году), говорится, что Государства-участники обеспечивают, чтобы инвалиды не содержались в рабстве или в подневольном состоянии и были защищены наравне с другими от принудительного или обязательного труда. Государства-участники принимают все надлежащие законодательные, административные, социальные, просветительные и иные меры для защиты инвалидов как дома, так и вне его от всех форм эксплуатации,

насилия и надругательства, в том числе от тех их аспектов, которые имеют гендерную подоплеку. Государства-участники принимают эффективные законодательство и стратегии, в том числе ориентированные на женщин и детей, для обеспечения того, **чтобы случаи эксплуатации, насилия и надругательства в отношении инвалидов выявлялись, расследовались и в надлежащих случаях преследовались** [6].

В статье 3 Модельного закона государств-участников СНГ от 3 апреля 2008 года «О противодействии торговле людьми» определяются следующие основные понятия:

ПРИНУЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА – определяется Модельным законом как «физическое или психическое воздействие на другого человека с целью его побуждения вопреки или помимо его воли и согласия к совершению каких-либо действий или к отказу от их совершения в пользу принуждающего лица или иных лиц путем похищения или насильственного ограничения принуждаемого лица свободы, применения к нему физического, сексуального или психического насилия, либо иных угроз, шантажа, либо использования в указанных целях ядовитых, сильнодействующих или иных одурманивающих веществ, а равно посредством намеренного создания и (или) использования беспомощного состояния или уязвимого положения принуждаемого лица». Эта дефиниция основана на определении, приведенном в Рекомендации № R (2000) 11), где «принуждение» жертвы толкуется как способ торговли людьми означает заточение, избиение, изнасилование человека, применение к нему угроз, насилия, осуществляемых посредством злоупотребления виновным господствующим положением, стремлением добиться от лица сексуальных услуг, пользуясь его уязвимостью, связанной с непрочным или незаконным положением, экономической зависимостью, слабым здоровьем [7].

В практике Казахстана имеется определение беспомощного состояния, для примера используем нормативное постановление Верховного Суда «О квалификации некоторых преступлений против жизни и здоровья человека» от 11 мая 2007 года № 1 [8]:

- Убийство лица, которое в силу своего психического или физического состояния не имело возможности оказать преступнику

сопротивление и защитить себя от совершаемого в отношении него преступного посягательства. К таким лицам, в частности, могут быть отнесены малолетние, **престарелые и тяжелобольные лица, а также лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их возможности правильно воспринимать происходящее.**

- **Действия виновного (дача снотворного, алкогольных напитков или наркотических средств, связывание, нанесение ударов, причинение телесных повреждений, повлекших потерю сознания), совершенные в целях приведения потерпевшего в беспомощное состояние и облегчения осуществления умысла на его убийство являются частью объективной стороны данного преступления.**
- Под беспомощным состоянием следует понимать отсутствие у потерпевшей (потерпевшего) в силу своего физического или психического состояния возможности оказать сопротивление виновному (**малолетний, престарелый возраст, физические недостатки, расстройство душевной деятельности, другое болезненное либо бессознательное состояние и т.п.**), который, совершая изнасилование или иные насильственные действия сексуального характера, сознает, что потерпевшая (потерпевший) находится в таком состоянии.
- При наличии данных о применении виновным лекарств, наркотиков, сильнодействующих или ядовитых веществ для приведения потерпевших в беспомощное состояние, необходимо принимать меры к выяснению свойств примененных препаратов и характера их воздействия на организм человека путем назначения экспертизы, допроса специалистов и т.п. [9].

Статья 128 Уголовного кодекса РК имеет квалифицирующий признак – в отношении лица, заведомо для виновного, страдающего психическим расстройством или находящегося в беспомощном состоянии.

В своих научных трудах Чашников В.А., указывает, что – принудить это значит применить к лицу такое воздействие, которое подчиняет его волю и поведение к интересам государства и общества.

Все это делается с целью преобразования воли принуждаемого, т.е., для того, чтобы добиться строгого ее подчинения. Некоторые исследователи, в свою очередь, определяют такое воздействие как подавление либо говорят о насилии. На основе вышеизложенного, явно прослеживается тот факт, что понятия «принуждение» и «насилие» имеют разную смысловую нагрузку. На наш взгляд, насилие – это крайняя форма принуждения, в том числе государственного [10].

Пример из приговора суда Карагандинской области, где виновных осудили именно за торговлю людьми, где суд ссылается на понятия принуждение и эксплуатация, указанные выше.

Так, в январе 2015 года Б., находясь около торгового дома ЦУМ по адресу: г.Караганда, пр.Бухар-Жырау, 53/8, обнаружил ранее ему незнакомых лиц, занимающихся попрошайничеством в общественном месте и сообщил последним, что в дальнейшем они будут попрошайничать под его руководством и добытые денежные средства в полном объеме передавать ему, на что Л. и М. ответили отказом. Далее Б. нанес Л. телесные повреждения в виде неоднократных ударов кулаком руки по голове и телу последнего. Указанные телесные повреждения представляли опасность для жизни и здоровья Л., так как последний ввиду отсутствия у него верхних и нижних конечностей, а также в связи со слабоумием, учитывая уровень его психического развития, из-за которого он не мог понимать смысл совершаемых с ним действий, не мог оказать сопротивление, принять меры к самообороне и прекращению нанесения телесных повреждений [11].

Б. принудил Л. и М. передавать ему денежные средства, добытые в результате попрошайничества, в полном объеме, также сообщил, что у него имеются «покровители» в правоохранительных органах. Далее по тесту – угрожая применения насилия, опасного для жизни и здоровья в отношении Л., сообщил последнему о намерении ввести инъекцию, способную лишить Л. самостоятельного передвижения, в случае отказа выполнения последним требований Б., держа в руке нож, поднеся его к шее последнего, сообщил Л. о том, что отрежет ему ухо в случае отказа последним требований Б., заключающихся в ежедневном попрошайничестве, а также в случае употребления Л. и М. алкогольных напитков [12].

В результате совершенного преступления потерпевшей М. испытаны нравственные и физические страдания, выразившиеся в нарушении, умалении, лишении неимущественных благ, ее прав, испытаны унижение, раздражение, подавленность, гнев, стыд, отчаяние, физическая боль, ущербность, в течение длительного периода времени она подвергалась эксплуатации.

В результате данных деяний обвиняемый Б. признан виновным по ч.1 ст.262, п.1 ч.4 ст.128 УК и назначено наказание: – по ч.1 ст.262 УК – 9 (девять) лет лишения свободы – по п.1 ч.4 ст.128 УК – 13 (тринадцать) лет лишения свободы. На основании ч.3 ст.58 УК, по совокупности уголовных правонарушений, путем частичного сложения наказаний, Б. назначить наказание 15 (пятнадцать) лет лишения свободы [13].

В заключении необходимо отметить, что в настоящее время в Казахстане наблюдается тенденция организации попрошайничества без элемента принуждения, в этой связи предлагаем обратить внимание на законодательство Молдовы *статья 302. Организация попрошайничества*, 1) Организация попрошайничества с целью получения для себя или другого лица незаслуженных материальных благ, если это деяние не содержит признаков торговли людьми, (2) То же действие, совершенное: а) в отношении двух или более лиц; б) двумя или более лицами [14].

Таким образом, предлагается рассмотреть возможность введения в УК РК нормы, предусматривающей ответственность за организацию попрошайничества без наличия признаков принуждения либо торговли людьми.

Источники и литература:

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>;
2. Закон Республики Казахстан от 5 июля 2024 года № 110-VIII ЗРК «О противодействии торговли людьми» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000110>;
3. Конвенция о рабстве от 7 декабря 1953 года (О ратификации Конвенции о рабстве от 25 сентября 1926 года, Протокола о внесении изменений в Конвенцию о рабстве от 7 декабря

1953 года и Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, от 7 сентября 1956 года. Закон Республики Казахстан от 5 февраля 2008 года N 19-IV) <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000019>;

4. Нормативное Постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 декабря 2012 года № 7 <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P120000007S>;
5. Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года № 214-IV. «О профилактике бытового насилия» <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000214>;
6. Конвенция о правах инвалидов от 2006 года «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» Закон Республики Казахстан от 20 февраля 2015 года № 288-V ЗПК <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1500000288>;
7. Модельный Закон «О противодействии торговле людьми» https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=62947;
8. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 года N 1 «О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека»;
9. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 года N 1 «О квалификации некоторых уголовных правонарушений против жизни и здоровья человека»;
10. Чашников В.А. Уральский юридический институт МВД РФ, 2015 год: научная статья «О соотношении понятий принуждение и насилие» <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-prinuzhdenie-i-nasilie/viewer>;
11. Архив Карагандинского областного Суда, дело №3598-24-00-1/150 от 25 мая 2025 года;
12. Архив Карагандинского областного Суда, дело №3598-24-00-1/150 от 25 мая 2025 года;
13. Архив Карагандинского областного Суда, дело №3598-24-00-1/150 от 25 мая 2025 года;
14. Уголовный кодекс Молдовы https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

**Рахметов С.М. – доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института законодательства
и правовой информации, Республика Казахстан, г. Астана**

Освобождение от уголовной ответственности является одним из важных институтов уголовного права. Он отражает уровень гуманности уголовного законодательства. Правильное применение этого института способствует принципу справедливости в обществе. Но нельзя злоупотреблять этим институтом, делать его лазейкой для ухода от ответственности.

В уголовном кодексе Республики Казахстан (далее – УК) можно заметить, что имеет место чрезмерная увлеченность институтом освобождения от уголовной ответственности.

В Общей части УК предусмотрены 9 видов освобождения от уголовной ответственности. Должностное лицо правоохранительного или специального органа, а также судья могут прекратить производство по делу в связи с деятельным раскаянием (ст. 65 УК); при превышении пределов необходимой обороны (ст. 66 УК); при выполнении условий процессуального соглашения (ст. 67 УК); при выполнении условий процессуального соглашения о признании вины и возврате незаконно приобретенных активов (ст. 67-1 УК); в связи с примирением сторон (ст. 68 УК); в связи с изменением обстановки (ст. 70 УК); в связи с истечением срока давности (ст. 71 УК); на основании акта амнистии (ст. 78 УК); а также несовершеннолетних (ст. 83 УК). Причем по некоторым из них предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших не только уголовные проступки, преступления небольшой или средней тяжести. Часть 2 ст. 68 и ч.3 ст. 83 УК предусматривают возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших тяжкие преступления, статьи 65, 66, 67, ч. 1 ст. 70, ст. 71 предусматривают возможность

освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления.

Особое возражение вызывает редакция ст. 65 УК, абзац первый ч.1 которой предоставляет органам досудебного расследования и суду право освобождать от уголовной ответственности лицо, совершившее уголовный проступок либо впервые совершившее преступление, с учетом личности виновного, его явки с повинной, способствования им раскрытию, расследованию уголовного правонарушения, заглаживания им вреда, нанесенного уголовным правонарушением. Причем нет ограничения в применении этой нормы – она распространяется на лиц, совершивших преступление любой степени тяжести, в том числе особо тяжкие. Это значит, что лицо, впервые совершившее убийство в случае явки его с повинной, способствования им раскрытию, расследованию уголовного правонарушения, заглаживания им вреда, нанесенного уголовным правонарушением, имеет шанс быть освобожденным от уголовной ответственности, то есть избежать наказания с учетом личности виновного. А учет личности виновного – понятие оценочное, растяжимое. Для этого достаточно сослаться на то, что виновный работает или учится, имеет положительную характеристику, имеет на иждивении несовершеннолетних детей и т.п.

Другими словами, приведенная выше норма УК позволяет избежать уголовной ответственности и наказания лицу, совершившему даже особо тяжкое преступление, например, государственную измену, (ч.2 и ч.3 ст. 175 УК предусматривают наказания в виде лишения свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы), шпионаж (ст. 176 УК предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет либо пожизненное лишение свободы), незаконные изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта, пересылка либо сбыт наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, (ч.3 ст. 297 УК предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком на двадцать лет либо пожизненное лишение свободы).

Абзац второй ч.1 ст. 65 УК предоставляет суду право освобождать от уголовной ответственности лицо, впервые совершившее

коррупционное преступление, в связи с деятельным раскаянием. Причем эта норма позволяет суду освобождать от уголовной ответственности лиц, совершивших тяжкое или особо тяжкое коррупционное преступление, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до пятнадцати лет (например, по ч.4 ст. 366 УК). При этом добытое преступным путем имущество лица, освобожденного от уголовной ответственности, не подвергается конфискации, к нему не применяется наказание в виде пожизненного лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. То есть он может продолжать работу в той же должности, занимая которую совершил коррупционное преступление. В качестве примера использования абзаца второго ч.1 ст. 65 УК можно привести освобождение от уголовной ответственности экс-руководителя Хоргоса Василия Ни, который привлекался к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 366 УК за получение взятки в особо крупном размере в сумме 1 млн. долларов США, а также М.Сайдуллаевой за пособничество взяточничеству по тому же уголовному делу [1]. Уголовное дело в отношении указанных лиц было прекращено антикоррупционным ведомством. Следует отметить, что подобные примеры опасны нарастанием социальной напряженности потому, что подобные примеры вызывают возмущение среди населения.

Приведенное дополнение редакции ч.1 ст. 65 УК абзацем вторым внесено Законом Республики Казахстан от 27 декабря 2019 года «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности». Таким образом, указанное дополнение в УК обеспечивает не усиление защиты прав личности, а возможность ухода от ответственности и заслуженного наказания коррупционеров. В посланиях Президента нашей страны народу Казахстана также не говорилось о необходимости освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших коррупционные преступления, тем более тяжкие и особо тяжкие. В связи с этим возникает вопрос, кто предложил в ст. 65 УК дополнение такого содержания и почему Парламент допустил принятие указанного

выше Закона, противоречащего программным документам нашей страны об усилении борьбы с коррупцией.

Указанный закон, судя по его названию, должен быть направлен на защиту прав личности от преступных посягательств. На самом деле он противоречит интересам государства, нашего общества. В связи с этим предлагаем следующую редакцию ч.1 ст. 65 УК: «Лицо, совершившее уголовный проступок либо впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности с учетом личности виновного, его явки с повинной, способствования им раскрытию, расследованию уголовного правонарушения, заглаживания им вреда, нанесенного уголовным правонарушением.». На лиц, совершивших тяжкое или особо тяжкое преступление, не должна распространяться данная статья.

Абзац второй ч. 1 ст. 65 УК следует исключить, потому что эта норма противоречит Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года [2], Концепции антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2022 года [3], а также выступлениям Президента нашей страны о необходимости усиления борьбы с коррупцией.

Если сравнить редакцию ст. 65 с подобными статьями УК зарубежных стран, то можно заметить, в УК стран дальнего зарубежья вообще не существует институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. В УК стран ближнего зарубежья предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием лица, совершившего преступления небольшой или средней тяжести при наличии ряда других оснований. Например, согласно ст. 75 УК Российской Федерации лицо может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, если:

- оно совершило преступление небольшой или средней тяжести впервые,
- после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления;

- возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным. Причем для освобождения от уголовной ответственности требуется наличие всех трех приведенных выше оснований [4].

Статья 88 УК Республики Беларусь предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием лица, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое (средней тяжести) преступление, если оно после совершения преступления добровольно явилось с повинной или активно способствовало выявлению и (или) раскрытию преступления, возместило причиненный преступлением ущерб (вред), возвратило неосновательное обогащение и (или) уплатило доход, полученный преступным путем, и внесло на депозитный счет органа, ведущего уголовный процесс, уголовно-правовую компенсацию в размере пятидесяти процентов причиненного преступлением ущерба (вреда), но не менее пятнадцати базовых величин[5].

Согласно ч.1 ст. 67 УК лицо, выполнившее все условия процессуального соглашения, может быть освобождено от уголовной ответственности. В соответствии с ч.1 ст. 612 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее-УПК) расследование уголовных дел в рамках заключенного процессуального соглашения производится:

1) в форме сделки о признании вины – по преступлениям небольшой, средней тяжести либо тяжким преступлениям – в случае согласия подозреваемого, обвиняемого с подозрением, обвинением;

2) в форме соглашения о сотрудничестве – по всем категориям преступлений при способствовании раскрытию и расследованию преступлений, совершенных преступной группой, особо тяжких преступлений, совершенных иными лицами, а также экстремистских и террористических преступлений;

3) в форме соглашения о признании вины и возврате незаконно приобретенных активов по преступлениям небольшой, средней тяжести либо тяжким преступлениям, предусмотренным Уголовным кодексом Республики Казахстан.

В статьях 612, 617 УПК не предусмотрено освобождение лица от уголовной ответственности при выполнении им условий процессуального соглашения в форме сделки о признании вины. Наоборот, согласно УПК, главным условием заключения процессуального соглашения в форме сделки о признании вины является вынесение обвинительного приговора с назначением определенного вида и размера наказания (ст. ст. 614, 617, 626 УПК).

В нормах УПК также не предусмотрено освобождение от уголовной ответственности при заключении процессуального соглашения о признании вины и возврате незаконно приобретенных активов. Например, в ст. 617-2 УПК указано, что последствиями заключения процессуального соглашения о признании вины и возврате незаконно приобретенных активов являются:

1) завершение досудебного расследования в сроки, установленные статьей 192 УПК;

2) проведение судебного разбирательства дела, по которому заключено процессуальное соглашение о признании вины и возврате незаконно приобретенных активов.

В соответствии с п. 2) ч.1 ст. 612 УПК процессуальное соглашение о сотрудничестве в форме соглашения о сотрудничестве может заключаться по всем категориям преступлений при способствовании раскрытию и расследованию преступлений, совершенных преступной группой, особо тяжких преступлений, совершенных иными лицами, а также экстремистских и террористических преступлений. Лицо признается выполнившим все условия процессуального соглашения, если его действия по способствованию раскрытию и расследованию преступлений, совершенных преступной группой, особо тяжких преступлений, совершенных иными лицами, а также экстремистских и террористических преступлений доведены до рассмотрения уголовного дела в суде, вынесения приговора и вступления этого приговора в законную силу. Поэтому нельзя признать правильным освобождение от уголовной ответственности в ходе досудебного расследования лица, давшего признательные показания или изобличающие другое лицо показания, указавшего место хранения орудия преступления и других вещественных доказательств, так как при рассмотрении дела в суде эти доказательства могут быть признаны недостоверными.

Действия по способствованию раскрытию и расследованию преступлений, совершенных преступной группой, особо тяжких преступлений, совершенных иными лицами, а также экстремистских и террористических преступлений могут быть признаны оконченными в случае, если эти действия используются судом при рассмотрении уголовного дела и суд вынесет приговор о виновности лица, в отношении которого были предоставлены доказательства.

В связи с этим освобождение от уголовной ответственности лица, выполнившего все условия процессуального соглашения, в ходе досудебного расследования является преждевременным, если уголовное дело, по которому это лицо выполнило все условия процессуального соглашения, не рассмотрено в суде и приговор в отношении лиц, виновных в совершении этих преступлений, не вступил в законную силу. Указанному лицу в соответствии с ч. 4 ст. 73 УК предусмотрена возможность сократить срок назначенного судом наказания. В связи с изложенным следует исключить из УК ст. 67, так как при условии выполнения всех условий процессуального соглашения имеется, кроме указанной статьи в УК, достаточно других поощрительных норм. В частности, ч.4 ст. 55, ч.1 и ч.3 ст. 72, ч. 4 ст. 73 УК.

Следует отметить, что выполнение условий процессуального соглашения охватывается понятием деятельного раскаяния. Поэтому статьи 67 и 67-1 дублируют ст. 65 УК.

Редакция ст. 66 УК изначально была неудачной, потому что ее сложно применять в связи с использованием оценочных понятий. Указанные понятия не относятся к числу правовых. В то же время основанием для применения ст. 66 УК является установление этих обстоятельств. Опасность данной статьи в том, что любое общественно опасное посягательство при необходимой обороне сопровождается «страхом», «испугом», «замешательством», поэтому наличие ст. 66 в УК препятствует возможности применения статей 102 (убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны), 112 (причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны), так как при совершении этих преступлений всегда можно сослаться на то, что у виновного имели место страх, испуг или замешательство и никакая

экспертиза не сможет опровергнуть доводы лица, совершившего указанные преступления. А всякое сомнение, согласно конституционному принципу, толкуется в пользу лица, совершившего уголовное правонарушение.

Кроме названных выше видов освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Общей части УК, в примечаниях к 43 статьям Особенной части УК предусмотрены так называемые специальные виды освобождения от уголовной ответственности. Они охватывают 104 составов преступлений, в том числе 12 составов преступлений небольшой тяжести, 15 составов преступлений средней тяжести, 37 состава тяжких преступлений, 27 составов особо тяжких преступлений. Таким образом, в примечаниях к статьям Особенной части УК предусмотрено применение освобождения от уголовной ответственности преимущественно к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления (59,6%). Это негативно отражается на уровне защищенности наших граждан от преступных посягательств, так как далеко не все освобожденные от уголовной ответственности правильно оценивают гуманный акт, продолжая совершать новые уголовные правонарушения.

Приведенные выше данные позволяют делать вывод о том, что по действующему уголовному законодательству Республики Казахстан у правоприменителя возможности для освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего уголовное правонарушение обширны.

Наличием множества норм об освобождении от уголовной ответственности объясняется большое число лиц, в отношении которых уголовные дела прекращаются в процессе досудебного расследования, после окончания досудебного расследования и в суде. В частности, в 2020 году органами досудебного расследования было освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям лиц, совершивших 37701 уголовное правонарушение, по реабилитирующим основаниям лиц, совершивших 78939 уголовных правонарушений; всего – по 116640 уголовным правонарушениям [6], осужден 28551 человек [7] (уголовные правонарушения, по которым производство прекращено, в 4 раза

больше, чем число уголовных правонарушений, за совершение которых виновные осуждены).

В 2021 году органами досудебного расследования было освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям – лиц, совершивших 30491 уголовное правонарушение, по реабилитирующим основаниям лиц, совершивших 72612 уголовных правонарушения; всего – по 103103 уголовным правонарушениям [8], осужден 28746 человек [9] (уголовные правонарушения, по которым производство прекращено, в 3,5 раза больше, чем число уголовных правонарушений, за совершение которых виновные осуждены).

В 2022 году органами досудебного расследования было освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям лиц, совершивших 28432 уголовных правонарушения, по реабилитирующим основаниям – лиц, совершивших 68557 уголовных правонарушения; всего – по 96989 уголовным правонарушениям [10], осужден 27061 человек [11] (уголовные правонарушения, по которым производство прекращено, в 3,6 раза больше, чем число уголовных правонарушений, за совершение которых виновные осуждены).

В 2023 году органами досудебного расследования было освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям лиц, совершивших 23816 уголовных правонарушений, по реабилитирующим основаниям – лиц, совершивших 66565 уголовных правонарушения; всего – по 90381 уголовному правонарушению [12], осужден 29248 человек [13] (уголовные правонарушения, по которым производство прекращено, в 3,1 раза больше, чем число уголовных правонарушений, за совершение которых виновные осуждены).

В 2024 году органами досудебного расследования было освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям лиц, совершивших 24546 уголовных правонарушения, по реабилитирующим основаниям – лиц, совершивших 67634 уголовных правонарушения; всего – по 92180 уголовным правонарушениям [14], осужден 30646 человек [15] (уголовные правонарушения, по которым производство прекращено, в 3 раза больше,

чем число уголовных правонарушений, за совершение которых виновные осуждены).

Из приведенных данных видно, что в нашей стране сложилась такая правоприменительная практика, в соответствии с которой количество уголовных правонарушений, по которым виновные освобождаются от уголовной ответственности, в 3-4 раза больше, чем количество уголовных правонарушений, за совершение которых виновным вынесен обвинительный приговор. Напрашивается вывод о том, что в результате массового освобождения от уголовной ответственности уровень защищенности жителей нашей страны от преступных посягательств снижается, что подтверждается ростом числа регистрируемых тяжких и особо тяжких преступлений. Например, в 2015 году в Республике Казахстан было зарегистрировано 30897 тяжких и особо тяжких преступлений [16]; в 2020 году – 44002 тяжких и особо тяжких преступлений [6], в 2022 году – 46347 тяжких и особо тяжких преступлений [10], в 2023 году – 40141 тяжкое и особо тяжкое преступление [12], в 2024 году – 39814 тяжких и особо тяжких преступлений [14].

Выявлено лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, в 2015 году – 14179, что составляет 45,9% от числа зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений [16]. В 2020 году выявлено 17762 человека, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, что составляет 40,4% от числа зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений [17]. В 2022 году выявлено 18114 человека, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, что составляет 38,1% от числа зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений [18]. В 2023 году выявлено 17097 человек, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, что составляет 42,6% от числа зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений [19]. В 2024 году выявлено 17167 человек, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, что составляет 43,1% от числа зарегистрированных тяжких и особо тяжких преступлений [20].

Таким образом, в нашей стране наблюдается рост числа регистрируемых тяжких и особо тяжких преступлений (по сравнению с 2015 годом рост составил 22,4%). Освобождение от уголовной

ответственности при выполнении условий процессуального соглашения направлено на рост числа раскрываемости тяжких особо тяжких преступлений. Но судя по статистическим данным, из года в год снижается процент раскрываемости указанных преступлений (по сравнению с 2015 годом раскрываемость снизилась на 2,8%). Получается, что освобождение от уголовной ответственности при выполнении условий процессуального соглашения не выполняет поставленную перед ним задачу, нет никакой пользы от использования указанного вида освобождения от уголовной ответственности.

Поскольку Уголовно-процессуальным кодексом Республики Казахстан не предусмотрено освобождение от уголовной ответственности в процессе досудебного расследования, напрашивается вывод о необходимости отказаться от этого бесполезного вида освобождения от уголовной ответственности, то есть исключить из УК статьи 67 и 67-1.

Следует также отметить, что в настоящее время органы досудебного расследования больше занимаются прекращением производства по делу, чем доведением дела до окончания и направления в суд. Да и прокуроры прекращают немало оконченных производством дел. Например, в 2020 году было окончено производство по делам в отношении 92819 уголовных правонарушений, направлены прокурорами в суд уголовные дела по 55118 уголовным правонарушениям, что составляет лишь 59,4% от числа оконченных [6]. Из числа направленных в суд прекращены уголовные дела по 38886 уголовным правонарушениям [7].

В 2021 году было окончено производство по делам в отношении 79598 уголовных правонарушений, направлены прокурорами в суд уголовные дела по 49107 уголовным правонарушениям, что составляет 61,7% от числа оконченных [8]. Из числа направленных в суд прекращены уголовные дела по 24506 уголовным правонарушениям [9].

В 2022 году было окончено производство по делам в отношении 77115 уголовных правонарушений, направлены прокурорами в суд уголовные дела по 48683 уголовным правонарушениям, что составляет 63,1% от числа оконченных [10]. Из числа направлен-

ных в суд прекращены уголовные дела по 31325 уголовным правонарушениям [11].

В 2023 году было окончено производство по делам в отношении 71399 уголовных правонарушений, направлены прокурорами в суд уголовные дела по 32718 уголовным правонарушениям, что составляет 48,8% от числа оконченных [12]. Из числа направленных в суд прекращены уголовные дела по 24506 уголовным правонарушениям [13].

В 2024 году было окончено производство по делам в отношении 75844 уголовных правонарушений, направлены прокурорами в суд уголовные дела по 35380 уголовным правонарушениям, что составляет 46,6% от числа оконченных [14]. Из числа направленных в суд прекращены уголовные дела по 25179 уголовным правонарушениям [15].

В целом по поводу уголовного законодательства нашей страны уместен вопрос: кому выгодно применение многочисленных видов освобождения от уголовной ответственности? Ведь от этого нарушается важный принцип уголовного права и уголовной политики – принцип неотвратимости ответственности и наказания, что препятствует повышению эффективности противодействия преступности.

Возникает и другой вопрос: на досудебное расследование каждого уголовного дела тратится немало денежных средств из бюджета страны. Ежегодно десятки тысяч уголовных дел прекращаются органами прокуратуры. Органы прокуратуры должны осуществлять надзор над тем, чтобы органы досудебного расследования выполняли свою функцию качественно. На деле получается, что они вместо выполнения надзорной функции потворствуют массовому прекращению уголовных дел, по которым окончено досудебное расследование, сами прекращают производство по многим оконченным делам. Разве в этом заключается надзорная функция органов прокуратуры?

Создается впечатление, что правоохранительные органы возбуждают уголовные дела, проводят досудебное расследование, но не заинтересованы направлять расследованные дела в суд, а потому по большинству дел производство прекращается.

Например, в 2024 году в Республике Казахстан было зарегистрировано 132778 уголовных правонарушений. Выявлено 60559 лиц, совершивших указанные правонарушения (45,6%) Окончено досудебное расследование по 75844 уголовным правонарушениям; направлены в суд уголовные дела по 51298 уголовным правонарушениям, осуждено 30646 человека, то есть только по одному из каждых 4 зарегистрированных уголовных правонарушений виновные осуждены и им назначено наказание [14;15]. Такая искаженная практика применения уголовного законодательства, связанная с чрезмерным количеством ежегодно прекращаемых уголовных дел непосредственно связана с наличием норм УК, предоставляющих правоохранительным, специальным органам и судам большие полномочия по прекращению уголовных дел.

Анализ указанных видов освобождения от уголовной ответственности свидетельствует о том, что в УК нашей страны чрезмерно много видов освобождения от уголовной ответственности, что негативно отражается на соблюдении законных прав и степени защищенности лиц, пострадавших от совершения уголовных правонарушений. Их число следует сократить. Например, необходимо исключить из УК статьи 66 УК (освобождение от уголовной ответственности при превышении пределов необходимой обороны); ст. 67 УК (освобождение от уголовной ответственности при выполнении условий процессуального соглашения).

По сути, нормами УПК и УК, регулируемыми институт прекращения уголовного дела, предоставляется карт-бланш для правоприменителя, который может использовать такую свободу в корыстных целях.

Чрезмерно большим количеством видов освобождения от уголовной ответственности связано наличие коррупциогенных факторов, которые имеют место в нормах УК, регулирующих институты освобождения от уголовной ответственности.

Выводы:

1. Задачи УК перечислены в ст. 2 УК. Нормы УК должны быть ролью основного орудия борьбы с преступностью. Но некоторые нормы УК не только направлены на борьбу с преступностью, но

и способствуют совершению коррупционных преступлений, являются одной из причин их роста. В литературе их называют коррупционными нормами. К ним относятся нормы УК, предусматривающие чрезвычайно большое количество видов освобождения от уголовной ответственности.

2. Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что органы досудебного расследования и суды чрезмерно часто освобождают лиц, совершивших уголовные правонарушения, от уголовной ответственности, применяя нормы УК об освобождении от уголовной ответственности. Это нарушает принцип неотвратимости ответственности и наказания. Поэтому предлагается сократить число норм УК, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности.

3. Необходимо:

- пересмотреть нормы УК об освобождении от уголовной ответственности, исключив дублирующие нормы;
- исключить из норм УК возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления.

4. Предлагается новая редакция части 1 ст. 65 УК: «Лицо, совершившее уголовный проступок либо впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности с учетом личности виновного, его явки с повинной, способствования им раскрытию, расследованию уголовного правонарушения, заглаживания им вреда, нанесенного уголовным правонарушением.».

5. Следует исключить второй абзац части 1 ст. 65 УК.

6. Освобождение от уголовной ответственности при превышении пределов необходимой обороны является коррупционным в связи с использованием в редакции ст. 66 УК оценочных понятий, которые позволяют избежать ответственности при совершении некоторых преступлений против личности. Например, убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны (ст. 102 УК), причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны (ст. 112 УК).

7. Освобождение от уголовной ответственности при превышении пределов необходимой обороны, предусмотренное ст. 66 УК показало свою неэффективность (в Республике Казахстан эта статья за 10 лет не применялась).

7. Освобождение от уголовной ответственности при выполнении условий процессуального соглашения, предусмотренное ст. 67 и 67-1 УК, дублирует ст. 65 УК. Поэтому следует исключить из УК виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные статьями 66, 67 (в связи с наличием в них коррупциогенных факторов. Ряд норм УК (ст. 55, ч.3 ст. 73 УК, примечания к статьям Особенной части УК) предусматривают смягчение ответственности и наказания при выполнении условий процессуального соглашения. Применение их достаточно к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления при выполнении условий процессуального соглашения.

8. Прекращенные уголовные дела, а также отказные материалы должны систематически подвергаться анализу с целью выявления нарушений законности при освобождении лица от уголовной ответственности. Результаты анализа должны помещаться на сайтах правоохранительных органов. Данное предложение связано с недостаточной эффективностью прокурорского надзора за законностью прекращения уголовных дел, отказов в регистрации уголовных правонарушений, которые нередко бывают необоснованными. Чтобы был объективным, такой анализ должны проводить независимые эксперты.

Реализация указанных выше предложений будет способствовать установлению законности освобождения лица, совершившего уголовное правонарушение (в особенности тяжкое и особо тяжкое), от уголовной ответственности, сокращению числа нарушений законности при освобождении лица от уголовной ответственности.

Список использованных источников:

1. Понять и простить. В Казахстане перестали сажать за взятки? URL: https://total.kz/ru/news/obsh_chestvo_sobitiya/ponyat_i_prostit_v_kazahstane_perestali_sajat_za_vzyatki (дата обращения: 17.11.2023 г.).

2. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674> (дата обращения: 10.10.2023 г.).
3. Концепция антикоррупционной политики Республики Казахстан на 2022-2026 годы, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 2 февраля 2022 года. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000802> (дата обращения: 10.10.2023 г.).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: [file:///F:/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5%D0%A3%D0%9A,%D0%A3%D0%9F%D0%9A,%D0%A3%D0%98%D0%9A%20%D0%B8%20%D0%9A%D0%BE%D0%90%D0%9F,%20%D0%A3%D0%9A%20%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D1%82%20%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%BD/%D0%A3%D0%9A%20%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD/%D0%A3%D0%9A%20%D0%A0%D0%A4%20-%202024/%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20\(%D1%81%20%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%BC%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%2030%20%D0%BD%D0%BE%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F%202024%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0\).html](file:///F:/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B5%D0%A3%D0%9A,%D0%A3%D0%9F%D0%9A,%D0%A3%D0%98%D0%9A%20%D0%B8%20%D0%9A%D0%BE%D0%90%D0%9F,%20%D0%A3%D0%9A%20%D0%BD%D0%B5%D0%BA%D0%BE%D1%82%20%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%BD/%D0%A3%D0%9A%20%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D1%85%20%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD/%D0%A3%D0%9A%20%D0%A0%D0%A4%20-%202024/%D0%A3%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8%20(%D1%81%20%D0%B8%D0%B7%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%BC%D0%B8%20%D0%BD%D0%B0%2030%20%D0%BD%D0%BE%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8F%202024%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0).html) (дата обращения: 13.06.2025 г.).
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=3862;-30#pos=3862;-30 (дата обращения: 13.06.2025 г.).

6. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» за 12 месяцев 2020 года.
7. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Форма №10. О числе лиц, в отношении которых вынесены судебные акты (за 12 месяцев 2020 года).
8. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» за 12 месяцев 2021 года.
9. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Форма №10. О числе лиц, в отношении которых вынесены судебные акты (за 12 месяцев 2021 года).
10. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» за 12 месяцев 2022 года.
11. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Форма №10. О числе лиц, в отношении которых вынесены судебные акты (за 12 месяцев 2022 года).
12. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» за 12 месяцев 2023 года.
13. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Форма №10. О числе лиц, в отношении которых вынесены судебные акты (за 12 месяцев 2023 года).
14. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» за 12 месяцев 2024 года.

15. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Форма №10. О числе лиц, в отношении которых вынесены судебные акты (за 12 месяцев 2024 года).
16. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Раздел 6. Сведения о лицах, совершивших правонарушения за 12 месяцев 2015 года.
17. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Раздел 6. Сведения о лицах, совершивших правонарушения за 12 месяцев 2020 года.
18. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Раздел 6. Сведения о лицах, совершивших правонарушения за 12 месяцев 2022 года.
19. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Раздел 6. Сведения о лицах, совершивших правонарушения за 12 месяцев 2023 года.
20. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры РК. Раздел 6. Сведения о лицах, совершивших правонарушения за 12 месяцев 2024 года.

ДЕВЯТАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ ПЕРЕПИСЬ ОСУЖДЕННЫХ 2022 ГОДА: НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ В РОССИИ

**Селиверстов В.И. – Заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры
уголовного права и криминологии юридического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор кафедры
уголовно-правовых дисциплин Института международного
права и правосудия Московского государственного
лингвистического университета, г. Москва**

История. Проведение специальных переписей осужденных имеет почти вековую ретроспективу, причем она на протяжении почти 70 лет является общей для России и Казахстана. Но начиналось все в России. В конце 1926 года, одновременно с Всесоюзной переписью населения от 17 декабря 1926 года, по инициативе и под научным руководством известного советского ученого-пенитенциариста, профессора кафедры уголовного права 1-го Московского университета Евсея Густавовича Ширвиндта была проведена первая специальная перепись осужденных. Она проводилась на основе статистических карточек, заполненных на осужденных, сотрудниками Государственного института по изучению преступности и личности преступника. Одной из особенностей организации проведения первой в истории нашей страны переписи осужденных явилось то, что профессор Е.Г. Ширвиндт кроме научного осуществлял административное руководство данным проектом, поскольку возглавлял в тот период времени Главное управление местами заключения РСФСР и Государственный институт по изучению преступности и личности преступника. По результатам первой переписи был подготовлен и издан коллективный труд под названием «Современная преступность в РСФСР».

Через сорок лет идея изучения личности осужденных с помощью специальной переписи получила свое второе рождение. Конец 60-х годов прошлого столетия стал знаковым для развития исправительно-трудовой системы СССР. С образованием в 1968

году МВД СССР были преобразованы учебные и научно-исследовательские учреждения, в частности открыта Рязанская высшая школа МВД СССР – предшественница действующей в настоящее время Академии ФСИН России. Научно-исследовательский институт милиции МВД СССР был преобразован во Всесоюзный научно-исследовательский институт (ВНИИ) МВД СССР, в рамках которого открылась научно-исследовательская лаборатория по изучению правовых, экономических, оперативно-розыскные и психолого-педагогических проблем исполнения уголовных наказаний¹. Потребовались отвечающие потребностям того времени новые научные исследования. В их числе в политико-директивном органе власти того периода (ЦК КПСС) получил одобрение проект возобновления специальных переписей осужденных, которые должны были охватить осужденных во всех союзных республиках, входящих в СССР, включая и Казахстан.

Возобновление переписи – в немалой степени заслуга известного ученого, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Александра Соломоновича Михлина², который в то время работал в пенитенциарной лаборатории №5 ВНИИ МВД СССР. В 1970 году по его инициативе и под его непосредственным руководством была проведена вторая специальная перепись осужденных к лишению свободы. Методология и методика ее проведения, а также итоги, нашли отражение в ряде изданий³, а также были проанализированы А.С. Михлиным в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Личность осужденных к лишению свободы и проблемы их исправления и перевоспитания», успешно защищенной в 1974 году в диссертационном совете ВНИИ МВД СССР.

В 1975, в 1979, в 1989 годах под руководством А.С. Михлина были проведены третья, четвертая и пятая специальные переписи

¹ Реент Ю.А. История уголовно-исполнительной системы и органов юстиции России. Учебник. Изд. третье, испр. и перераб. М., Проспект, 2022. С. 284.

² О творческом пути профессора А.С. Михлина см.: Селиверстов В.И. Роль профессора Александра Соломоновича Михлина в развитии науки уголовно-исполнительного права. Уголовно-исполнительное право. 2020, т.15, №1 с. 22-28

³ Михлин А.С. Роль социальных и демографических свойств в исправлении и перевоспитании осужденных к лишению свободы. М., ВНИИ МВД СССР, 1970; Журавлев М.П., Михлин А.С. Общая характеристика осужденных к лишению свободы. М., ВНИИ МВД СССР, 1972.

осужденных в исправительных учреждениях СССР, а после распада СССР в 1994 и 1999 годах – шестая и седьмая переписи в исправительных учреждениях России⁴. После ухода из жизни профессора А.С. Михлина очередная восьмая перепись была проведена с 12 по 19 ноября 2009 года под общим руководством директора ФСИН России, заслуженного юриста РФ Ю.И. Калинина и научным руководством автора настоящей статьи⁵.

Следует отметить, что у профессора А.С. Михлина остались в Казахстане ученики и последователи. Это, доктора юридических наук, профессоры Р.Е. Джансараева, К.Ж. Балтабаев, А.Б. Скаков, Д.С. Чукмаитов и другие.

Девятая специальная перепись осужденных. Путем специальной переписи исследовалась социально-демографическая, уголовно-правовая и уголовно-исполнительная характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы и принудительные работы, а также лиц, находящихся под стражей. Организационно-научная составляющая проведения переписи обеспечивалась научно-исследовательскими учреждениями и коллективами. В специальной переписи 2022 года в качестве таковых выступали НИИ ФСИН России, НИИ информационных технологий ФСИН России и Научно-образовательный центр «Проблемы уголовно-исполнительного права» имени Ю.М. Ткачевского Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Как и в прошлых исследованиях, информация собиралась с помощью переписных листов, заполняемых на каждого подпадающего под перепись осужденного и лицо, содержащихся под стражей. Например, в переписном листе осужденного, отбывающего лишение свободы, 82 позиции, каждая из которых содержит от 3 до 12 подпозиций, на которые администрацией исправительных учреждений была представлена соответствующая информация. Только по трем позициям разрешается использовать информацию, предоставленную осужденными. Распространение цифровых тех-

⁴ Характеристика осужденных к лишению свободы. По материалам специальной переписи 1999 года. В 2-х томах / Под ред. А.С. Михлина. – М., Юриспруденция, 2001.

⁵ Осужденные и содержащиеся под стражей в России: по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12-18 ноября 2009 г.// Под общей ред. Ю.И. Калинина. Под науч. ред. В.И. Селиверстова. М., Юриспруденция, 2012.

нологий позволило отказаться от традиционного для других переписей заполнения бумажного переписного листа на осужденного или лицо, содержащееся под стражей. Все сведения в электронном виде были внесены непосредственно в компьютерную программу, специально разработанную для ее заполнения и последующего анализа полученных результатов.

Данные, характеризующие осужденных, отбывающих лишение свободы, были внесены в компьютерную программу в следующих пропорциях:

1. На всех осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях;
2. На всех осужденных, отбывающих уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы;
3. На всех осужденных, отбывающих наказание в тюрьмах;
4. На каждую вторую (кроме женщин, отбывающих наказание в воспитательных колониях) осужденную женщину, отбывающую лишение свободы;
5. На каждого пятого (кроме мужчин, отбывающих наказание в воспитательных колониях и тюрьмах, а также отбывающих пожизненное лишение свободы) осужденного мужчину, отбывающего лишение свободы.

В отношении принудительных работ характеризующие данные были внесены на каждого осужденного, отбывающего этот вид уголовного наказания. Лица, отбывающие принудительные работы, впервые стали объектом изучения их личности с помощью специальной переписи.

Лица, содержащиеся под стражей, попали под специальную перепись 2022 года в следующих пропорциях: все несовершеннолетние, каждая вторая женщина (кроме несовершеннолетних), каждый пятый мужчина (кроме несовершеннолетних). Все это позволило обеспечить необходимую репрезентативность исследования.

Для обобщения и интерпретации полученных в результате специальной переписи результатов было образовано двадцать авторских коллективов, которые включали в себя ведущих ученых образовательных и научно-исследовательских организаций: Московского государственного университета имени

М.В. Ломоносова, Томского национального государственного исследовательского университета, Санкт-Петербургского университета ФСИН России, Московского государственного лингвистического университета, Московского государственного университета имени О.Е. Кутафина, Академии ФСИН России, Научно-исследовательского института ФСИН России. Самарского юридического института ФСИН России и других учреждений. По результатам работы подготовлены двадцать монографических работ, характеризующих различные категории осужденных и лиц, содержащихся под стражей в России.

Так, ряд изданий переписи 2022 года посвящены характеристике осужденных, отбывающих наказание в различных видах исправительных учреждений, а именно: в колониях-поселениях; в воспитательных колониях; в исправительных колониях общего режима; в исправительных колониях строгого режима; в исправительных колониях особого режима; в тюрьмах.

Не остались без внимания характеристики осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, осужденных-инвалидах, рецидивистах, положительно, нейтрально и отрицательно характеризующихся осужденных, а также злостных нарушителей режима.

Подверглись анализу и обобщению характеристики осужденных, совершивших насильственные преступления против личности, преступления против собственности, в сфере незаконного оборота наркотиков, а также осужденных за преступления, совершенные в сфере экономической деятельности, за должностные (коррупционные) преступления. На основе полученных результатов переписи подготовлена монографическая работа о выполнении Россией международных стандартов обращения с осужденными.

Отдельный блок аналитических материалов составила характеристика женщин, отбывающих лишение свободы, которая дается в сравнении с характеристикой осужденных мужчин.

Впервые проанализирована характеристика лиц, отбывающих в исправительных центрах такой вид уголовного наказания, как принудительные работы. При этом анализ проведен дифференцированно в отношении осужденных к принудительным работам по приговору суда и осужденных, которым в результате досрочного

освобождения из мест лишения свободы последнее было заменено другим более мягким наказанием – принудительными работами.

Следует отметить то, что методика обобщения материалов специальной переписи предполагает исследование не только статистики, но и динамики изменения характеристики осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Для этого многие показатели переписи 2022 года сопоставлены с показателями переписей 2009 и 1999 годов, что позволило выявить текущие и долговременные тенденции в изменении личности осужденных.

Результаты Девятой специальной переписи опубликованы издательством «Проспект» в 2024 году в виде двадцати отдельных монографических работ и в 2025 году в виде двухтомника, посвященного 270-летию Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова⁶.

Перспективы. Вопрос о перспективах дальнейшего использования социологического метода изучения личности осужденных в виде проведения специальных переписей значим не только для России, но и правовых систем других государств. Так, методику проведения Девятой специальной переписи запросила и получила служба исполнения наказаний Кыргызстана, на ранних стадиях проявляли к ней интерес и в Казахстане.

Во-первых, многое будет определять развитие цифровых технологий в странах. То, что такому развитию нет альтернативы, не вызывает сомнений. Однако возможности цифровой характеристики личности осужденных имеют определенный предел, который обусловлен потребностями практики исполнения наказаний и функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы. Наука может предлагать новые пути решения возникающих проблем, для чего будет требоваться информация, отсутствующая в имеющихся цифровых сервисах и банках данных.

Во-вторых, цифровые массивы – это только количественные показатели, характеризующие осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Необходима их интерпретация как в статике, так и

⁶ См.: Осужденные и содержащиеся под стражей в России (по материалам девятой специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года). Монография. В 2-х томах. Т.1 и Т.2/ под науч. ред. В.И. Селиверстова. Москва: Проспект, 2025.

в динамике. Такую интерпретацию на основе довольно большого массива данных может осуществить лишь научный коллектив, профессионально занимающихся проблемами криминологии, уголовного и уголовно-исполнительного права. Лишь в долгосрочной перспективе может быть реализована надежда на то, что такой анализ будет осуществлен с помощью активно внедряемого в современные реалии искусственного интеллекта.

Выводы.

Специальные переписи осужденных являются важным источником получения информации о процессах, происходящих при исполнении уголовных наказаний и содержании под стражей. Важно не игнорировать полученную информацию, а использовать ее при принятии решений по изменению уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства государства.

Результаты проведенной в 2022 году в Российской Федерации специальной переписи осужденных, отбывающих лишение свободы, принудительные работы, а также лиц, содержащихся под стражей, введены в научный оборот. Они во многом на перспективу определяют направления и содержание научных исследований в области исполнения уголовных наказаний. Они будут значимы не только для России, но и для государств, имеющих с Россией схожую правовую систему, включая и Казахстан⁷.

⁷ Селиверстов В.И., Зубкова В.И. Прогрессивные системы исполнения (отбывания) уголовного наказания в виде лишения свободы в России и Казахстане: грозит ли им кризис// В сборнике 10-летия практика реализации уголовной политики Республики Казахстан в свете действующих УК, УИК, УПК (итоги, проблемы, перспективы), Издательство Университет "Туран" (Казахстан), 2025. С. 7-14

ЭКОНОМИКАЛЫҚ КОНТРАБАНДАҒА ҚАРСЫ ІС-ҚИМЫЛДЫҢ ҚЫЛМЫСТЫҚ-ҚҰҚЫҚТЫҚ ТЕТІГІН ЖЕТІЛДІРУ

Ж.Д. Сеилханов

Астана халықаралық университеті, Астана, Қазақстан

Аннотация: Мақалада Қазақстан Республикасындағы экономикалық контрабандаға қарсы іс-қимыл саласындағы қылмыстық-құқықтық реттеудің өзекті мәселелері қарастырылады. Автор қолданыстағы заңнамадағы олқылықтар мен кемшіліктерді анықтай отырып, Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 234-бабының ережелеріне талдау жасайды. Қылмыстық саясаттың тиімділігін қамтамасыз ету үшін маңызды болып табылатын қылмыс құрамын саралау және санаттарға бөлу мәселелеріне ерекше назар аударылады. Экономикалық контрабанданың жоғары қоғамдық қауіптілігіне байланысты құқықтық нормаларды нақтылауға және қылмыстың осы түріне қарсы күрестің тиімділігін арттыруға бағытталған заңнамаға өзгерістер енгізу қажеттілігі негізделген.

Кілт сөздер: экономикалық контрабанда, қылмыстық құқық, ұлттық қауіпсіздік, санкциялар, еуразиялық экономикалық одақ, кедендік құқық бұзушылық, экономикалық қауіпсіздік.

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правового регулирования в сфере противодействия экономической контрабанде в Республике Казахстан. Автор осуществляет анализ положений статьи 234 Уголовного кодекса Республики Казахстан, выявляя пробелы и недостатки в действующем законодательстве. Особое внимание уделяется вопросам квалификации и категоризации состава преступления, что имеет ключевое значение для обеспечения эффективности уголовной политики. В связи с высокой общественной опасностью экономической контрабанды обоснована необходимость внесения изменений в законодательство, направленных на уточнение правовых

норм и повышение результативности борьбы с данным видом преступлений.

Ключевые слова: экономическая контрабанда, уголовное право, национальная безопасность, санкции, евразийский экономический союз, таможенное правонарушение, экономическая безопасность.

Қазіргі заманғы сын-қатерлер жағдайындағы мемлекеттің экономикалық қауіпсіздігі мәселелері барған сайын өзекті бола түсуде, өйткені жаһандану жағдайында тауарлардың мемлекеттік шекаралар арқылы өткізілуі тауарлардың заңсыз өткізілуін қоса алғанда, күрделі сипатқа ие болады. Кедендік құқық бұзушылықтардың бір түрі белгіленген кедендік ережелерді сақтаудан жалтару мақсатында тауарларды немесе өзге де заттарды мемлекеттік шекара арқылы заңсыз өткізу экономикалық контрабанда болып табылады. Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасы шеңберінде экономикалық контрабанда қылмысы ҚР ҚК 234-бабында көзделеді.

«Қазақстан Республикасының Ұлттық қауіпсіздігі туралы» 2012 жылғы 6 қаңтардағы ҚР Заңының 4-бабының 4) тармағына сәйкес Экономикалық қауіпсіздік – экономиканың орнықты дамуы және оның тәуелді болмауы қамтамасыз етілетін, Қазақстан Республикасы ұлттық экономикасының нақты және ықтимал қауіп-қатерлерден қорғалуының жай-күйі. Ал аталған Заңның 6-бабы 1-тармағының 11) тармақшасына байланысты ұлттық қауіпсіздікке төнетін негізгі қатерлердің бірі елдің мүдделеріне қайшы келетін стратегиялық ресурстарды пайдалануды, инвестициялық белсенділіктің инновациялық дамуы мен өсуіне кедергі келтіруді, капитал мен тауарларды елден тыс бақылаусыз әкетуді, көлеңкелі экономиканың өсуін қоса алғанда, мемлекеттің экономикалық қауіпсіздігіне нұқсан келтіру болып табылады [1].

Контрабанда, ең алдымен, мемлекеттің экономикалық мүдделеріне зиян тигізеді, өйткені:

біріншіден, мемлекеттік бюджетке әкелінетін және әкетілетін тауарларға белгіленген баждар түспейді;

екіншіден, республикадан әкетуге тыйым салу олардың ел экономикасы үшін маңыздылығына байланысты тауарлар (мысалы, стратегиялық мақсаттағы шикізат) әкетіледі.

Қазіргі уақытта ұлттық қауіпсіздіктің сын-қатерлері мен қауіптері өте алуан түрлі, сонымен қатар олардың тізімі үнемі кеңейіп келеді. ТМД – ға қатысушы мемлекеттердің (оның ішінде Қазақстан Республикасының) ұлттық қауіпсіздігіне төнетін осындай қатерлердің бірі экономикалық контрабанда болып табылады [2].

Қазіргі уақытта бұл қауіптің өзектілігі үнемі артып келеді, бұл бірқатар себептерге байланысты:

1. Бұл құбылыстың ауқымы артып келеді, экономикалық контрабанда уақыт өте келе жаппай сипатқа ие болады;

2. Экономикалық контрабанда барған сайын ұйымдасқан нысандағы қылмыстарға айналады.

Контрабанда қылмысын жасайтын тұлғалар қуатты ресурстық және зияткерлік базасы бар ұйымдасқан қылмыстық қауымдастықтарға біріктіріледі. Бұл қауымдастықтардың құрамына құқық қорғау органдарының қызметкерлері (полиция, кеден қызметі және т.б.) және мемлекеттік аппарат қызметкерлері қатысады, бұл осы қылмыспен күресуді едәуір қиындатады.

Контрабанданы әр түрлі аспектілері бар күрделі құбылыс ретінде қарастырған жөн, сондықтан оның болуының салдары (контрабандадан келтірілген зиян) әр түрлі салаларда пайда болып, кешенді, жүйелі болуы мүмкін.

Сонымен қатар, контрабанданың экономикалық, әлеуметтік, саяси және қылмыстық салдары айқын көрінеді. Айта кету керек, экономикалық контрабанда елдің жекелеген азаматтарына да, мемлекет пен жалпы қоғамның мүдделеріне де зиян келтіреді. Экономикалық контрабанданың салдарын олардың мемлекеттің ұлттық қауіпсіздігіне әсері тұрғысынан қарастырған жөн.

Экономикалық контрабанданың қоғамдық қауіптілігі (234 баптың 1, 2, 3 – бөліктері қылмыстар) бұл әрекеттің Қазақстан Республикасының экономикалық қауіпсіздігіне елеулі зиян келтіретіндігінде.

Алайда, ҚР ҚК-нің 234-бабына санкциялар қолдану тәжірибесі, әсіресе жасалған іс-әрекеттің ауырлық дәрежесі қалай баға-

ланатыны тұрғысынан қайта қарауды қажет етеді. Экономикалық контрабанда үшін санкцияларды қайта қарау мәселесі экономиканың жаһандануы және заңсыз экономикалық операциялардың өсуі тұрғысынан өзекті болып табылады.

Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 3-бабының 38) тармағына сәйкес кедендік шекара арқылы алып өткізілген тауарлардың жиырма мың айлық есептік көрсеткіштен (АЕК) асатын құны өзге де кедендік бақылау объектілерінің құны ірі көлем деп танылады. Аталған критерий ҚР ҚК 234-бабының 1-бөлігі бойынша «Экономикалық контрабанда» іс-әрекетті қылмыстық жазаланатын деп тану үшін шекті белгілей отырып, іс-әрекеттерді саралау кезінде шешуші мәнге ие [3].

Алайда, құқық қолдану тәжірибесін, сондай-ақ экономикалық және әлеуметтік шындықты талдау санкцияларды көрсетілген норма бойынша қатандату қажеттілігін, оның ішінде ірі мөлшерді анықтайтын сандық шекті қайта қарау арқылы негізді түрде бекітуге мүмкіндік береді.

Біріншіден, белгіленген 20 000 АЕК шегі ондаған миллион теңгеден асатын қомақты соманы білдіреді. Бұл тауар партияларын әдейі бөлшектеген адамдар тек әкімшілік шаралармен шектеліп, қылмыстық жауапкершіліктен жалтарған кезде теріс пайдалану мүмкіндіктерін тудырады. Осылайша, қолданыстағы шек іс жүзінде экономикалық контрабандаға қарсы іс-қимылдың қылмыстық-құқықтық тетігінің тиімділігін төмендетеді.

Екіншіден, трансшекаралық сауданың өсуін, қолма-қол және қолма-қол ақшасыз ақша айналымының ұлғаюын, сондай-ақ ұйымдастырылған контрабанда схемаларының ауқымдылығын қоса алғанда, қазіргі экономикалық жағдай қылмыстық заңнама тарапынан неғұрлым икемді және жедел реакцияны талап етеді. Бұл жағдайда үлкен көлемде жасалған әрекеттер үшін санкцияны үлкейту қылмыстық құқықтың алдын алу функциясын күшейтуге бағытталған қисынды және негізделген қадам болып көрінеді.

Осылайша, экономикалық контрабанда жасайтын адамдарға қылмыстық-құқықтық ықпал етудің тиімділігін арттыру мақсатында ҚР ҚК 234-бабының 1-бөлігінде көзделген санкцияны қатандату арқылы негізді болып көрінеді.

Бұл мемлекеттің экономикалық мүдделерін тиісті қорғауды қамтамасыз етіп қана қоймай, тұтастай алғанда құқықтық жүйеге деген сенімді нығайтады.

Осылайша, айыппұлдың екі түрі бар:

- Қазақстан Республикасының заңнамасында белгіленген және қылмыстық құқық бұзушылық жасалған кезде қолданыста болған АЕК-тің белгілі бір санына тең мөлшерде тағайындалатын әдеттегідей;

- параның мөлшеріне, сомасына немесе құнына, берілген ақша сомасына немесе берілген мүлік құнына, ұрланған мүлік құнына, алынған кіріс сомасына немесе бюджетке түспеген төлемдер сомасына тағайындалатын еселік.

Заң шығарушы ҚК-нің 41-бабында кейбір қылмыстар үшін айыппұлдың еселенген мөлшерін тағайындауды бөлек анықтайды. Атап айтқанда, ҚК – нің 366 – бабының 1-бөлігінде (пара алу) жазаның басқа түрлерінен басқа, параның жиырма еселенгеннен елу еселенгенге дейінгі сомасы мөлшерінде айыппұл көзделген; 1-1-бөлігінде параның отыз еселенгеннен елу еселенгенге дейінгі сомасы мөлшерінде айыппұл; 2-бөлігінде параның елу еселенгеннен алпыс еселенгенге дейінгі сомасы мөлшерінде айыппұл; 3-бөлігінде параның алпыс еселенгеннен жетпіс еселенгенге дейінгі сомасы мөлшерінде айыппұл; 4-бөлімде параның жетпіс еселенгеннен сексен еселенгенге дейінгі сомасы мөлшерінде айыппұл салынады [3].

ҚР ҚК 41-бабының қолданыстағы редакциясына сәйкес айыппұл тағайындалуы мүмкін:

«Қазақстан Республикасының заңнамасында белгіленген және қылмыстық құқық бұзушылық жасалған кезде қолданыста болған айлық есептік көрсеткіштің белгілі бір санына сәйкес келетін мөлшерде не пара сомасына немесе құнына, берілген ақша сомасына немесе берілген мүлік құнына, жымқырылған мүлік құнына, алынған кіріс сомасына немесе бюджетке түспеген төлемдер сомасына еселенген мөлшерде тағайындалатын ақшалай өндіріп алу.» [3].

Алайда, бұл тізбеде кедендік шекара арқылы өткізілген тауарлардың құны туралы айтылмайды, бұл олардың елеулі қоғамдық зияны мен экономикалық қауіптілігіне қарамастан, ҚР ҚК 234-

бабы бойынша сараланатын әрекеттерге қатысты бірнеше айыппұл қолдануға мүмкіндік бермейді. Мұндай құқықтық құрылым санкциялардың өзгергіштігін едәуір шектейді және осы саладағы қылмыстық заңның алдын алу әлеуетін төмендетеді.

Қазақстан Республикасының экономикалық қауіпсіздігіне қол сұғатын экономикалық контрабанданың қоғамдық қауіптілігінің артуын ескере отырып, аталған олқылықты жою үшін ҚР ҚК 41-бабының тұжырымымен негізді толықтыру ұсынылады:

- ҚР ҚК – нің 41 – бабының бірінші бөлігіндегі «жымқырылған мүлік құнына» деген сөзден кейін «өткізілген тауарлардың құны» деген сөзбен толықтырылуы керек, бұл бірнеше айыппұлдарды анықтау тәсілдерінің біркелкілігін қамтамасыз етеді және экономикалық контрабандадан келтірілген залалды неғұрлым икемді және барабар бағалауға мүмкіндік береді.

Мұндай өзгеріс санкция мөлшері мен жасалған қылмыстың ауырлығы арасындағы әділ қатынасты белгілеп қана қоймай, қылмыстық заңның алдын алу әсерін күшейтуге, сондай-ақ мемлекетке келтірілген залалды тиімді өтеуге ықпал етеді.

Экономикалық контрабанда үшін жауапкершілікті көздейтін ҚР ҚК 234-бабының 1-бөлігі оны онша ауыр емес қылмыс ретінде жіктейді. Алайда, мемлекеттік қаржы мен қауіпсіздікке келтірілген экономикалық залалды ескере отырып, бұл қылмысты орташа ауырлықтағы қылмыс ретінде саралау мәселесін қарастыру қажет деп санаймын.

ҚР ҚК 234-бабының 1- бөлігі экономикалық контрабанда үшін үш мың айлық есептік көрсеткішке дейінгі мөлшерде айыппұл салу не төрт жүз сағатқа дейінгі мерзімге қоғамдық жұмыстарға тарту не бір жылға дейінгі мерзімге бас бостандығын шектеу не мүлкі тәркіленіп немесе онсыз сол мерзімге бас бостандығынан айыру түріндегі жазаны көздейді.

Контрабанданың ауқымын және ұлттық экономика үшін тәуекелдердің ұлғаюын назарға ала отырып, ҚР ҚК 234-бабының 1-бөлігінің санкциясын қайта қарау орынды.

Бұл өзгеріс айыппұлдың дәлірек анықтамасын көрсетеді, бұл айыппұл мөлшерін ұлғайтуға және өткізілген тауарлардың құнына байланысты құқық бұзушылық үшін жауапкершілік дәрежесін

арттыруға және бас бостандығынан айыру жазасын, ауырлығы орташа қылмыстарға жатқызуға мүмкіндік береді. Мұндай шара жасалған қылмыстардың нақты экономикалық кемшіліктерін жақсы есепке алуға ықпал етеді.

Ағымдағы редакцияда ҚР ҚК 234-бабының 2-бөлігінде экономикалық контрабанда үшін санкция бес мың айлық есептік көрсеткішке дейінгі мөлшерде айыппұл салу не сегіз жүз сағатқа дейінгі мерзімге қоғамдық жұмыстарға тарту не үш жылға дейінгі мерзімге бас бостандығын шектеу не мүлкі тәркіленіп немесе тәркіленбей сол мерзімге бас бостандығынан айыру түріндегі жазаны көздейді.

ҚР ҚК 234-бабының 2-бөлігінде: 1) бірнеше рет; 2) адам өзінің қызметтік жағдайын пайдалана отырып; 3) шекаралық немесе кедендік бақылауды жүзеге асыратын адамға күш қолданып; 4) аса ірі мөлшерде; 5) алдын ала сөз байласу бойынша адамдар тобы жасаған экономикалық контрабанда үшін жауапкершілік белгіленген.

Контрабанда, егер ол екі немесе одан да көп рет жасалса, бірнеше рет мінсіз деп танылады. Бұл ретте, алдыңғы қылмыс үшін адам сотталмағанын немесе бұрын жасалған контрабанда үшін адам қылмыстық жауаптылықтан босатылмағанын, сондай-ақ ҚР ҚК 71 және 88-баптарында белгіленген ескіру мерзімдерінің аяқталмағанын анықтау маңызды.

Қызмет борышы бойынша кедендік немесе шекаралық бақылауды жүзеге асыруға, Еуразиялық экономикалық одақтың кедендік шекарасы және (немесе) Қазақстан Республикасының Мемлекеттік шекарасы арқылы өткізілетін тауарларды немесе өзге де құндылықтар мен заттарды тексеріп қарау жөніндегі тиісті іс-қимылдарды жүзеге асыруға және шекарадан өтуге рұқсат беруге міндетті тұлға өзінің қызметтік жағдайын пайдаланатын тұлға болып саналуға тиіс. Өзінің қызметтік жағдайын пайдалана отырып жасалған контрабанда мемлекеттік қызмет пен мемлекеттік басқару мүдделеріне қарсы сыбайлас жемқорлық және өзге де қылмыстық құқық бұзушылықтар туралы қылмыстық заңның баптары бойынша қосымша саралауды талап етілмейді деп айтылған [7].

Шекаралық немесе кедендік бақылауды жүзеге асыратын адамға күш қолданып көбінесе кедендік шекара арқылы тауарлардың

немесе өзге де заттардың заңсыз өткізілуіне кедергі келтірмеуге мәжбүрлеу мақсатында физикалық (мысалы, денсаулыққа жеңіл немесе орташа ауырлықтағы зиян келтіруде) немесе психикалық (физикалық күш қолдану катерінде) әсерде көрінеді. Егер күш қолдану өлімге немесе денсаулыққа ауыр зиян келтіруде көрсетілсе, онда жасалған іс ҚК-нің 234-бабының 2-бөлігінде және ҚР ҚК-нің 99 немесе 106-баптарында көзделген қылмыстардың жиынтығы бойынша саралануы тиіс деп белгіленген [5].

ҚР ҚК-нің 3-бабының 3) тармақшасына сәйкес, қаралып отырған қылмыстық құқық бұзушылыққа қатысты аса ірі мөлшері отыз мың айлық есептік көрсеткіштен асатын өткізілген тауарлардың құны деп танылады.

Егер контрабанданы бірлесіп жасау туралы алдын ала уағдаласқан адамдар қатысса, контрабанданы алдын ала сөз байласу арқылы жасалған адамдар тобы деп саналады. Жоғарыда айтылған негіздерге сәйкес, ҚР ҚК 234-бабының 2-бөлігінде ерекше саралу белгілері бар қылмыстар болғандықтан, санкциясын қайта қарап, қатаңдату керек деп санаймын.

ҚР ҚК 234-бабының 3-бөлігі осы баптың бірінші немесе екінші бөліктерінде көрсетілген, жасалған іс-әрекеттер үшін жауапкершілікті көздейді:

1. Мемлекеттік функцияларды орындауға уәкілеттік берілген адам не оған теңестірілген адам не лауазымды адам не жауапты мемлекеттік лауазымды атқаратын адам, егер қылмыс қызметтік жағдайды пайдаланумен байланысты болса.

2. Қылмыстық топ. ҚР ҚК 3-бабының 24-тармағына сәйкес қылмыстық топқа ұйымдасқан топ, қылмыстық ұйым, қылмыстық қоғамдастық, трансұлттық ұйымдасқан топ, трансұлттық қылмыстық ұйым, трансұлттық қылмыстық қоғамдастық, террористік топ, экстремистік топ, банда, заңсыз әскерилендірілген құралым кіреді [6].

Экономикалық контрабанда ресми есеп пен статистикадан жасырылған яғни латентті қылмыс болып табылады, бұл оны анықтау және алдын алу процесін едәуір қиындатады. Ұйымдасқан қылмыстың бұл түрі көбінесе жасырындықтың жоғары деңгейіне және қылмыстық іс-әрекетке қатысы бар немесе қылмыстық топ-

тардың құрамына кіретін субъектілердің қатысуына байланысты байқалмайды. Экономикалық контрабанданың кідірісі құқық қорғау органдары жұмысының ашықтығының жеткіліксіздігімен күрделене түседі, бұл оның тиісті қарсылықсыз дамуын жалғастыруға, мемлекеттік органдардың қызметіне қоғамның сенім деңгейін төмендетуге ықпал етеді [7]

Осы қылмыстардың жасырындығын және олардың ұйымдасқан топтармен байланысын, сондай-ақ мемлекеттің экономикасы мен қауіпсіздігіне әсерін ескере отырып, мұндай әрекеттер үшін жазаны қатаңдату қажет. Қылмыстық жауапкершілікті қатаңдату экономикалық контрабандаға қарсы күресте маңызды қадам болады, бұл алдын алу әсерін арттыруға және осы қылмыстық әрекетті тиімдірек тоқтатуға мүмкіндік береді. Бұл осындай қылмыстар жасағандар үшін жазалау шараларын күшейтіп қана қоймай, құқық қорғау органдары үшін осындай әрекеттерді неғұрлым белсенді анықтауға және жолын кесуге қосымша ынталандырулар жасауға мүмкіндік береді.

Экономикалық контрабанда экономикаға ғана емес, сонымен қатар мемлекеттің әлеуметтік, саяси және қоғамдық қауіпсіздігіне нұқсан келтіретін Қазақстан Республикасының ұлттық қауіпсіздігіне аса елеулі қатерлердің бірі болып табылады. Бұл құбылыстың жаппай таралуы, оның ұйымдастырылуы, сондай-ақ халықтың әртүрлі топтарының, соның ішінде құқық қорғау органдары мен мемлекеттік қызмет қызметкерлерінің қатысуы контрабандаға қарсы күресті күрделі және көп деңгейлі міндетке айналдырады.

Құқықтық реттеуді жетілдіру, оның ішінде Қазақстан Республикасының қылмыстық заңнамасы шеңберінде экономикалық контрабанда үшін санкцияларды қайта қарау мәселелері ерекше өзекті болып табылады. Контрабанданың өсіп келе жатқан ауқымын және оның экономикалық қауіпсіздікке жойқын әсерін ескере отырып, мұндай қылмыстар үшін жауапкершілікті күшейту, сондай-ақ құқық бұзушылардың әрекеттерін экономикалық контрабанда ретінде жіктеуге мүмкіндік беретін критерийлерді қайта қарау маңызды.

Мақалада қарастырылған санкцияларды өзгерту бойынша ұсыныстар, соның ішінде айыппұлды еселенген мөлшерде және

бас бостандығынан айыру мерзімдерін көбейту, өткізілетін тауарлардың мөлшеріне байланысты контрабандаға қарсы күрестің тиімділігін арттыруға және оның одан әрі таралуына жол бермеуге бағытталған. Мұндай әрекеттер үшін жазаны қатандату құқық қорғау органдарының жұмысын жақсартуға, экономикалық қауіпсіздікті нығайтуға және елдің орнықты әлеуметтік-экономикалық дамуы үшін жағдайлар қалыптастыруға ынталандыру болады.

Осылайша, экономикалық контрабандаға қарсы күрес жөніндегі құқықтық, ұйымдастырушылық және тәжірибелік шараларды жетілдіруді жалғастыру қажет, бұл өз кезегінде жаһандану және қазіргі заманғы сын-қатерлер жағдайында Қазақстан Республикасының экономикалық тәуелсіздігі мен ұлттық қауіпсіздігін нығайтуға ықпал ететін болады.

Әдебиеттер тізімі

1. Қазақстан Республикасының ұлттық қауіпсіздігі туралы 2012 жылғы 6 қаңтардағы № 527-IV Заңы. (2025.31.05. берілген өзгерістер мен толықтырулармен)
2. Қазақстан Республикасының құқықтық саясатының 2030 жылға дейінгі тұжырымдамасын бекіту туралы Қазақстан Республикасы Президентінің 2021 жылғы 15 қазандағы № 674 Жарлығы
3. Қазақстан Республикасының Қылмыстық кодексі 2014 жылғы 3 шілдедегі № 226-V ҚРЗ. (2025.19.05. берілген өзгерістер мен толықтырулармен)
4. Борчашвили И.Ш. Қазақстан Республикасының қылмыстық кодексіне түсіндірме. Ерекше бөлік. 2-том – Алматы: Жеті Жарғы, 2021. 2 т. – 1116 бет.
5. Борчашвили И.Ш. Қазақстан Республикасының қылмыстық кодексіне түсіндірме. Жалпы бөлік. 1-том – Алматы: Жеті Жарғы, 2021. ISBN 968-601-288-160-8 1 т. – 820 бет.
6. Борчашвили И.Ш. Қазақстан Республикасының қылмыстық кодексіне түсіндірме. Ерекше бөлік. 3-том – Алматы: Жеті Жарғы, 2021. 3 т. – 924 бет. ISBN 978-601-288-162-2.
7. Ағыбаев А. Н. Қылмыстық құқық : оқулық. Жалпы бөлім.- Алматы: Жеті жарғы, 2016. – 276 б. – ISBN 978-601-04-1630-7

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ БЕЗВЕСТНОГО ОТСУТСТВИЯ ГРАЖДАНИНА

**Цыбизова Н. А. – Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Россия, г. Новосибирск
tsyna8862@mail.ru**

Аннотация: при изучении института безвестного отсутствия граждан, возникает потребность в установлении эволюционного построения правовой составляющей этой конструкции и взаимосвязи с понятиями междисциплинарного характера.

История безвестного отсутствия уходит корнями в древние общества, что позволяет сделать выводы о представлении в прошлом об этом событии и соотношении этих воззрений с виктимологическими установками.

Виктимологическая характеристика безвестного отсутствия остаётся неизученной научным сообществом. При этом для развития науки современного права России и Казахстана требуется всестороннее и внимательное отношение к различным полидисциплинарным правовым концепциям.

При подготовке статьи использовались работы и публикации ученых по виктимологии и юриспруденции, позволяющие прийти к выводам, которые могут быть интересны читателям, занимающимся представленной проблематикой

Ключевые слова: безвестное отсутствие, пропажа без вести, криминология, виктимология, виктимблейдинг, виктимологическая профилактика, жертва

Аннотация: Хабар-ошарсыз кеткендер институтын зерттеу кезінде осы құрылымның құқықтық құрамдас бөлігінің эволюциялық құрылымын және пәнаралық ұғымдармен байланысын белгілеу қажеттілігі туындайды.

Хабар-ошарсыз кеткен адамдардың тарихы ежелгі қоғамдардан бастау алады, бұл осы оқиға туралы өткен түсініктер және бұл көзқарастардың виктимологиялық көзқарастармен байланысы туралы қорытынды жасауға мүмкіндік береді.

Жоғалған адамдардың виктимологиялық сипаттамалары ғылыми қоғамдастық тарапынан зерттелмеген. Сонымен қатар, Ресей мен Қазақстандағы қазіргі құқық ғылымының дамуы әртүрлі көп салалы құқықтық концепцияларға жан-жақты және мұқият қарауды талап етеді.

Бұл мақаланы дайындау барысында виктимология және құқықтану ғалымдарының еңбектері мен жарияланымдары пайдаланылды, бұл ұсынылған мәселелерге қатысқан оқырмандарды қызықтыруы мүмкін қорытындыларға келуге мүмкіндік берді.

Түйінді сөздер: белгісіз жоқтық, хабарсыз кеткен адам, криминология, виктимология, құрбандық, виктимологиялық практика, құрбан

Основой виктимологии, как учения о жертве (от лат. *viktima* – жертва и греч. *logos* – учение), стало изучение и анализ поведения лица, потерпевшего от преступления (жертвы).

Существовали различные подходы к определению виктимологии, как отрасли, как подотрасли криминологии, «вспомогательной» научной дисциплины и т. д.

На данный момент виктимология представляет собой самостоятельную научную дисциплину, осуществляющую исследования по различным направлениям, связанным с лицом, потерпевшим от преступления (жертве).

Эта наука возникла для изучения потерпевшего от преступления (жертвы), до и после преступной обстановки, характеристики потерпевшего (жертвы), отношений связывающие преступника и потерпевшего (жертву), поведения потерпевшего (жертвы) после совершения преступления, а также других аспектов, касающихся лица, пострадавшего от преступления.

При этом исследований, касающихся ситуации, когда жертва после совершения преступления пропала без вести или была

признана безвестно отсутствующим не проводились. Этот аспект вскользь затрагивался некоторыми учеными, однако развития не получил.

Вклад Г.Хентинга состоит в том, в своем труде «Преступник и жертва. Исследование о социобиологии преступности», рассмотрел социальные причины преступности, но самому лицу, потерпевшему от преступления (жертве), автор первоначально не уделил достаточно внимания [2]. Между тем, в последующих исследованиях, начиная с середины XX века, лицо, потерпевшее от преступления (жертва), становится главным объектом изучения криминологического и виктимологического анализа.

В дальнейшем Б.Мендельсон в работе «Общая виктимология» [1], расширил аналитический материал и к изучению было предложено не только поведение лица, потерпевшего от преступления (жертвы), но и лиц, ставших жертвами природных катаклизмов, геноцидэтнических конфликтов и войн.

Основной вехой в развитии виктимологии стал период Второй мировой войны. Очевидно, что война – «особое явление: и социальное, и культурное, и психологическое» [18.с.1], порождающее различные правовые последствия. Результатом военных действий является массовая гибель военнослужащих и мирных граждан. Особо тяжелая судьба постигает лиц, пропавших без вести, их семей и родственников.

В дальнейшем одним из этапов развития виктимологического учения пришелся на 70-е годы XX века, когда были созданы основные комплексные работы по виктимологии.

Становление мировой виктимологической теории основывалось на изучении аналитического материала виктимологического характера, в целях совершенствования борьбы с преступностью, изучения и анализа поведения лица, потерпевшего от преступления (жертвы).

В этот период окончательно сформировалось мнение, что «виктимология является самостоятельной наукой, тесно связанной с юридическими дисциплинами» [4.С.70-74].

В этот период вопросами виктимологии начали заниматься отечественные криминологи и юристы. Виктимологические ис-

следования вызывали активный интерес, дискуссии и научную полемику.

Критический настрой правоведов повлек за собой опубликование статьи «Нужна ли советская виктимология?», Л.В. Франка, где были подняты вопросы, на которые научное сообщество в это время еще не нашло ответа, в силу разных причин, в том числе идеологического и политического характера.

Научная деятельность исследователей в области советской виктимологии продолжалась. Д.В.Ривманом [22] были затронуты теоретические и практические вопросы работы по предотвращению преступлений, а также их рецидивов.

В.П. Коноваловым проводится «Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений» [14], где рассматривается связь между поведением потерпевших и совершении в отношении них противоправных деяний.

В.И. Полубинским в работе «Практические аспекты криминальной виктимологии» были проанализированы значения реальных последствий преступности. Аналитический материал виктимологической науки расширился, и исследователь обращает внимание на то, что «жертвой может быть не только человек, как социальное существо, но и любая другая материя (техническая, биологическая, социальная)» [19.С.17].

Предметом исследования Л.В.Франка в дальнейшем, становится поведение жертвы в генезисе преступления, что отражено в его публикации – «Потерпевший от преступления и проблемы советской виктимологии» [27].

В.Е. Квашис излагает теоретический базис науки в работе «Основы виктимологии» [12].

В этот период виктимология уже рассматривается не как криминологическое направление, а как научная дисциплина, ее задачи расширяются, обнаруживается потребность выработки мер, которые помогали бы человеку избегать провоцирования преступных ситуаций, когда поводом правонарушений могут стать его поведение и субъективные качества.

Диапазон виктимологических разработок увеличивался, повышалась эффективность изысканий и область применения.

Такие ученые как: Ю.М. Антоян, Ю.В. Бышевский, Б.В. Волженкин, А.П. Дьяченко, Ю.В. Красилов, В.П. Коновалов, А.В. Мудрик, В.Я. Рыбальская, О.В. Старков, Е.Е. Центров, Д.А. Шестаков, И.В. Шалахин, А.С. Шляпочников и другие, концентрировали внимание на разных аспектах виктимологической науки, что способствовало ее наполнению и развитию.

Однако несмотря на расширение сферы исследования, виктимологический аспект безвестного отсутствия не становился предметом изучения. В юридической науке в первую очередь исследовались уголовные и криминалистические отношения, связанные с пропажей без вести и/или безвестным отсутствием гражданина.

Эти отношения в разные времена становились предметом внимания советской, а затем и российской правовой науки. Краеугольными вопросами при фактическом безвестном отсутствии (пропаже без вести) всегда являлись проблемы уголовного, административно – правового, процессуального и криминалистического характера. Соответственно и в правовой науке в первую очередь исследовались именно эти отношения. Эта проблематика разнопланово освещалась разными авторами.

Так, Л.Г. Видоновым были предложены «Методики раскрытия и расследования убийств, совершенных в условиях неочевидности, и дел об убийствах, возбужденных по материалам о розыске лиц, пропавших без вести» [7]. Ю.П. Дубягиным поднимались «Проблемы розыска без вести пропавших» [9], Н.И. Вытовтовой «Решение криминалистических задач деятельности по розыску без вести пропавших лиц» [8], М.Г. Решетняк был рассмотрена «Деятельность следователя и органа дознания по розыску и установлению местопребывания обвиняемого» [21].

Криминалистические приемы и способы стали предметом изучения В.О. Петросян в работе «Использование криминалистических методов и средств в розыске без вести пропавших граждан» [20].

П.Е.Букейханов в своем исследовании «Аспекты стратегии и тактики розыска, пропавших без вести: методика поиска совершеннолетних лиц, пропавших без вести при некриминальных обстоятельствах» [6] акцентировал внимание на теме поиска пропавших без вести детей.

В работе Е.Г. Киллессо «Методика расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего: первоначальный этап расследования» [13], были подробно рассмотрены элементы криминалистической характеристики убийств, сопряженных с безвестным отсутствием. Специфика безвестного отсутствия, связанная с осуществлением профессиональной деятельности, рассматривалась Р. В. Ихсановым «Рассмотрение судами дел о безвестном отсутствии и объявлении умершими сотрудников органов внутренних дел» [10].

Процессуальные особенности оперативно-правового аспекта были исследованы Д. А. Гриневой в диссертационном исследовании «Розыск без вести пропавших лиц: правовой, оперативно-розыскной и криминалистический аспекты» [5]. С.Н. Есиным рассматривалось «Криминалистическое обеспечение розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда» [11]. Исследование безвестного исчезновения несовершеннолетнего и вопросы пропажи детей и их поиска были отражены А.В.Котязовым, в произведении «Деятельность следователя по розыску несовершеннолетних, пропавших без вести» [15].

Так же были подготовлены материалы и других авторов, исследующих причины безвестного исчезновения граждан и их розыска.

В юридической литературе, посвященной теме безвестного отсутствия граждан отражалось многоаспектное исследование правового явления безвестного отсутствия, притом не только со стороны ученых – криминалистов, но и исследователей уголовного права, уголовно-процессуального и других отраслей.

В виктимологическом понимании постулаты о месте и роли потерпевшего (жертвы), судьба которого неизвестна, принадлежит криминалистам Г.М. Мудьюгину и В.П. Колмакову.

Рассматривая криминалистический аспект, Г.Н. Мудьюгин в публикации «Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего» [17.С.115] впервые обращает внимание на значительную роль потерпевшего в механизме преступного поведения и необходимости исследования до преступной активности жертвы в процессе расследования уголовных дел и выдвижения следственных версий.

Г.Н. Мудьюгин определил, что «для доказывания события преступления вовсе необязательно предоставление доказательств совершения преступления, т. е. трупа убитого и заключения судебно-медицинской экспертизы о насильственной смерти потерпевшего» [17.С.115].

В своих работах ученый приходит к выводу, что способ совершения преступления во многом зависит от характера и особенностей личности потерпевшего от преступления.

Б.Холыст в сочинении «Факторы, формирующие виктимность» определяет виктимогенный потенциал как такую систему свойств индивида, группы или организации, которая создает опасность совершения в отношении него преступных действий. По мнению профессора «виктимогенный потенциал или виктимологическая дисфункция является видом внутренней неадекватности элементов культурного стандарта» [28.С.73-74].

Рассматривая виктимность, как сложное криминально-правовое и социально-психологическое явление, ученые не пытались исследовать виктимность лиц, без вести пропавших или признанных безвестно отсутствующими, в результате совершенного преступления. Специфический виктимогенный потенциал или виктимологическая дисфункция безвестно отсутствующих лиц не становилась объектом интереса и специального изучения ученых и исследователей.

Виктимность, отражает не только уязвимость отдельного человека перед лицом преступника, но и состояние общества, сложных социальных процессов, происходящих в реальности. Между тем анализ виктимогенного потенциала без вести пропавшего лица и/или безвестно отсутствующего позволил бы глубже понять феномен жертвы и разработать необходимые социально обоснованные меры по виктимологической профилактике правонарушений, приводящих к безвестному отсутствию.

Исследователями отмечено, что жертвы преступлений обладают своеобразными чертами и неординарным поведением. Представляется, что именно специфический виктимогенный потенциал лица приводит к такому плачевному результату как пропажа без вести и/или признание безвестно отсутствующим.

В частности, в 2023 году «сотрудники Следственного управления СК РФ по Челябинской области возбудили уголовное дело по пункту «в» части 2 статьи 126 Уголовного кодекса Российской Федерации «Похищение человека». Жертвой преступления стала 33-летняя Екатерина, которая пропала без вести в 2009 году. Тогда ей было еще 19 лет. Все это время она провела в плену у психически нездорового мужчины – Владимира Ческидова. Бежать женщине помогла его мать. По данным следствия, осенью 2009 года подозреваемый познакомился с Екатериной на челябинском автовокзале «Синегорье». После он привез девушку в частный дом в поселке Смолино. С тех пор он удерживал ее там до тех пор, пока у него не случилось обострение психиатрического заболевания. Мужчину увезли в больницу, а его пленница смогла сбежать.

В ходе следствия выяснилось, что Екатерина из неблагополучной семьи. Вместе с сестрой она воспитывалась в приюте. Предварительно известно, что Ческидов специально выбрал себе жертву без родни, с обычной внешностью, чтобы «поменьше искали» [23].

Е.С.Фоминих отмечает, что «депривационные условия интернатного учреждения, влияния которых способствует активизации и закреплению установки на поведение жертвы: дефицит автономности, неумение планировать, делать выбор и принимать решение, дефицит внутренних ресурсов, опора на группу и др.» [26].

Очевидно, что в данном случае преступление явилось результатом взаимодействия маргинальной среды с преступными установками личности виновного. В этой конкретной жизненной ситуации проявилась личность и поведение потерпевшей, ее виктимологический потенциал, что привело к длительному безвестному отсутствию.

Особо следует отметить значимость вредных социальных последствий, безвестной пропажи и/или безвестного отсутствия потерпевших (жертв) преступлений. Данные социальные последствия распространяются на общество, группы лиц и отдельные личности.

Прежде всего вредоносное влияние социальных последствий, безвестной пропажи и/или безвестного отсутствия лица распространяется на само лицо, подвергшееся преступному воздействию.

Это явление носит комплексный характер и включают в себя следующие последствия:

1. вред материального характера, проявляющийся в нанесении физического вреда лицу, пропавшему без вести и/или безвестно отсутствующему, а также последствия имущественного характера вследствие потери кормильца
2. вред нематериального характера, носящего личностный характер – это прежде всего вред, причиняемый конституционным правам и свободам граждан, моральный вред, т. е. физические и нравственные страдания.

Кроме самой личности, ставшей жертвой преступления и в итоге пропавшей без вести и/или признанной безвестно отсутствующим, вредоносное влияние распространяется на группы лиц и общество в целом.

При этом противоправное деяние, приведшее к пропаже без вести потерпевшего, может быть длящимся преступлением (например, при похищении человека и незаконном лишении свободы).

Интересно обратить внимание на такое явление как виктимблейдинг, что непосредственно связано с виктимностью. Термин виктимблейдинг (впервые упоминается В. Райаном) [3], в значении того, что жертву преступления обвиняют в том, что с ней произошло...

Связь между лицом, подвергшимся преступному воздействию (жертвой) и преступником всегда интересовала научную общественность. Первоначально преступник и жертва рассматривались своеобразным тандемом, именно Б.Мендельсон употребил в отношении этих лиц термин «уголовная чета».

Этнические, географические и другие свидетельства прошлого позволяют проследить генезис и объяснение различных явлений, в том числе виктимблейдинга в отношении пропавших без вести.

Обвинение жертвы в произошедшем с ней негативным событием не является новеллой 21 века – это явление существовало и имело свое отражение в ранних религиозных представлениях о страданиях, жертвоприношениях и смерти.

При этом описание явлений, имеющих виктимологический характер, можно обнаружить, в юридических источниках (законах,

нормативных актах, институтах), произведениях литературы, фольклора.

Следует заметить, что «ранние виктимологические очерки были разработаны не криминологами или социологами, и даже не психологами, а поэтами, писателями и новеллистами» [4.С.70-74].

При изучении феномена безвестного отсутствия, и установлении эволюционной последовательности описания его правовой составляющей, касающейся пропажи людей были обнаружены свидетельства реакции на пропажу (безвестное отсутствие) людей в древности.

История пропажи людей (безвестного отсутствия) берет свое начало в древних обществах. В далеком прошлом пропажа (безвестное отсутствие) людей была единичными эпизодами.

Однако такие события требовали объяснения и как заметил Э.Б. Тайлор – «дикари обыкновенно выдумывают мифы для объяснения, каких – ни будь особых случаев» [24.с.24]. Пропажа человека, безусловно, являлась особым случаем.

Такие особые случаи были описаны в этнографической работе Л.Брюля «Первобытный менталитет», из жизни аборигенов Северной Америки: «если кто-то из какого-то народа, даже воин, захвачен в плен и его случайно пощадили, чтобы принять (в племя) или сделать рабом, а ему удалось убежать и вернуться к своим, то последние не примут его и не признают больше одним из своих» [16.с.235].

Народные верования и мировоззрение язычников заключалась в том, что бедствия, злоключения в том числе пропажа (захват в плен) человека, объясняются нарушением общепринятого обычая и оказываются следствием (наказанием) за совершенное им деяние. Из чего можно заключить, что в архаическом обществе пропавшему человеку презюмировалось отступление от традиционных правил, за ним признавалась не формулируемая вина и он подлежал наказанию. Представляется, что это можно рассматривать как проявление виктимблейдинга.

Виктимологический аспект безвестного отсутствия, виктимность жертвы и такое явление как виктимблейдинг безвестно отсутствующего имеют специфические особенности.

Определение проблем виктимологического характера, при исследовании вопросов безвестного отсутствия и обозначение существенных пробелов, которые остались вне поля зрения виктимологов позволило бы расширить диапазон исследования безвестного отсутствия.

На современном этапе особенно важно проведение исследования обозначенной темы и изучение современного состояния данного института, правовых концептов, опыта и современных реалий.

Источники и литература

1. Mendelsohn B.Th. origin of the doctrine of victimology //Exctrpta Criminological 1963, vol.3, № 4.P.239.
2. Hentig H.von.The Criminal & His Victim: Studies in the Sociobiology of Crime New Haven^Yale Universiti Press.1948.- 461 p.
3. William R. Blaming the Victim/By William Ryan. – New York: Pantheon books. 1971. P.299.
4. Аракелян К.Н. Возникновение и развитие виктимологии как науки о поведении жертвы: исторический ракурс. /Прикладная юридическая психология. №1 2016. С.70 – 74.
5. Гринева Д. А. в диссертационном исследовании Розыск без вести пропавших лиц: правовой, оперативно-розыскной и криминалистический аспекты: дис. ...канд. юрид. наук. Калининград, 2006. – 200 с.
6. Букейханов П.Е. Аспекты стратегии и тактики розыска, пропавших без вести: методика поиска совершеннолетних лиц, пропавших без вести при некриминальных обстоятельствах 2003.- 256 с. ISBN:5-472-01595-2
7. Видонов Л.Г. Методики раскрытия и расследования убийств, совершенных в условиях неочевидности, и дел об убийствах, возбужденных по материалам о розыске лиц, пропавших без вести. Горький. 1978. -108 с.
8. Вытовтова Н. И. Решение криминалистических задач деятельности по розыску без вести пропавших лиц: дис. ...канд. юрид. наук. Ижевск, 1997. – 160 с.

9. Дубягин О.П. Проблемы розыска без вести пропавших. М.: Юрлитинформ, 2003. – 240 с.
10. Ихсанов Р.В. Рассмотрение судами дел о безвестном отсутствии и объявлении умершими сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. СПб., 2005. – 230 с.
11. Есин С.Н. Криминалистическое обеспечение розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда: дис. ...канд. юрид. наук. Москва, 2009. 223 с.
12. Квашиш В.Е. Основы виктимологии. – М., 1999. – 280.
13. Киллессо Е.Г. Методика расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего: первоначальный этап расследования: дис. ...канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. – 25 с.
14. Коновалов В. П. Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений. М., 2004. – 285 с.
15. Котязов А.В. Деятельность следователя по розыску несовершеннолетних, пропавших без вести: автореф. дис. ... канд . юрид наук. М., 2013. – 23 с.
16. Леви-Брюль Л. Первобытный менталитет. / Перевод с французского Е. Кальщикова. – СПб.: «Европейский Дом», 2002. – 235 с.
17. Мудьюгин Г.М. Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего. М., 1967. – 115 с.
18. Поваляев В. Г. Война как социальное явление: автореф. дисс. ...канд. филос. наук: 09.00.11 – М., 2007. – 18 с.
19. Полубинский, В.И. Становление и развитие отечественной криминальной виктимологии / Научный портал ВД России. №4. 2009. С.52 – 56.
20. Петросян В. О. Использование криминалистических методов и средств в розыске без вести пропавших граждан: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Москва, 1998. – 24 с.
21. Решетняк М.Г. Деятельность следователя и органа дознания по розыску и установлению местопребывания обвиняемого: дис. ...канд. юрид. наук. Москва, 1998. – 23 с.

22. Ривман Д. В. Виктимология / Д.В. Ривман, В.С. Устинов; Ассоц. «Юрид. центр». – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2000. – 331 с.
23. Смоленцев К. Более тысячи половых актов //66.RU. – 2023.1августа. URL: <https://66.ru/news/society/265863/>(дата обращения 12.07.2025)
24. Тайлор Э.Б. Первобытная культура, серия «Библиотека атеистической литературы» Изд-во политической литературы. М.:1989. – 267 с.
25. Фоминых Е. С. Психологические механизмы виктимности // Концепт. -2014. – № 5 (май). – С. 74–79.
26. Фоминых Е. С. Проблема виктимогенного потенциала в феноменологии сиротства; социальная депривация как фактор формирования позиции жертвы. Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: педагогика, психология. 2016; (3): 100 -104. <https://doi.org/10.18323/2221-5662-2016-3-100-104>
27. Франк Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Тадж. Гос. ун – т им.В.И.Ленина. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 237 с.
28. Холыст Б. Факторы, формирующие виктимность / Вопросы борьбы с преступностью, вып. 41. – М., 1984.- С. 73–74.

References

1. Mendelsohn B.Th. Origin of the doctrine of victimology //Exctrpta Criminological 1963, vol.3, № 4.P.239.
2. Hentig H.von.The Criminal & His Victim: Studies in the Sociobiology of Crime New Haven^Yale Universiti Press.1948.- 461 p.
3. William R. Blaming the Victim/By William Ryan. – New York: Pantheon books. 1971. P.299.
4. Arakelyan K.N. The emergence and development of victimology as a science of victim behavior: a historical perspective. /applied legal psychology No. 1 2016. P. 70-74.

5. Grineva D. A. in her dissertation research Search for missing persons: legal, operational investigative and forensic aspects: dissertation. ...cand. legal Sci. Kaliningrad, 2006. – 200 p.
6. Bukeikhanov P.E. Aspects of strategy and tactics for searching for missing persons: methods for searching for adults missing under non-criminal circumstances 2003. – 256 c. ISBN:5-472-01595-2
7. Vidonov L.G. Methods for solving and investigating murders committed in conditions of non-obviousness, and murder cases initiated based on materials on the search for missing persons. Bitter. 1978. – 108 p.
8. Vytovtova N. I. Solving forensic problems in the search for missing persons: dis. ...cand. legal Sci. Izhevsk, 1997. – 160 p.
9. Dubyagin O.P. Problems of searching for missing persons. M.: Yurлитiform, 2003. – 240 p.
10. Ikhsanov R.V. Consideration by courts of cases of unknown absence and declaration of death of employees of internal affairs bodies: author's abstract. dis. ...cand. legal Sci. St. Petersburg, 2005.- 230 p.
11. Esin S.N. Forensic support for the search for persons who have fled from investigation and trial: dis. ...cand. legal Sci. Moscow, 2009.- 223 p.
12. Kvashis V.E. Fundamentals of victimology. – M., 1999. – 280 p.
13. Killesso E.G. Methodology for investigating murders involving the unknown disappearance of the victim: the initial stage of the investigation: dis. ...cand. legal Sci. St. Petersburg, 2004. – 25 p.
14. Konovalov V.P. Study of victims in order to improve crime prevention. M., 2004. – 285 p.
15. Kotyazhov A.V. Activities of an investigator to search for missing minors: abstract of thesis. dis. ...cand. legal sciences. M., 2013.- 23 p.
16. Levy-Bruhl L. Primitive mentality. / Translation from French by E. Kalshchikov. – St. Petersburg: “European House”, 2002. – 235p.
17. Mudyugin G.M. Investigation of murders in cases initiated in connection with the disappearance of the victim. M., 1967. – p.115.
18. Povalyaev V. G. War as a social phenomenon: abstract. diss. ...cand. Philosopher Sciences: 09.00.11 – M., 2007. With. 18.C.1.

19. Polubinsky V.I. Victimological aspects of crime prevention. – Textbook allowance / M., Acad. Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1980.- 77 p. P.17.
20. Petrosyan V. O. The use of forensic methods and means in the search for missing citizens: abstract. diss. ...cand. legal Sci. Moscow, 1998. – 24 p.
21. Reshetnyak M.G. Activities of the investigator and the body of inquiry in searching for and establishing the whereabouts of the accused: dis. ...cand. legal Sci. Moscow, 1998. – 23 p.
22. Rivman D.V. Victimological factors and crime prevention: Textbook. allowance / Higher watered College of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. -Leningrad, 1975.-153 p.
23. Smolentsev K. More than a thousand sexual acts //66.RU. – August 2023.1. URL: <https://66.ru/news/society/265863/>(access date 12/12/2023)
24. Taylor E.B. Primitive culture, series “Library of Atheistic Literature” Publishing House of Political Literature. M.: 1989. p.267.
25. Fominykh E. S. Psychological mechanisms of victimization // Concept. -2014. – No. 5 (May). -ART14132. -URL [http. -Government reg. El No. FS77-49965.-](http://Government-reg.ru/El-No-FS77-49965-) ISSN2304-120X.
26. Fominykh E. S. The problem of victimogenic potential in the phenomenology of orphanhood; social deprivation as a factor in the formation of the victim’s position. Science vector of Tolyatti State University. Series: pedagogy, psychology. 2016; (3): 100 -104. <https://doi.org/10.18323/2221-5662-2016-3-100-104>
27. Frank L. V. Crime victims and problems of Soviet victimology. Taj. State un – t named after V.I. Lenin. – Dushanbe: Irfon, 1977. – 237 p. P.76.
28. Kholyst B. Factors shaping victimization / Issues in the fight against crime, vol. 41. – M., 1984.S. 73–74.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Чернышенко И.Г.

ГКУ г. Москвы «Дирекция Мосприроды»,
Россия, Москва (ведущий юрисконсульт)
cheig@inbox.ru

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ уголовно-правовых норм России и Казахстана, предусматривающих ответственность за нарушение авторских прав. Автор исследует структуру составов преступлений, квалифицирующие признаки и уголовные санкции, выявляя ключевые различия в подходах двух стран. В заключении выделяются лучшие практики, которые могут быть использованы для совершенствования уголовно-правовой защиты интеллектуальной собственности в обеих странах.

Қысқаша мазмұндама: Мақалада Ресей мен Қазақстанның авторлық құқықтарды бұзу үшін жауапкершілікке тартуды қарастыратын қылмыстық-құқықтық нормаларының салыстырмалы талдауы жүргізіледі. Автор қылмыстық құрамдардың құрылымын, қылмыстық белгілерді және жазалау шараларын зерттеп, екі елдің тәсілдеріндегі негізгі айырмашылықтарды анықтайды. Қорытынды бөлімде интеллектуалдық меншікті қылмыстық-құқықтық қорғауды жетілдіру үшін пайдаланылуы мүмкін үздік тәжірибелер көрсетіледі.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, преступление, уголовное наказание, уголовно-правовая норма.

Негізгі сөздер: авторлық құқық, интеллектуалдық меншік, қылмыстық әрекет, қылмыстық жаза, қылмыстық-құқықтық норма.

В условиях стремительного развития информационного общества защита авторских прав приобретает особую значимость. Как в УК РФ [1], так и в УК РК [2] предусмотрена специальная уголовно-правовая ответственность за нарушение авторских, что подчеркивает необходимость защиты данной сферы для законодателей обеих стран. Наличие подобного института уголовной ответственности служит дополнительной гарантией охраны прав правообладателей результатов интеллектуальной деятельности, обеспечивая не только применение гражданско-правовых и административных мер, но и уголовно-правовые механизмы противодействия нарушениям.

Несмотря на схожесть целей правового регулирования в рассматриваемой сфере, структура и содержание соответствующих норм в УК РФ и УК РК имеют определенные различия. Эти различия проявляются в формулировке составов преступлений, квалифицирующих признаках, видах и размерах наказаний, а также в подходах к определению степени общественной опасности деяний.

1. Структура частей уголовно-правовой нормы.

В ст. 146 УК РФ выделены три части, где отдельно рассматриваются такие составы, как присвоение авторства (часть первая), незаконное использование и оборот контрафактных экземпляров произведений (часть вторая), а также квалифицирующие признаки двух указанных составов преступлений (часть 3), также уголовно-правовой нормой предусмотрено примечание, разъясняющее квалифицирующие признаки рассматриваемого деяния.

В ст. 198 УК РК выделены четыре части: в первой части обозначен состав преступления, во второй части указываются деяния с отягчающими обстоятельствами, имеющими стоимостную и не стоимостную оценку, в третьей части законодателем раскрываются особо квалифицированные составы, четвертой частью отдельно предусмотрен особо квалифицированный состав в виде совершения деяния преступной группой.

2. Содержание составов преступления (в том числе конструкция составов, охват деяний).

2.1. Структура и охват и деяний.

Деяниями, предусмотренными ст. 146 УК РФ, являются: присвоение авторства (плагиат) и незаконное использование объектов авторского права, включая приобретение, хранение и перевозку контрафактных экземпляров объектов авторских прав в целях их последующего сбыта.

Деяниями, предусмотренными ст. 198 УК РК, являются: незаконное использование объектов авторского, включая приобретение, хранение, перемещение (отсутствует в составе УК РФ) или изготовление контрафактных экземпляров (отсутствует в составе УК РФ) объектов авторского права в целях их последующего сбыта либо присвоения авторства (выделено в УК РФ как отдельное преступление) или принуждения к соавторству (такая цель в объективной стороне преступления в составе УК РФ отсутствует).

По мнению Соловьева О.Г., Пилясова И.А. объединение вышеуказанных состав в одной части представляется неудачным, отражение присвоения соавторства в преступлениях против собственности не представляется возможным [7]. Поскольку ст. 198 УК РК находится в Главе уголовных правонарушений против собственности, законодатель мог сознательно не выделять плагиат в отдельный состав, рассматривая его как форму нарушения имущественных интересов, объединение составов может объясняться желанием законодателя избежать «дробления» норм.

2.2. Отсылочные нормы.

Отсылочные нормы, содержащиеся в ст. 146 УК РФ, связаны с правоприменительным актом – Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» [3]. В указанном Постановлении Пленума правоприменителем разъясняется, что понимается под плагиатом объекта авторского права, как следует квалифицировать незаконное использование объекта авторского права (что означают контрафактные экземпляры, их приобретение и хранение).

Статьей 198 УК РК предусмотрены отсылочные нормы: к понятиям контрафактных экземпляров объекта авторского права, соавторства (определения указаны в ст.ст. 2, 10 Закона Республики Казахстан от 10 июня 1996 года № 6-І «Об авторском праве и смежных правах») [4], к разъяснению о том, что понимается под использованием объекта авторского права, так, в ч. 2 ст. 16 указанного Закона перечислены одиннадцать разновидностей действий автора, подразумевающих под собой использование объекта авторского права (например, публичное сообщение произведения, распространение оригинала произведения, перевод произведения и др.).

2.3. Криминализация факта нарушения.

Статья 146 УК РФ криминализирует те факты нарушения, в последствии которых преступное лицо причинило ущерб в определенном размере.

Статья 198 УК РК криминализирует сам факт нарушения (изначально) в отсутствие стоимостной оценки основного состава преступления, стоимостная оценка причиненного ущерба содержится уже в квалифицированном и особо квалифицированном составах.

3. Квалифицирующие признаки и уголовное наказание.

Статья 146 УК РФ предусматривает квалифицирующие стоимостные характеристики в виде крупного или особо крупного ущерба с указанием в примечании конкретной суммы.

Статья 198 УК РК предусматривает квалифицирующие стоимостные характеристики в виде значительного размера, значительного ущерба, крупного размера или крупного ущерба. Конкретная сумма не обозначена законодателем, примечание также отсутствует, при этом в ст. 3 п. 2) и п. 38) УК РК разъяснены к определенным составам преступлений стоимостной критерий ущерба, который определяется, как правило, в виде месячного расчетного показателя.

Помимо стоимостного квалифицирующего признака в уголовно-правовой норме Казахстана указан существенный вред правам и законным интересам автора или иного правообладателя. Данный

неимущественный квалифицирующий признак может быть выражен в виде нарушения нормальной работы организации, возникновения трудной жизненной ситуации у потерпевшего и т.д.

Оба кодекса также рассматривают такие квалифицирующие признаки, как совершение преступления преступной группой или лицом с использованием своего служебного положения.

При этом в УК РК усилена уголовная ответственность для преступной группы, этим охарактеризовано выделение состава в отдельную часть уголовно-правовой нормы. УК РК также предусматривает дополнительное уголовное наказание для лиц, использовавших служебное положение, в момент совершения преступления – лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

За совершение преступления, предусмотренного особо квалифицированным составом, в УК РК к преступнику может быть также применено лишение свободы, ограничение свободы, привлечение к общественным работам, исправительные работы либо штраф (за преступления, указанные в ч. 3 ст. 198 УК РК), в УК РФ предусматриваются лишение свободы, штраф, принудительные работы.

По мнению Макагоновой Н.В., перечень уголовных наказаний, применяемых за нарушение авторских прав, должен быть оценен с точки зрения их эффективности [6]. Указанный автор на основе статистических сведений свидетельствует о редких случаях применения к преступным лицам обязательных работ или лишения свободы. Соответственно, наказания за нарушение авторских прав должны носить имущественный характер, компенсируя ущерб, тогда как нефинансовые меры (обязательные работы, лишение свободы) менее эффективны в данной ситуации.

Титов С.Н. отмечает, что по своей тяжести уголовная ответственность за нарушения авторских прав в Республике Казахстан сравнима с ответственностью за имущественные преступления [8]. Такой подход законодателя Казахстана отражает тенденцию к «экономизации» интеллектуальной собственности, где ее защита направлена не только на охрану результата интеллектуальной деятельности, но и на обеспечение стабильности рынка (благоприятного инвестиционного климата и благоприятной конкурентной

среды), однако, законодатель игнорирует некоторые материальные аспекты, не учитывая определение имущественного ущерба в основном составе преступления и вводя неимущественный квалифицирующий признак – причинение существенного вреда законным правам или законным интересам правообладателю объекта авторских прав.

Таким образом, сравнительный анализ уголовно-правовых норм двух стран позволяет выявить как сильные стороны каждой из законодательных моделей, так и возможные направления для их совершенствования. В части рассматриваемого преступления следует выделить следующие ключевые различия:

Уголовное законодательство Российской Федерации старается расширить охват деяния, выделяя его составы в отдельные части уголовно-правовой нормы, а уголовное законодательство Республики Казахстан охватывает деяние одним составом, перенося отдельные нарушения в объективную сторону (цель совершения преступления).

Уголовное законодательство Российской Федерации определяет контрафакцию объекта авторского права как их хранение и приобретение, а уголовное законодательство Республики Казахстан помимо хранения и приобретения, относит к контрафакции перемещение и изготовление объектов авторского права. Уголовное законодательство республики Казахстан также привносит специфический квалифицирующий признак – принуждение к соавторству, который отсутствует в уголовном законодательстве Российской Федерации. Указанный квалифицирующий признак также упоминается в уголовном законодательстве других стран СНГ, в частности в Республиках Кыргызстан, Узбекистан и др. [5].

Разъясняющие нормы к уголовному законодательству Российской Федерации предусматриваются правоприменительными актами, а в уголовном законодательстве Республики Казахстан указываются в специальном законе, либо в самом кодексе, то есть имеют законодательный характер.

Уголовное законодательство Российской Федерации устанавливает более детализированные стоимостные критерии ущерба, а уголовное законодательство Республики Казахстан применяет систему «гибких санкций».

Уголовное законодательство Республики Казахстан более нацелено на расширение дополнительных видов уголовных наказаний, чем уголовное законодательство Российской Федерации. Законодатель Казахстана указывает на особый характер борьбы с организованной преступностью, выводя отдельный квалифицирующий признак специальной частью уголовно-правовой нормы.

По мнению автора настоящей статьи, сильными сторонами российского законодателя следует считать указание стоимостного критерия в виде примечания к определенной уголовно-правовой норме в той же статье, разделение составов преступления для их более точного дифференцирования, а сильными сторонами казахского законодателя – широкий охват деяния (в том числе квалифицирующих признаков), посредством которого пресекается больше незаконных действий с объектом авторского права, и в части адаптации наказания к социально-экономическому положению правообладателя – гибкая система санкций.

Источники и литература:

1. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V [Электронный ресурс]: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 17.07.2025).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 17.07.2025).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68054/#dst100011 (дата обращения: 17.07.2025).
4. Закон Республики Казахстан от 10.06.1996 № 6-І «Об авторском праве и смежных правах» [Электронный ресурс]: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005798 (дата обращения: 17.07.2025).

5. Витко В.С. О признаках понятия «плагиат» в авторском праве // Статут. 2017. № 3. С. 7-17.
6. Макагонова Н.В. Актуальные проблемы в сфере уголовной ответственности за нарушение авторских прав // ИС. Авторское право и смежные права. 2022. № 7. С. 71-76.
7. Соловьев О.Г., Пилясов И.А. Особенности уголовно-правовой охраны интеллектуальной собственности в законодательстве некоторых зарубежных стран // Демидовский юридический журнал. 2024. Т. 14. № 3. С. 306-313.
8. Титов С.Н. Опыт уголовно-правового противодействия нарушению интеллектуальных прав стран ближнего зарубежья и Азии // Безопасность бизнеса. 2022. № 5. С. 59-64.

Список сокращений:

Уголовный кодекс Российской Федерации – УК РФ.
Уголовный кодекс Республики Казахстан – УК РК.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО

ИТАЛЬЯНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ДВУХ ДОСЬЕ» VS ПРИНЦИП СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН ОБВИНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ

**Ахпанов А.Н. – доктор юридических наук, профессор,
профессор Высшей школы права Astana International
University, заслуженный работник МВД РК,
Республика Казахстан, г. Астана**

I. УПК Италии от 24 октября 1988 года (далее – Кодекс) ввёл в уголовный процесс некоторые параметры состязательной системы. Одной из основных целей Кодекса было обеспечение возможности обвиняемому: лично услышать доказательства против него и оспаривать их при необходимости. Такая возможность предоставлялась через подход с «двумя досье (папками)». Согласно Кодексу – единственные доказательства, принимаемые во внимание против обвиняемого – это доказательства, представленные и проверенные на суде, а не доказательства, которые могли бы быть собраны в ходе предварительного расследования [1].

Новелла вызвала резкое неприятие в европейской романо-германской доктрине уголовного процесса. Оппоненты указывали на ошибочность механического рецептирования обвинительно-состязательной системы и многих решений Верховного суда США, возникшие противоречия и проблемы в судебной практике, несоответствие принципам и стандартам доказывания «американизированного» судопроизводства [2].

Опыт Италии показал, насколько сложно и невозможно радикальным образом менять юридическую культуру и вековые традиции.

II. Как ответ на эту реформу внедрения теории «двух досье», запрещающей направлять в суд уголовное дело, началась контрреформа. Конституционным судом Италии в 90-х гг. прошлого века бы приняты три решения, которые признавали явные нарушения ряда конституционных прав личности. Решения

Конституционного Суда 1992 года пытались поставить конец попытке Италии ввести так называемую «состязательную» систему уголовного судопроизводства.

а) Первое из этих известно, как *Решение Конституционного Суда № 24/1992*. Именно с него начались попытки разрушить идеи авторов Кодекса об отделении предварительного следственного этапа процедуры от судебного рассмотрения. Они были направлены на расширение способов получения информации из досье предварительного следствия, которая могла проникнуть в суд через показания следователей. Поставленный в Решении № 24/1992 перед судом вопрос касался конституционности ограничения, установленного ст. 195 УПК Италии. Суд особенно заострил внимание на ч. 4 ст. 195 УПК Италии, где вставал вопрос о недопустимости сотрудникам полиции давать показания в суде о досудебных материалах, собранных ими в ходе предварительного следствия. Основная идея этого правила заключалась в том, чтобы избежать введения досудебных показаний важных свидетелей с информацией о преступлении через показания следователя. Но Конституционный Суд пришел к заключению о том, что ч. 4 ст. 195 Кодекса признаётся неконституционной, поскольку ей не было дано разумного обоснования. Суд также подчеркнул, что для установления истины судья должен иметь доступ к как можно большей информации о преступлении, в т.ч. к её получению из «первой папки» через лиц, производивших расследование по делу. Это Решение следует воспринимать как попытку открыть возможность для получения данных первой папки через лиц, производивших следствие по уголовному делу. По последующим решениям Конституционного Суда можно сделать вывод о том, что он, в свою очередь, решительно намеревался свернуть основные столпы новой «состязательной» системы [3].

б) *Решение № 254/1992* является вторым из трёх актов Конституционного Суда 1992 года, которые подорвали основные опорные структуры новой «состязательной» системы Кодекса. Это Решение касалось второго абзаца ст. 513 УПК Италии, запрещавшего оглашать в суде досудебные показания соучастников, когда те уже допрашивались в суде. Это положение возникало в случаях, когда предполагаемый соучастник обвиняемого давал показания

полиции во время расследования, но, когда его вызывали для дачи показаний на суде, сообщник воспользовался правом хранить молчание. Суд постановил, что для выявления объективной истины судьям необходимо иметь возможность рассмотреть как можно больше информации о преступлении, которую они могут узнать в суде. Очевидно, что одним из факторов, который, вероятно, влиял на мотивировку членов Конституционного Суда в Решении № 254/1992, была угроза организованной преступности в Италии, когда гораздо сложнее добиться того, чтобы в суде соучастники давали показания друг против друга. Между тем Решение № 254/1992 касается не только организованных преступных групп, а может применяться по любому уголовному делу с несколькими обвиняемыми. Но все же давление на суд и всю итальянскую уголовно-процессуальную систему со стороны организованной преступности следует рассматривать как фоновый фактор при принятии Решения судом. Именно в 1992 году, когда итальянская мафия казалась более могущественной, чем полиция, было гораздо сложнее добиться того, чтобы соучастники давали показания друг против друга в суде [4].

в) Третье Решение Конституционного Суда в 1992 году – № 255/1992. Вопрос, которым был поставлен перед Конституционным Судом, касался конституционности пункта третьего ст. 500 УПК касательно использования предыдущих досудебных показаний свидетеля для опровержения его слов на суде. Ситуация, с которой столкнулся Конституционный Суд, была такова: свидетель дает одни показания во время предварительного следствия, но в стадии судебного разбирательства полностью или частично противоречит ранее им сказанному. Пункт третий ст. 500 УПК Италии предусматривал, что отказ свидетеля давать показания или подвергаться перекрестному допросу не могут рассматриваться как допустимые доказательства, имеющие существенное значение для исхода дела. А только оцениваются как подтверждение надежности свидетеля, не исключая его уголовную ответственность. Ограничения в пункте третьем ст. 500 Кодекса признаны Конституционным Судом как имеющие конституционное измерение. Но Суд пришел к заключению о том, что ограничения на использование показаний, полученных в ходе предварительного расследования, не обоснованы и явля-

ются неконституционными, поскольку они иррационально мешают поиску истины. Решение Конституционного Суда в деле № 255/1992 представляло собой оценку им правильного баланса между поиском истины и необходимостью справедливой процедуры для защиты прав обвиняемых [5].

III. Широкому обсуждению и критике среди казахстанских и постсоветских правоведов подверглось предложение экс-председателя Верховного Суда Республики Казахстан «Шаг № 5» по заимствованию итальянского опыта реформирования судебного производства с внедрением системы «двух папок (досье)» с целью мнимого усиления принципа состязательности сторон обвинения и защиты. Доктор юридических наук, профессор МГУ Л. В. Головкин высказывался, что введение такой реформы «чревато стать де стабилизирующим в обществе фактором», так как оно скорее ослабит сторону защиты и приведет к большим негативным последствиям. Именно единое уголовное дело является «компенсаторным механизмом» по процессуальному уравниванию сторон. Именно доступ суда к всестороннему, полному и объективному ознакомлению с обстоятельствами дела; доступ стороны защиты для формирования своей линии аргументации к уголовному делу позволяют установить материальную истину. Л. В. Головкин призывает также учитывать социальный аспект в последствиях реализации данного предложения [6].

IV. Дополнительные мои аргументы против итальянской концепции «двух досье»:

а) недопустимо переносить стандарты чужеродной, несвоей системы доказывания из частного права в публичное, из англо-саксонской процессуальной доктрины в романо-германскую (континентальную); казахстанский уголовный процесс исторически относится к следственной модели уголовного судопроизводства с публичным, письменным и тайным досудебным расследованием, состязательным главным судебным разбирательством;

б) уголовное судопроизводство в силу принципа публичности (ч. 1 ст. 34 УПК РК) не равнозначно условному понятию «уголовный иск», когда доказывание возлагается в равной мере на стороны, процесс доказывания ведется без досудебного производства непосредственно в суде первой инстанции, несопоставимы воз-

можные отрицательные правовые последствия, которые по уголовным делам будут необратимы;

в) ввиду правовой и фактической сложности установления обстоятельств многих преступлений, необходимости обеспечения явки участников, противодействия стороны защиты, попыток уклонения лиц от уголовной ответственности государство наделяет функцией досудебного расследования специализированные органы, предоставляя им широкие права на собирание доказательств и применение мер процессуального принуждения;

г) многие письменные материалы досудебного расследования (протоколы осмотра места происшествия, следственного эксперимента, документы финансово-экономической деятельности, заключение экспертизы и т.д.) не могут быть воспроизведены в суде без уголовного дела; свидетельствующие лица (потерпевший, свидетели) могут давать ложные или неточные показания ввиду подкупа, угроз, шантажа, прошедшего времени, забывчивости и т.д.);

д) в системе уголовно-процессуального доказывания собирание и исследование (проверка) доказательств и их предварительная оценка – непосредственная функция органов расследования, а судья (суд) обязан исследовать собранные ими и представленные в суд доказательства, дать им окончательную оценку, мотивировать принятие одних и отвержение других доказательств;

е) в силу разделения функций обвинения, защиты и разрешения дела на суд (судью) не может быть возложена функция повторного квази-собираания доказательств;

ж) подобные процедурные «реформы» не усилят независимость судьи при исследовании и оценке доказательств, а породят понижение качества расследования, пассивность стороны защиты до суда, возложение на суд несвойственных ему функций обвинения и защиты, затягивание сроков рассмотрения дела;

з) до переименования (в 2014 г.) в досудебное расследование оно именовалось как предварительное расследование. Тем не менее, выводы следователя, дознавателя по оценке фактических данных как доказательств остаются предварительными для суда. Суд, в соответствии с ч. 4 ст. 24 УПК РК не связан с мнением сторон по вопросам необходимости и достаточности исследования доказа-

тельств, имеющих в уголовном деле. В этой связи в ст. 125 УПК РК можно внести дополнение о том, что оценка доказательств следователем, дознавателем и прокурором является предварительной и не обязательной для суда при рассмотрении уголовного дела;

и) детальное разъяснение об окончательной и независимой от органов уголовного преследования оценке доказательств судом может быть дано в нормативном постановлении Верховного Суда РК от 20 апреля 2006 года № 4 «О некоторых вопросах оценки доказательств по уголовным делам».

И главное, подлинная, а не иллюзорная независимость судьи при отправлении правосудия в соответствии с Бангалорским принципами поведения судей, в первую очередь, внутри самой судебной системы как залог объективной, всесторонней и справедливой оценки доказательств судом. И только тогда каждый судья сможет смело, по внутреннему убеждению, в соответствии с законом, правосознанием и собранными доказательствами либо осудить виновного, либо оправдать невиновного.

Список источников

1. Барабанов П.К. Уголовный процесс Италии. – М.: Спутник+, 2019. – 461 с.
2. Elisabetta Grande, Italian Criminal Justice: Borrowing and Resistance // The American Journal of Comparative Law, Vol. 48, No. 2 (Spring, 2000), p. 238-240; William T. Pizzi, Mariangela Montagna, The Battle to Establish an Adversarial Trial System in Italy // Michigan Journal of International Law. Volume 25 Issue 2/ 2004 / p. 450- 457.
3. Sentenza N. 24 anno 1992 // <https://giurcost.org/decisioni/1992/0024s-92.html>
4. Sentenza N. 254/1992 // <https://giurcost.org/decisioni/1992/0254s-92.html>
5. Sentenza n. 255 del 1992 // <https://giurcost.org/decisioni/1992/0255s-92.html>
6. Головкин Л.В. Заключение по шагу № 5 казахстанской реформы главного судебного разбирательства по уголовным делам // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33692812

УПК РК – ИТОГИ ДЕСЯТИЛЕТНЕЙ ПРАКТИКИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

**Касимов А.А. – доктор юридических наук, профессор
профессор Высшей школы права Международного
университета Астана,
Республика Казахстан, г. Астана**

За десятилетний период применения этих трех кодексов накопился достаточный материал, который можно сегодня анализировать и предложить свои рекомендации.

Я буду говорить об уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан 2014 года.

Более десяти лет тому назад, когда разрабатывались и были приняты уголовно-процессуальный и другие кодексы, ставилась в числе других и задача исключить обвинительный уклон, который довлел над всеми нами. Мы хотели создать справедливое, объективное правосудие.

В части второй статьи 8 УПК РК (Задачи уголовного процесса) предельно ясно написано, что установленный законом порядок производства по уголовным делам должен (обращаю внимание на повелительную форму «ДОЛЖЕН») обеспечивать защиту от необоснованного обвинения и осуждения, незаконного ограничения прав и свобод человека и гражданина, а в случае незаконного обвинения или осуждения невиновного-незамедлительную и полную реабилитацию, а также способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению уголовных правонарушений, формированию уважительного отношения к праву.

Можем ли мы сегодня, по истечении более десяти лет уверенно сказать, что эти задачи решены.

К большому сожалению, мы не можем, так сказать.

Причин много, они кроются не только в недостатках уголовного, уголовно-процессуального законодательства. Вы все это прекрасно понимаете.

Но мы сегодня собрались, в основном юристы, для того чтобы подвести итоги десяти лет работы этих кодексов.

Очень много противоречий в самом уголовно-процессуальном кодексе. Начну с главного – с принципов уголовного процесса, понятие которых заложено в статье 9 УПК РК.

Так, принципами являются фундаментальные начала уголовного процесса, определяющие систему и содержание его стадий, институтов и норм, обеспечивающих общие условия реализации прав и обязанностей участников уголовного процесса и решение стоящих перед ним задачи. Таким образом, принципы – это **фундаментальные начала уголовного процесса**.

Далее, во второй части этой же статьи мы читаем, что нарушение принципов уголовного процесса в зависимости от его характера и существенности влечет признание процессуального действия или решения незаконным и далее по тексту статьи. Вроде все понятно.

Но обратите внимание на то, что решение вопроса- нарушен ли фундаментальный принцип правосудия отдан на субъективное усмотрение, на откуп судьям, прокурорам, следователям, что сводит на нет смысл и значение самих фундаментальных основ уголовного процесса, соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Вот и отсюда, с игнорирования фундаментальных основ, начинаются беды нашего правосудия. Отклонение от соблюдения единого понимания и применения норм права, массовое нарушение фундаментальных принципов стало нормой ежедневной работы должностных лиц правоохранительной и судебной системы.

Должностные лица – это следователи, прокуроры, судьи за такие нарушения не освобождаются от занимаемых должностей, не привлекаются к ответственности, начиная от дисциплинарной и заканчивая уголовной, поскольку оценка нарушения фундаментальных принципов отдано им же на субъективное усмотрение.

От этого страдает право, как объективный, справедливый регулятор соблюдения законных прав и свобод человека и гражданина, страдает само правосудие как таковое, страдают люди, страдает имидж Казахстана.

Что нужно сделать? Нужно внести изменения в часть вторую статьи девятой УПК. Нужно исключить слова «в зависимости от его характера и существенности». Дополнить текстом: «с привле-

чением, к установленной законом ответственности должностных лиц, допустивших нарушение принципов уголовного процесса».

Следующая проблема- это нестабильность наших законов.

Все вы знаете, что с момента принятия УПК были разработаны и приняты 109 законов, которыми внесены изменения в УПК. Это данные официального сайта Адилет, на котором печатаются эти изменения.

Сумасшедшая нестабильность наших законов. Практические работники не успевают освоить потенциал принятых законов, наработать практику их применения, как уже появляются новые законы, разработанные в интересах ведомств.

Поспешные, не проработанные, не прошедшие научной экспертизы изменения по инициативе, можно сказать под давлением, одного ведомства приводят к плачевным результатам. Особенно это касается кодифицированных законов (Кодексов), действие которых затрагивает законные права и интересы всего общества. Не секрет, что этим законопроектом занималась прокуратура.

Почему так происходит?

Я неоднократно участвовал в подготовке законопроектов и видел, как это происходит. Заинтересованное ведомство готовит законопроект, исходя исключительно из своего понимания право и из своих ведомственных интересов.

Затем происходит лоббирование этого законопроекта через Правительство и Парламент. Внести необходимые предложения в эти проекты в ходе обсуждения в рабочих группах и комитетах Парламента, практически невозможно.

Таким образом, такие проекты не проходят широкого обсуждения с привлечением специалистов, ученых с различных отраслей права на ранних стадиях его подготовки, не проходят правовой экспертизы.

Необходимо создавать рабочие группы с широким составом представительств на ранних стадиях подготовки законопроектов и что очень важно нельзя поручать ведомствам готовить проект.

С нами сегодня, вместе работают уважаемые депутаты, председатели профильных комитетов Парламента, Снежанна Валерьевна и Нурлан Кудиярович. Они эту проблему знают лучше меня.

Далее, ввели институт процессуального прокурора, который по замыслу авторов должен был вести прокурорский надзор за делом с момента следствия и до вынесения приговора в районном суде.

При этом это должен быть человек, который знает дело так сказать с самого первого дня расследования, давал согласие органам следствия на основные стадии досудебного следствия и эффективно, со знанием дела поддерживать или отказывается от обвинения в суде, помогая судье вынести законный, справедливый приговор.

Что же получилось на самом деле? На судебных процессах мы видим совершенно других прокуроров, нежели тех, кто надзирал за следствием, и к большому сожалению прокуроры, которые часто меняются на процессе, совершенно не знают материалы дела, они занимают либо пассивное положение, а в лучшем случае, на ходу читают материалы дела, говорят невпопад, вызывая удивление участников процесса.

Мне могут возразить, что это всего лишь слабая организация работу ведомства, что мол это не является недостатком закона. Позвольте не согласиться, так как такой работой нарушается сам закон, нарушаются права граждан.

Далее, позиция процессуального прокурора, который по итогам рассмотрения дела в суде высказал свое мнение, может быть не поддержано руководством прокуратуры и его заставляют готовить протест другого содержания. Нарушается принцип непосредственности, который предполагает личное восприятие, оценку установленных в судебном заседании обстоятельств дела.

И вдруг, прокурор района, который сидит в своем кабинете, приносит протест. Имеются факты, когда вышестоящий прокурор может отозвать протест. И все это формально законно, все в рамках норм уголовно-процессуального законодательства. Вот такой у нас УПК!

При подготовке УПК РК решалась задача, чтобы уголовное дело один раз рассматривалось в каждой судебной инстанции, чтобы не было судебной волокиты, так называемого судебного футбола, когда вышестоящая инстанция отменяла приговор районного суда и опять же направляла в районный суд для повторного рассмотрения.

Мы решили эту задачу?

Конечно, нет. Мы поставили районных судей в рамки сроков по рассмотрению дела и учиняем с них строгий спрос, хотя и ввели такое понятие, как разумные сроки для рассмотрения дела. Если судья отложил рассмотрение дела, то с него требуют объяснение, подразумевая его в неблагоприятных делах.

Я не исключаю, что есть отдельные недостойные судьи, но подозревать всех и вынуждать их выносить скороспелые приговоры по делам, нельзя. Судьи торопятся, не проверяют все доводы участников процесса, не истребуют дополнительные документы, так как на это потребуется дополнительное время.

Естественно, что на такие сырые приговоры приносятся обоснованные жалобы, как процессуального характера, так и огромный поток отрицательной информации в СМИ. И мы имеем общий фон недоверия судам. Вы все это знаете и без меня.

Несколько моментов по состоянию института апелляции, на которую мы возлагали надежду, что апелляционная инстанция, которая является судом де-юре и де-факто, устранил все ошибки суда первой инстанции, исследует все дополнительные доводы участников процесса, даст им правовую оценку и без возвращения дела в районный суд, вынесет объективный и справедливый судебный акт. И этот акт апелляции может быть обжалован в кассацию только по вопросам правовой оценки обстоятельств дела.

Этого не случилось. Почему?

Мы не сделали апелляцию полной и не дали им полномочия по исследованию всех дополнительных обстоятельств по делу без каких-либо ограничений, также ограничили в сроках рассмотрения дел на апелляции, и над ними висит дамоклов меч по количеству отмененных приговоров районных судов.

У нас до сих пор в приоритете отчеты по срокам и по количеству отмененных приговоров, а не по количеству незаконно осужденных, где именно имеются нарушения законных прав и интересов человека и гражданина. Мне могут возразить, что имеется такая графа в отчетности по количеству незаконно осужденных.

Да, имеется такая графа, но за нее нет спроса, как за большое количество отмененных приговоров. Надо лишить апелля-

цию право возвращать дела опять в районный суд для повторного рассмотрения.

Апелляционные суды должны, если имеются ходатайства участников процесса, без каких-либо ограничений, и по обстоятельствам, и по времени, так сказать, пройти по всему делу, дать оценку, устранить все без исключения нарушения суда первой инстанции, если таковые имеются и принять законное, справедливое решение по делу и естественно нести ответственность за свое решение. Нужно расширить полномочия адвокатов и перестать относиться к ним, как к лицам, мешающим следствию и судам.

Вот тогда и будет меньше жалоб в кассацию, меньше жалоб и в различные организации.

Мне могут сказать, что это всего лишь призывы. Нет это не призыв. Это можно сделать.

В таком варианте, жалобы, ходатайства в кассационную инстанцию будут подаваться только по основаниям неправильного применения норм права, а не так как сейчас и по обстоятельствам, и по нормам права. Вот тогда кассация станет судом права и будет создавать практику по стране.

ОБВИНЕНИЕ, ЗАЩИТА ОТ ОБВИНЕНИЯ, РАЗРЕШЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПО СУЩЕСТВУ: 10 ЛЕТ СПУСТЯ С МОМЕНТА ВВЕДЕНИЯ В ДЕЙСТВИЕ УК, УПК, УИК 2014 ГОДА

**Когамов М.Ч. – доктор юридических наук, профессор,
почетный академик НАН РК
(Астана, MNU)**

Прежде всего, полагаю, что период 10 лет, срок еще небольшой, чтобы ставить вопрос о принятии новых кодексов отраслей права криминального цикла. Периодическая коррекция данных кодексов исторически была всегда, это нормальное явление. Практика уголовного правосудия, как и жизнь, не стоит на месте, всегда требует повышенного внимания. Поэтому совершенствование норм указанных выше кодексов явление объективное, закономерное. И этот процесс необходимо продолжать до тех пор, пока мы не достигнем максимального приемлемого уровня защиты прав и свобод личности, интересов общества и государства в сфере уголовного правосудия.

Итак, принято считать, что классическая триада – Уголовный кодекс (далее – УК), Уголовно-процессуальный кодекс (далее – УПК) и Уголовно-исполнительный кодекс (далее – УИК) – всегда выражают сущность уголовной политики любого государства. Поэтому новая редакция одного из них неизбежно и, как правило, вызывает цепную реакцию – необходимость изменения двух других. В этом заключается их органичная взаимосвязь и только так достигается эффективность, законность и обоснованность всей уголовной политики государства в сфере борьбы с преступностью.

Как и прежде, центральным звеном в уголовной политике государства остается Уголовно-процессуальный кодекс, который является формой жизни уголовного закона и обеспечивает взаимопереход уголовной ответственности к осуществлению справедливого наказания за совершенное лицом уголовное правонарушение.

В этой связи **обвинение, защита от обвинения и разрешение уголовного дела по существу** по-прежнему остаются **основны-**

ми функциями уголовного процесса в контексте УПК Республики Казахстан от 4 июля 2014 года, независимо от коррекции норм данного кодекса в разные исторические периоды становления и развития правовой системы Казахстана.

В этой связи, важно напомнить, что УПК КазССР 1959 года корректировался порядка 75 законами; УПК 1997 года также 75 законами, а УПК 2014 года – на данный момент 111 законами.

Уже из этого ряда измерителей очевидно, что:

Первое. Законодательное совершенствование норм УПК отличается определенным постоянством. Это не застывшая в законодательном смысле отрасль национального права. Причины коррекции норм УПК разные, при этом не всегда последовательные, однако поддающиеся научному объяснению и классификации.

Второе. Коррекция норм УПК, в основном, опирается на данные науки уголовного процесса, насущные потребности практики противодействия преступности, учет норм международных документов в области защиты прав человека.

Третье. Процессуальное правотворчество требует максимально взвешенного подхода и должно опираться на обстоятельное исследование мнения практиков, специалистов, экспертов, в том числе органов и должностных лиц, ведущих уголовный процесс, адвокатов, национальных и международных правозащитных организаций, а также осужденных, потерпевших от преступлений лиц, выраженное в разных формах.

Четвертое. В сфере уголовного процесса сложились актуальные направления, над которыми стоит дополнительно поработать и улучшить содержание кодекса.

Таким образом, продолжение «вооруженности» основных функций уголовного процесса видится также в следующем.

Совершенствование функции обвинения, возлагаемой на органы и должностных лиц, ведущих уголовный процесс.

- Представляется, что формы досудебного расследования в интересах повышения эффективности работы дознавателей, следователей, прокуроров, исключения любых нарушений законности в этой стадии уголовного процесса, необходимо пересмотреть в сторону их сокращения: упразднить протокольное и приказное

производства, сохранив исключительно и только дознание, оканчиваемое с протоколом обвинения, предварительное следствие, завершаемое составлением отчета следователем и обвинительного акта прокурором, а также ускоренное досудебное расследование, с составлением протокола обвинения. При этом в рамках ускоренного досудебного расследования, осуществлять производство по всем категориям уголовных правонарушений, включая уголовные проступки (если этот институт сохранится в уголовном праве), за исключением особо тяжких преступлений.

- Казахстан ратифицировал ряд Конвенций ООН, которые имеют прямое отношение к уголовному процессу (по вопросам противодействия организованной преступности, коррупции, пыткам), но ничего масштабного по внедрению их норм, в частности в УПК, не предпринял. В этой связи, следует внедрить в УПК группы норм, обеспечивающие их эффективное расследование, судебное рассмотрение или ввести с этой целью в него отдельные, самостоятельные предметы доказывания данных деяний (обстоятельства, подлежащие доказыванию), соответственно, под номерами 113-1, 113-2, 113-3 УПК.

- Поводы к началу досудебного расследования в УПК в целом сформулированы, являются важными источниками доказательств, отвечают потребностям практики уголовного процесса. Вместе с тем, следует законодательно предусмотреть форму, содержание, перечень важных обязательных приложений, особенно по итогам ОРД – рапорта об обнаружении уголовного правонарушения – чтобы исключить любое незаконное начало досудебного расследования с его использованием.

- Предварительное обязательное согласование органом уголовного преследования с прокурором до выхода к следственному судье вопроса о получении санкции на производство отдельных процессуальных решений, шаг правильный, соответствующий требованиям Конституции РК, которая возлагает осуществление от имени государства уголовного преследования именно на прокуратуру. Таким образом, всякое «движение» следователей к следственным судьям за получением санкций, безусловно и безоговорочно, надо полагать, должно быть законодательно согласовано с

прокурорами, а сам процесс их получения должен происходить с прямым участием прокуроров.

- В интересах обеспечения процессуальной самостоятельности следователей, необходимо сократить случаи согласования ими с прокурорами отдельных процессуальных решений по уголовным делам, а также предусмотреть установление разумных процессуальных сроков, отводимых прокурорам для изучения ими в рамках согласования наиболее важных из них, например, об объявлении квалификации деяния подозреваемого, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования.

- Исключительно в интересах осуществления принципа состязательности и равноправия сторон уголовного процесса, повышения эффективности дознания, следствия, прокурорского надзора в ходе досудебного расследования, внедрить в УПК порядок, согласно которому в суд направляется только обвинительный акт, иной итоговый акт расследования, но без материалов уголовного дела.

В контексте изложенного, нам следует изменить подходы к совершенствованию деятельности органов, ведущих уголовный процесс, только через призму корректировки норм, в частности УПК.

Необходимо обратить самое пристальное внимание на практику их деятельности, где сегодня реализуются новые формы и методы досудебного расследования уголовных дел. И все это происходит на почве действующих норм отраслей права криминального цикла.

По этому вопросу адресую читателей сборника материалов нашей конференции к материалам другой конференции, в которой опубликовано мое выступление, смысл которого сводится к тому, что следственная практика безо всякой дополнительной коррекции норм УПК, предлагает новые формы расследования, которые, в частности основаны на использовании известного правила, закона «Парето». Такой подход конкретно выделяет органы уголовного преследования, которые действительно в настоящее время необходимо усилить, укреплять, развивать организационно (см. Когамов М.Ч. Эффективность расследования экономических преступлений, как основа совершенствования практики уголовного преследования и норм УПК. – Сборник материалов МНПК «Актуальные

вопросы правоохранительной деятельности». – Косшы, Академия Генеральной прокуратуры РК, 2025. С. 125-127).

Совершенствование функции защиты от обвинения.

- Появление в суде только обвинительного акта, порождает необходимость логичного присутствия в деле акта защиты адвоката. Адвокат и его работа станет активной, мотивированной и результативной. Исчезнет пассивность многих адвокатов. Они уравниются в шансах на установление истины в деле с органами уголовного преследования и прокурорами.

- Наряду с актом защиты и независимо от него, необходимо изменить формулировку нормы ч. 7 ст. 383 УПК. Сделать ее положения более обязательными, особенно, для стороны защиты. В частности, предлагается следующая формулировка норм части 7 указанной статьи: «7. Каждый участник судебных прений может представить суду в письменном виде предлагаемую им формулировку решения по вопросам, указанным в пунктах 1) – 6) части первой статьи 390 настоящего Кодекса. **Представление данной формулировки адвокатом обязательно.** Предлагаемая формулировка не имеет для суда обязательной силы».

- Важным ресурсом преодоления, к сожалению, имеющей место практики пассивности адвокатов в уголовном процессе до и в суде первой инстанции, а также повышения их профессионализма и активности в уголовном процессе, послужило бы введение в ч. 3 ст. 436 УПК такого самостоятельного основания для безусловной отмены приговора суда первой инстанции (под номером 4-1), как «установлена пассивность адвоката в уголовном деле» или «защитником (адвокатом) нарушены требования принципа состязательности и равноправия сторон».

- Предлагается обсудить вопрос об обязательном участии адвоката – защитника в уголовных делах против предпринимателей в следующей формулировке, которую можно предусмотреть в ч. 1 ст. 67 УПК под номером 12: «субъектом уголовного правонарушения является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность». Это будет новое самостоятельное основание обязательного участия защитника в уголовном деле.

- Материалы адвокатского досье, в определенных пределах, как процессуальные документы, должны представляться на обо-

зрение участникам уголовного процесса обязательно. Указание на обязательность обозрения процессуальных документов адвокатского расследования, следует закрепить в ст. 376 УПК «Оглашение протоколов следственных действий и документов» либо закрепить в самостоятельной статье УПК под номером 376-1 «Оглашение процессуальных документов адвокатского делопроизводства».

Совершенствование функции судебного контроля за соблюдением прав, свобод и законных интересов лиц в уголовном судопроизводстве, а также разрешения уголовного дела, по существу.

- Полагаем, что в интересах практики всего досудебного производства по уголовным делам, удобства пользования, целесообразно указать в единой статье всю подсудность следственных судей по уголовным делам, например, за номером 306-1 УПК, сразу после подсудности уголовных дел районным и приравненным к ним судам, либо разместить данные вопросы в отдельной части статьи 55 УПК.

- Правомерна постановка вопроса о сокращении количества санкций, дача которых в силу ч. 1 ст. 55 УПК возложена исключительно на следственного судью, которая фактически превратила его в еще одного прокурора. При таком подходе к объемам процессуальной деятельности следственных судей у сторон досудебного уголовного процесса всегда сохраняется право на полноценный судебный порядок рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения прокурора, органов уголовного преследования (см. нормы ст. 106 УПК).

- Считаем, что рабочие процессуальные материалы досье следственного судьи, должны законодательно быть частью главного судебного разбирательства. Это повысит роль и назначение института следственных судей в досудебном уголовном процессе и, вне всякого сомнения, скажется на качестве исполнения всеми участниками досудебного уголовного процесса задач, целей, принципов этой деятельности в данной стадии производства по уголовным делам.

- Как известно, статья 433 УПК РК закрепляет пять оснований к отмене или изменению приговора в порядке апелляции и кассации.

При этом пятое основание установлено в следующей формулировке: «Несоответствие назначенного судом наказания тяжести уголовного правонарушения и личности осужденного». То есть, наказание по своему виду и размеру может быть несправедливым вследствие чрезмерной мягкости или чрезмерной суровости. Это, кстати, одна из серьезных причин, устойчивой констатации в обществе и государстве политики предвзятости судей в вопросах осуществления правосудия и назначения уголовных наказаний.

Однако истоки такого поведения судей связаны с так называемыми пределами главного судебного разбирательства (см. ст. 340 УПК), которые никогда исторически законодательно не пересматривались, что существенно повлияло на низкую практику вынесения судами оправдательных приговоров и назначения справедливых уголовных наказаний.

Таким образом, пределы главного судебного разбирательства необходимо сузить, сконцентрировать только и исключительно на фигуре подсудимого, который предается суду и не больше. Все остальные формулировки, которые, в основном, преследуют интересы стороны обвинения, в нормах статьи ст. 340 УПК следует исключить, прежде всего, это касается словосочетания «и в пределах того обвинения, по которому он предан суду». Таким образом, вместо защиты «интересов права» в уголовном деле (судебного исследования точного соблюдения так называемой «формальности» или уголовно-процессуальной формы принятия решений и производства процессуальных действий органами расследования и прокурорами – см. ч. 5 ст. 23 УПК), суд юридически и фактически остается «заложником» интересов стороны обвинения в уголовном деле.

В целом, мое отношение к проблеме совершенствования норм отраслей права криминального цикла, получило последовательное и постоянное отражение в ряде моих научных публикаций разных лет, которые размещены в электронной библиотеке Университета КАЗГЮУ им. М. Нарикбаева.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

**Рахметулин А.Д. –
судья Верховного Суда Республики Казахстан**

Защита прав человека является одним из главных конституционных принципов государства. Для эффективной его реализации принимаются законы, кодексы, соответствующие правовые акты, разрабатываются механизмы защиты государственными органами.

В 2015 году в Казахстане начали действовать новые Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительные кодексы. Были введены новые институты: следственные суды, заключение процессуальных соглашений о признании вины и о сотрудничестве между подозреваемым и прокурором, осужденным и прокурором, упрощенный порядок досудебного расследования в виде приказного производства и судебное рассмотрение дела, электронное производство и другие новеллы. При этом нормы указанных кодексов за десятилетний период подвергались неоднократным изменениям и дополнениям, так как шло динамичное развитие общественных отношений в государстве, которое требовало корректировки действующего законодательства.

Однако есть еще нормы закона, которые требуют дальнейшего своего совершенствования в целях надлежащего обеспечения конституционных прав граждан нашей страны.

Конституция Республики Казахстан в статье 1 раскрывает важнейшую сторону характеристики Казахстана как правового государства, где человек, его жизнь, права и свободы провозглашаются высшей ценностью. Что носит гуманистический характер конституционного строя, заключающийся в том, что не человек создан для государства, а государство создано для человека.

Чтобы рассуждать об обеспечении прав, разберемся сначала, что они вообще собой представляют. Права и свободы человека и гражданина – это закреплённые в Конституции Казахстана неотъемлемые и неотчуждаемые права и свободы личности, т.е. принадлежат ему от рождения, а в надлежащих случаях в силу его гражданства, которые должны обеспечиваться, охраняться и защищаться

ся государством, а также составлять основы правового статуса личности. Закрепляя такое положение, государство берет на себя обязанность обеспечивать указанные в своем законодательстве права и свободы человека. Каждому человеку должна быть обеспечена возможность пользоваться всем возможным и дозволенным спектром прав и свобод. Государство же, в свою очередь, обязано гарантировать реальное осуществление этих прав и свобод всеми ему доступными средствами.

Одной из форм осуществления прав и свобод является реализация через механизм правосудия. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении правосудия, является одним из его универсальных принципов. Этот принцип раскрывается через некоторые предписания, указанные в Конституции, а также в иных нормативных правовых актах, касающихся непосредственно правосудия. Среди них можно выделить положения, которые требуют особого внимания, к ним относятся право на судебную защиту, на получение квалифицированной юридической помощи, неприкосновенность личности, их частной жизни и жилища.

Одним из обязанностей государства является обеспечение права на защиту, что служит необходимым условием справедливого правосудия.

Статья 13 Конституции Республики Казахстан гарантирует каждому обеспечение права на получение квалифицированной юридической помощи, а в случаях, предусмотренных законом, оказание юридической помощи бесплатно. Это означает, что государство несет ответственность за эффективность юридической помощи, оказываемой защитником, в том числе, по назначению.

Если обратиться к принципам международного права, то права человека должны обеспечиваться не формально, а реально, эффективно и с учетом конкретных обстоятельств каждого уголовного дела, и что каждый человек имеет право на практическую и эффективную, а не теоретическую и формальную юридическую помощь.

Эффективность защиты предполагает, что обвиняемый в полной мере понимает суть судебного разбирательства, имеет возможность разъяснить своим адвокатам собственную версию событий, указать на показания, с которыми он не согласен, и сообщить те факты, которые могут быть выдвинуты в его защиту.

С позиции Европейского Суда, если невозможность либо неспособность адвоката, предоставляющего правовую помощь, эффективным образом представлять интересы обвиняемого очевидна или должным образом представлена вниманию ответственных национальных властей, они обязаны вмешаться. Они могут сделать это, заменив адвоката, принудив его выполнять свои обязанности либо приняв иные меры, в том числе приостановив судебный процесс, дабы предоставить адвокату возможность исполнять свои обязанности эффективно.

Анализ правоприменительной практики показывает, что имеются проблемы в части оказания юридической помощи защитником по назначению, так как поступают жалобы осужденных лиц, что они не получили надлежащую квалифицированную юридическую помощь от защитников.

Формальное отношение защитника – адвоката по назначению к исполнению своих обязанностей, которое выражается только в виде присутствия его во время процессуальных действий, означает, как правило, неэффективность оказываемой им защиты.

Статья 13 Кодекса профессиональной этики адвокатов устанавливает, что обязанности адвоката при оказании юридической помощи за счет средств государства не отличаются от его обязанностей при оказании юридической помощи по письменному договору, заключенному с лицом, обратившимся за юридической помощью, то есть по оплачиваемому гонорару клиентом.

Возникает вопрос: несет ли государство ответственность за неэффективность защиты при формальном соблюдении всех норм, в совокупности регламентирующих право на защиту в уголовном судопроизводстве?

Считаем, что несет. Неэффективность защиты может быть обусловлена, во-первых, ненадлежащим исполнением защитниками своих профессиональных обязанностей перед доверителями по уголовным делам; во-вторых, отсутствием необходимых условий, обязанность обеспечения которых возлагается на государственные органы; в-третьих, отсутствием надлежащего контроля за качеством юридической помощи, оказываемой по уголовным делам.

Одним из причин неэффективного оказания юридической помощи адвокатами, назначенными для защиты лица по уголовному

делу за счет государства, полагаем, является несоразмерный размер оплаты гарантированной государством юридической помощи, оказанной адвокатом.

В соответствии с приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 30.06.2023 года №434 за участие на любой стадии производства по уголовному делу в качестве защитника подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного за совершение особо тяжкого преступления предусмотрен 1,15 месячного расчетного показателя (МРП–3450 тенге в 2023 году) за один час, за тяжкое преступление – 0,78 МРП, за уголовные проступки или преступления небольшой и средней тяжести – 0,56 МРП. Можно ли эти размеры считать достаточными для осуществления эффективной защиты. Наверное, нет.

Тем самым, защитники не проявляют активность по защите лиц, проходящих по уголовным делам, которым они были назначены органом, ведущим уголовный процесс.

Уголовные дела бывают со сложным, большим обвинением, многотомные, преступления, совершенные в группе лиц, с большим количеством привлекаемых лиц. Это все должно учитываться при оплате за гарантированную государством юридическую помощь адвокатам. То есть, должна быть соответствующая мотивация путем дополнительного коэффициента оплаты за такие дела. При этом Министерство юстиции должно осуществлять контроль за эффективностью оказываемой юридической помощи защитниками.

Следующий вопрос, который хотел озвучить, это вопрос дальнейшей конституционализации норм уголовного процесса.

Анализ практики показывает, что еще имеются некоторые нормы УПК, которые не в полной мере обеспечивают защиту конституционных прав граждан.

Статья 13 Конституции гарантирует каждому гражданину право на судебную защиту своих прав и свобод. И этот принцип должен охватывать все нормы закона, где затрагиваются права человека.

Законом от 9 июня 2021 года в УПК введена процессуальная фигура – свидетель, имеющий право на защиту. Это лицо, которое

указано в заявлении и сообщении об уголовном правонарушении, его совершившее, либо против него дает показания свидетель, участвующий в уголовном процессе, но к данному лицу не применено процессуальное задержание либо не вынесено постановление о признании его подозреваемым.

При этом вызывает вопрос по обеспечению процессуальной защитой всех его прав в ходе уголовного судопроизводства.

Почему?

Во-первых, в настоящее время создана практика на стадии досудебного расследования, когда лицо признано свидетелем, имеющего права на защиту, и на протяжении всего расследования находится в данном статусе, но в конце окончания расследования за 2-3 дня признается подозреваемым, составляется обвинительный акт и дело направляется в суд. Получается данный свидетель не имел всех тех прав, которые предоставлены подозреваемому, не мог осуществлять свою защиту полно, всесторонне на протяжении всего периода расследования.

Во-вторых, когда лицо осуждено за совершение уголовного правонарушения, приговор вступил в законную силу, но впоследствии судебные акты на основании ст. 505 УПК отменяются по вновь открывшимся обстоятельствам, так как это осужденное лицо в своем ходатайстве указал, что преступление совершил не он, а свидетель, имеющий право на защиту.

Однако данный свидетель не имеет права обжаловать постановление суда, которым отменены судебные акты по вновь открывшимся обстоятельствам.

Ограничения по обжалованию установлены в части 1 статьи 507 и части 1 статьи 502 УПК, так как жалобы, ходатайства прокурора, протесты на постановления суда первой и апелляционной инстанций, вынесенные по итогам рассмотрения ходатайства о возбуждении производства по вновь открывшимся обстоятельствам, могут быть поданы осужденным, оправданным, потерпевшим или их законными представителями и защитниками, прокурором. Данный перечень лиц является исчерпывающим.

Тем самым право на судебную защиту свидетеля, имеющего право на защиту, нормами УПК обеспечено не в полной мере.

Все эти вопросы требуют законодательного регулирования.

Также имеются вопросы по применению главы 71 УПК, регулирующей порядок осуществления производства о конфискации имущества, полученного незаконным путем, до вынесения приговора.

В случаях, когда подозреваемый, обвиняемый объявлены в международный розыск, либо в отношении них уголовное дело прекращено вследствие акта амнистии, за истечением срока давности привлечение к уголовной ответственности, и в отношении умершего, лицо, осуществляющее досудебное расследование, при наличии сведений об имуществе, полученном незаконным путем, возбуждает производство о конфискации имущества и материалы направляет в суд для рассмотрения еще до вынесения приговора по существу дела.

При вынесении судом постановления об удовлетворении ходатайства и конфискации имущества, данное постановление суда в соответствии со статьей 672 УПК может быть обжаловано, пересмотрено по ходатайству прокурора, опротестовано в порядке, предусмотренном УПК.

При этом в указанной норме закона не оговорено, например, как в части 1 статьи 486 УПК, о праве обжалования судебных постановлений иными лицами, интересы которых затрагиваются судебными актами. К этим лицам могут быть отнесены супруги, родители, дети и другие, которые оспаривают право собственности конфискованного имущества. Но указанная норма УПК ограничивает право обжалования и защиту права собственности на имущество заинтересованными лицами, которые не являлись участником процесса.

Тем самым конституционный принцип, заложенный в пункте 2 статьи 26 Конституции, что собственность гарантируется законом, остался нереализованным. Также пункт 2 статьи 13 Конституции гарантирует каждому право на судебную защиту своих и свобод.

В связи с чем, считаем, что требуется внесение изменений и дополнений в указанные статьи УПК для приведения их в соответствие с конституционными принципами.

Имеются вопросы соблюдения доступа к правосудию участников процесса при реализации части 5 статьи 340 УПК (пределы главного судебного разбирательства), которая регламентирует, что если в ходе главного судебного разбирательства возникла необходимость предъявления подсудимому более тяжкого обвинения или отличающегося от первоначального, то суд откладывает рассмотрение дела и предоставляет прокурору время, необходимое для составления нового обвинительного акта, протокола ускоренного досудебного расследования, протокола обвинения.

Новый обвинительный акт вручается участникам судебного процесса.

Однако вызывает вопрос, насколько сторона защиты сможет полноценно, всесторонне изучить дополнительные материалы и подготовиться к надлежащей защите по новому обвинительному акту в сторону отягчения положения подсудимого (более тяжкая статья УК по квалификации действий подсудимого).

Такой процессуальный подход видится нарушением обеспечения доступа к правосудию стороны защиты.

В связи с чем, данный вопрос требует обсуждения с научным сообществом и практиками.

По информации Конституционного Суда обжалование гражданами нормы УПК превышают другие жалобы. Этот показатель подтверждает необходимость дальнейшего совершенствования действующих кодексов в рамках обеспечения конституционных принципов защиты прав граждан.

БУЛЛИНГ В ПОДРОСТКОВОЙ СРЕДЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ

**Ханов Т.А. – доктор юридических наук, профессор,
Карагандинский университет Казпотребсоюза,
Республика Казахстан, г. Караганда
thanov@mail.ru**

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы буллинга, осуществляемого в подростковой среде. Особо выделяется правонарушения, совершаемые посредством цифровых технологий, так называемый кибербуллинг. Исследуются вопросы, связанные с пресечением и предупреждением насилия и угроз в молодежной среде. Авторы анализируют сущность буллинга и возможные последствия для жертв, особенно в контексте подростков, чья психоэмоциональная и социальная уязвимость делает их объектами неправомерных действий. Особое внимание уделяется вопросам профилактики буллинга и ответственности за распространение насилия в интернете, включая административную. Поднимается вопрос о необходимости введения уголовной ответственности за буллинг и кибербуллинг. Анализируются проблемы правоприменительной практики, констатируется необходимость совершенствования отечественного законодательства для эффективного противодействия буллингу в современных условиях глобальной цифровизации.

Ключевые слова: буллинг, кибербуллинг, насилие, угрозы, несовершеннолетние, меры противодействия, цифровая безопасность, ответственность, правоприменение.

БУЛЛИНГ ЖАСӨСПІРІМДЕР АРАСЫНДАҒЫ: БАСҚАРУ МӘСЕЛЕЛЕРІ МЕН ТЕРГЕУ

Аннотация: Мақалада жасөспірімдер арасындағы қорқыту мәселелері қарастырылған. Кибербуллинг деп аталатын цифрлық технологиялар арқылы жасалған құқық бұзушылықтарға ерекше

назар аударылады. Жастар арасындағы зорлық-зомбылық пен қоқан-лоққылардың жолын кесу және алдын алу мәселелері қарастырылған. Авторлар қорқытудың мәнін және жәбірленушілер үшін ықтимал салдарларды, әсіресе психоэмоционалды және әлеуметтік осалдығы оларды заңсыз әрекеттердің объектілеріне айналдыратын жасөспірімдер контекстінде талдайды. Ерекше назар қорқытудың алдын алу және интернетте зорлық-зомбылықтың таралуы үшін жауапкершілік, оның ішінде әкімшілік жауапкершілік мәселелеріне аударылады. Бұзақылық пен кибербуллинг үшін қылмыстық жауапкершілікті енгізу қажеттігі туралы мәселе көтеріледі. Құқық қолдану тәжірибесінің проблемалары талданып, жаһандық цифрландырудың заманауи жағдайында қорқытуға тиімді қарсы тұру үшін отандық заңнаманы жетілдіру қажеттігі айтылды.

Түйін сөздер: буллинг, кибербуллинг, зорлық-зомбылық, қауіп-қатер, кәмететке толмағандар, қарсы шаралар, цифрлық қауіпсіздік, жауапкершілік, құқық қорғау.

Современные информационные технологии предоставляют подросткам и детям уникальные возможности для общения, обучения и самовыражения. Однако наряду с преимуществами, интернет также представляет собой пространство, где несовершеннолетние становятся жертвами различных форм насилия. Особенно уязвимыми к насилию являются несовершеннолетние, чья психика и социальная идентичность находятся на стадии формирования [1]. Одной из наиболее опасных и распространённых форм такого насилия является буллинг, и особенно форма его проявления, совершенная с использованием цифровых технологий - кибербуллинг.

Проблемы подросткового буллинга в последнее время начали активно исследоваться учеными и практиками, в том числе как социально-психологического и противоправного явления [2; 3; 4].

Законодательством Республики Казахстан определено основное понятие буллинга, в которое входит кибербуллинг. Так, Законом Республики Казахстан от 8 августа 2002 года № 345 «О правах ребенка в Республике Казахстан» установлено, что травля (буллинг)

ребенка – систематические (два и более раз) действия унижительного характера, преследование и (или) запугивание, в том числе направленные на принуждение к совершению или отказу от совершения какого-либо действия, а равно те же действия, совершенные публично или с использованием масс-медиа и (или) сетей телекоммуникаций, и (или) онлайн-платформ (кибербуллинг) [5].

При этом ст.127-2 Кодекса Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК «Об административных правонарушениях» установлена административная ответственность за травлю (буллинг, кибербуллинг) несовершеннолетнего в виде предупреждения либо штрафа.

На сегодняшний день не предусмотрена уголовная ответственность за данное правонарушение. При этом за отдельные элементы, включающие в себя содержание буллинга либо кибербуллинга, может наступать уголовная ответственность.

В частности, ст.105 Уголовного Кодекса Республики Казахстан (далее – УК РК), предусматривает ответственность за доведение до самоубийства, склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства.

Причем в качестве признаков характеризующих объективную сторону данного деяния предусмотрены угрозы, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства. В качестве же квалифицирующих признаков п. 4 части 2 определены «посредством использования сетей телекоммуникаций, объектов информатизации, в том числе сети Интернет», а часть 3 предусматривает более строгую ответственность, если деяние совершено в отношении несовершеннолетнего.

Аналогично ответственность предусмотрена по ст.110 УК РК «Истязание», за причинение физических или психических страданий путем насильственных действий, совершенных с особой жестокостью, издевательством, с целью доставить мучения потерпевшему, если это деяние не повлекло причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. Однако не конкретизируются, что данные действия могут совершаться посредством использования телекоммуникационных сетей, тем более нет уточнения кибербуллинга в качестве квалифицирующего признака, что ставит

под сомнение возможность привлечения лиц, виновных в интернет-травле, к уголовной ответственности.

В качестве деяния, содержащего элементы буллинга может быть рассмотрена ст.131 УК РК «Оскорбление», поскольку включает в себе действия, связанные с унижением чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. При этом ч. 2 данной нормы прямо предусматривает привлечение к ответственности, если деяние совершено с использованием масс-медиа, сетей телекоммуникаций или онлайн-платформ. Однако, содержание данной нормы не охватывает всех действий, присущих содержанию буллинга или кибербуллинга.

В этой связи можно констатировать, что отсутствие чётко регламентированной в казахстанском законодательстве специализированной уголовно-правовой нормы, которая бы непосредственно регламентировала ответственность за буллинг, кибербуллинг, представляет собой значительную проблему в контексте правового регулирования данного явления. Поэтому на сегодня не существует чёткого механизма привлечения виновных лиц к уголовной ответственности за действия, связанные с буллингом, а также кибербуллингом. Это создаёт правовой вакуум и препятствует эффективному пресечению и привлечению к ответственности лиц, виновных в совершении данного правонарушения. В свою очередь сложившаяся ситуация негативно сказывается на общей правовой защите граждан (в первую очередь несовершеннолетних) от угроз, исходящих, в том числе, из онлайн-пространства.

При подготовке статьи была предпринята попытка поиска и анализа официальных статистических данных, отражающих масштабы буллинга и кибербуллинга в Казахстане. Однако, поскольку данные деяния не определены Уголовным кодексом как самостоятельное уголовное правонарушение, то выявить точные данные о числе зафиксированных случаев буллинга либо кибербуллинга не представляется возможным.

Вместе с тем следует отметить, что согласно ст.40 Закона Республики Казахстан от 19 июня 2024 года № 93-VIII ЗРК «О масс-медия» гражданин либо законный представитель ребенка в случае выявления в отношении ребенка фактов кибербуллинга

вправе в письменном виде или в форме электронного документа обращаться в уполномоченный орган с заявлением о совершаемых фактах кибербуллинга в отношении ребенка с указанием наименования масс-медиа, в котором происходят противоправные действия [6]. Однако такой подход считаем половинчатым, поскольку сама возможность обращения по факту кибербуллинга лишь показывает наличие данной проблематики и признание её на государственном уровне, но не способствует её разрешению ввиду отсутствия системного подхода и четких механизмов правовой регламентации.

Так же следует отметить, что кибербуллинг, в отличие от традиционного буллинга, происходит в основном в виртуальном пространстве, где агрессоры могут действовать анонимно или использовать псевдонимы, что значительно усложняет идентификацию виновных и привлечение их к ответственности.

Несмотря на то, что современные технологии позволяют отследить и установить недобросовестного пользователя, а крупные интернет-платформы, такие как Facebook, Instagram или TikTok, как правило, имеют механизмы мониторинга и возможности модерации контента, но это не вменено им в обязанность на законодательном уровне. В этой связи, многие операторы не осуществляют должного контроля за действиями пользователей, что приводит к распространению вредоносного контента без должной реакции со стороны владельцев интернет-платформ. Это делает вопрос защиты несовершеннолетних от кибербуллинга более актуальным и сложным, поскольку кибербуллинг часто происходит на платформах, которые не регламентируются как традиционные средства массовой информации и их информационная безопасность вызывает озабоченность.

Поэтому видится целесообразным разработка цифровых программ, обеспечивающих безопасность интернет-платформ и социальных сетей. При этом, предусмотреть не только контроль и возможности блокировки нежелательного контента, но и систему отслеживания действий недобросовестного пользователя, копирования криминологически значимой информации с последующей возможностью использования полученных фактических данных в качестве доказательств по уголовному делу.

Выводы.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что отсутствие уголовной ответственности за буллинг и кибербуллинг в действующем законодательстве Республики Казахстан является серьёзной проблемой, препятствующей эффективному реагированию на это явление. Следовательно, важным шагом является конкретизация в законодательстве определения кибербуллинга, что позволит избежать правовой неопределённости и улучшить правоприменительную практику. Кстати, аналогичные предложения уже высказывались отдельными казахстанскими авторами [7; 8].

Предлагается, в связи с ростом числа случаев кибербуллинга, который оказывает разрушительное воздействие на психоэмоциональное состояние пострадавших, необходимо ужесточить наказание за такие деяния в Кодексе Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК «Об административных правонарушениях». Кроме того, следует ввести специализированную норму в Уголовный Кодекс Республики Казахстан, чётко регламентирующую уголовную ответственность за буллинг, в случае наступления негативных последствий, и квалифицирующий признак – кибербуллинг.

В условиях растущей угрозы кибербуллинга и увеличения числа правонарушений, совершаемых в виртуальной среде, особенно важно обратить внимание на необходимость актуализации работы правоохранительных органов в данной сфере. Одной из ключевых проблем является недостаточный уровень подготовки сотрудников правоохранительных органов в области информационных технологий, что затрудняет эффективное выявление, пресечение и расследование случаев кибербуллинга.

В связи с этим, необходимо усилить внимание к обучению и повышению квалификации работников правоохранительных органов в сфере современных IT-технологий и инновационных методах расследования киберпреступлений. Одним из возможных путей решения данной проблемы является организация регулярных курсов, вебинаров и семинаров, на которых сотрудники смогут приобрести необходимые знания и практические навыки для работы с цифровыми следами и анализа данных, связанных с кибер-

буллингом, а также для использования современных технических средств и методов при расследовании данных видов правонарушений. Это обучение должно охватывать как базовые аспекты работы с интернет-ресурсами, так и более сложные темы, такие как идентификация злоумышленников, использование инструментов для мониторинга интернет-пространства, а также содержать основы мониторинга социальных сетей и мессенджеров, где зачастую происходит проявление кибербуллинга [9, с.40].

Кроме того, необходима разработка программ обучения и повышения квалификации следственных работников, направленных на изучение особенностей противоправного поведения подростков, в том числе связанных с различными формами травли. Включение в данные программы вопросов тактики, методики расследования, ведения психологической работы в условиях конфликтной ситуации и разрешения рисков в подростковой среде. Для разработки такой программы необходимо привлечение специалистов из разных сфер науки и образования.

Эти меры позволят не только повысить правовую защиту граждан от угроз, исходящих от из онлайн-пространства, но и создадут основы для эффективной борьбы с буллингом и кибербуллингом как социальным явлением, способным наносить значительный вред обществу, в том числе и подрастающему поколению.

Список использованных источников.

1. Волгутова А.И. Буллинг как новое социальное явление у молодежи // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 85-1. С. 139-141.
2. Макарова Е.А., Осадчая А.В., Абросимова Е.Б. Буллинг – социально-психологический феномен современной образовательной среды // Национальное здоровье. 2023. № 1. С. 50-61.
3. Майорова А.В. Интернет-буллинг как особый вид правонарушения // Экономика и общество: перспективы развития. Сборник докладов VI Всероссийской научно-практической конференции. Киров, 2022. С. 58-60.

4. Ерназарова Р.М., Хуснутдинова Д.И. Буллинг в подростковой среде // Глобальная экономика и образование. 2023. Том 3. № 2. С. 78–88.
5. Закон Республики Казахстан N 345 от 8 августа 2002 года «О правах ребенка в Республике Казахстан» [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345>
6. Закон Республики Казахстан от 19 июня 2024 года № 93-VIII ЗРК «О масс-медия» [Электронный ресурс] Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38665430
7. Шамшудинова Г.Т., Плотникова И.Е., Кабдулина К.Т., Авилхан А., Батай А. Проблемы правового регулирования ответственности за кибербуллинг // Вестник Торайгыров университета. Гуманитарная серия. 2021. № 2. С. 22-28.
8. Нукушева А.А., Куандыков Б.Ж., Жайлау Ж. Сравнительно-правовой анализ законодательства по противодействию кибербуллингу среди детей школьного возраста в современных юрисдикциях // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2024. № 2 (77). С. 247-260.
9. Ханов Т.А., Смагулова А.С. Кибербуллинг: правовые меры по борьбе с онлайн насилием и угрозами // Актуальные проблемы современности. 2024. № 4 (46). С. 32-41.

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Каракушев С. И. – кандидат юридических наук
Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова

Мухамбетова А.Б. – магистр юридических наук
Кокшетауский университет им. Абая Мырзахметова

Аннотация: В статье анализируются действующие цели уголовного и уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан и цели уголовного-исполнительного законодательства ряда стран ближнего и дальнего зарубежья. На основе проведенного исследования, а также соответствия международным стандартам в уголовно-исполнительное законодательство вносятся новые цели, такие как: 1) обеспечение исполнения наказаний; 2) ресоциализация осужденных.

Ключевые слова: цели уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, исполнение наказаний, ресоциализация осужденных, восстановление социальной справедливости, исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений.

Уголовно-исполнительное законодательство играет ключевую роль в правовой системе, регулируя порядок исполнения наказаний, назначаемых судом. Эффективность функционирования данного законодательства зависит от того, насколько оно способствует достижению целей, стоящих перед уголовно-исполнительной практикой. В Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года записано, что в целях улучшения регулирования порядка и условий исполнения и отбывания наказаний и иных мер уголовно-правового регулирования, а также усиления охраны прав

и свобод, осужденных требуется дальнейшее совершенствование уголовно-исполнительного законодательства, в том числе путем его приближения к общепризнанным международным стандартам. Также отмечается о дальнейшем переходе к камерному типу содержания осужденных с одновременным внедрением современных технологий и средств видеофиксации, обеспечивающих эффективный контроль за поведением осужденных. При этом, делается акцент на продолжении работы по цифровизации процессов исполнения наказаний и автоматизированного учета численности осужденных в учреждениях УИС и службах пробации с возможностью их анализа по различным критериям [1].

Следует отметить, что вопросы безопасности, стабильности и защиты прав личности являются объектом постоянного внимания со стороны руководства страны и правоохранительных органов. Так в своем Послании народу Казахстана, Глава государства отмечает, что **следует всемерно утверждать в обществе идеологию закона и порядка**. Во всех обществах, в нашем в том числе, существуют запросы на такие базовые категории, как справедливость и безопасность. Полноценное удовлетворение этих основных потребностей является надежным показателем эффективности государства. Одна из моих основных задач – сделать Казахстан территорией комфортной и безопасной жизни. Перед правоохранительными и профильными государственными органами поставлена задача – обеспечить всестороннюю безопасность граждан [2]. Нами видится, что утверждение указанных принципов в правоприменительную практику невозможно и без определения целей уголовно-исполнительного законодательства, поскольку от надлежащего исполнения наказаний, исправления осужденных, возврата их полноценной и законопослушной жизни зависит состояние правопорядка и обеспечение гарантий безопасности граждан в целом.

Цели уголовно-исполнительного законодательства закреплены в статье 4 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан (*далее – УИК РК*) и определены в следующих видах: 1) восстановление социальной справедливости; 2) исправление осужденных, 3) предупреждение совершения новых уголовных правонарушений как осужденными, так иными лицами[3]. При

этом, законодатель в соответствии с указанными целями определил задачи, при выполнении которых возможно достижение представленных целей. Наряду с этим, хотелось бы отметить, что цели уголовно-исполнительного законодательства полностью совпадают с целями уголовного законодательства, что на наш взгляд является не совсем правильными, как с точки зрения самостоятельности отраслей права, так и законодательной техники, как механизма регулирования общественных отношений.

Проблемы установления целей исполнения наказаний, их место и роль в уголовной и уголовно-исполнительной политике являются аспектами сложными и дискуссионными. Следует констатировать, что на сегодняшний день в научной литературе нет устоявшего мнения относительно единообразного и точного установления целей наказания, а накопившиеся знания и проводимые научные исследования с каждым разом подогревают интерес к избранной тематике, актуализируя при этом необходимость в поиске новых целей, соответствующих международным стандартам отбывания наказания и отвечающие требованиям современного общества.

В этой связи, полагаем, что проведенный сравнительно-правовой анализ существующих целей исполнения наказания в уголовно-исполнительном законодательстве некоторых стран, и особенно ближнего зарубежья будет способствовать уяснению имеющихся целей и выработке новых решений, позволяющих достижения желаемого результата. Так в статье 1 УИК РФ записано, что целями уголовно-исполнительного законодательства является исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами[4] и отметить, что они частично совпадают с целями уголовного наказания. Законодателем соседнего государства, такая цель, как «восстановление социальной справедливости» обосновано отнесена к стадии назначения наказания, поскольку именно на этой стадии принимается судебное решение о сроках наказания и выборе уголовно-исполнительного учреждения, что по сути играет определяющую роль в реализации государством правоохранительной функции в обеспечении защиты охраняемых законом интересов. В уголовно-исполнительном законодательстве Кыргызской Республики, в пункте 1 статьи 2 УИК

КР исправление осужденных, а также предупреждение совершения преступлений как осужденными, так и иными лицами закреплены в качестве цели, и они являются схожими с целями казахстанского законодательства [5]. Аналогичная формулировка целей уголовно-исполнительного законодательства нашла свое закрепление и в УИК Республики Беларусь [6]. В свою очередь в уголовно-исполнительном законодательстве Республики Узбекистан отсутствуют нормы содержащие цели исполнения наказания, а в статье 2 УИК Республики Узбекистан записано, что задачами уголовно-исполнительного законодательства являются обеспечение исполнения наказания, исправление осужденных, предупреждение совершения преступлений, охрана прав, свобод и законных интересов, осужденных [7]. В то же время следует отметить, что в статье 42 Уголовного кодекса Республики Узбекистан дается регламентация целям наказания и указано, что оно применяется в целях исправления, воспрепятствования продолжению преступной деятельности, а также предупреждения совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами [8]. Весьма оригинальная формулировка целей исполнения наказания закреплена в статье 1 УИК Украины, которая регламентирует порядок и условия исполнения и отбывания уголовных наказаний в целях защиты интересов личности, общества и государства путем создания условий для исправления и ресоциализации осужденных, предупреждения совершения новых уголовных правонарушений как осужденными, так и другими лицами, а также предупреждения пыток и нечеловеческого или унижающего достоинство обращения с осужденными [9]. Если обратиться к Закону об исполнении уголовных наказаний Норвегии 1976 года в статье 2 «Цели Закона» изложено, что исполнение наказания должно осуществляться таким образом, чтобы оно способствовало достижению целей наказания, состоящих в профилактике новых преступлений, обеспечения безопасности общества и в создании, в этих рамках, удовлетворительных условий содержания для заключенных. В Норвегии, начиная с 1970-х годов, была внедрена модель, ориентированная на минимизацию изоляции осужденных, создание образовательных и трудовых программ и предоставление психологической помощи. Такие подходы доказали свою эффективность,

о чем свидетельствует один из самых низких уровней рецидивной преступности в мире [10]. Согласно «Закона об исполнении наказаний» в Германии основная задача системы исполнения наказаний – это ресоциализация осужденных, и только после этого обозначается цель «защиты общества от дальнейших преступлений». Стоит отметить, что § 1 Закона «Об исполнении наказаний в федеральной земле Северный Рейн – Вестфалия» по своему содержанию идентичен федеральному закону, однако аспект обеспечения безопасности общества от дальнейших преступлений вообще не обозначен. На уровне федеральной земли Северный Рейн – Вестфалия ресоциализации уделяется организации социальной, психологической работы с осужденными, определению и восприятию процесса их реинтеграции в сообществе, характеристике ресоциализационной работы и мерам, получившим в последние годы особую динамику и направленным на достижение главной цели работы пенитенциарных учреждений Германии – исправление заключенных и их возвращение, и адаптацию в обществе. Многоаспектность и многовекторность процесса ресоциализации заключенных стали в последние годы своеобразной визитной карточкой немецкой уголовно-исполнительной системы [11]. Из приведенного анализа становится видно, что некоторые страны по одному и тому же вопросу имеют одинаковые по своему содержанию цели исполнения наказания, другие напротив, диаметрально противоположные, причем с уклоном на ресоциализацию осужденного, а не только на исправление, что на сегодняшний день является эффективным и положительно зарекомендованным средством в исполнении наказаний большинства европейских стран. Пенитенциарная система Республики Казахстан, являясь частью правовой системы постсоветского пространства, сохраняет черты, унаследованные от советского периода, однако в последние годы в ней произошли значительные реформы. Эти изменения направлены на приведение национального законодательства и практики в соответствие с международными стандартами, к примеру, открытие института probation, деятельность которой в настоящее время реализуется в усеченном формате. Тем не менее, многие аспекты казахстанской пенитенциарной системы остаются предметом критики со стороны правозащитных организаций, что свидетельствует о не-

обходимости дальнейшего реформирования с точки зрения их подходов к гуманизации, ресоциализации осужденных и обеспечения исполнения наказаний.

Гуманизация предполагает отход от исключительно репрессивной функции наказания в сторону ресоциализации, что подразумевает восстановление личности осужденного, его включение в общественную жизнь после освобождения и минимизацию рисков рецидива. Это все потребует создания соответствующих условий содержания, качественного подбора персонала УИС, предоставления доступа к образованию, максимальной трудовой занятости, медицинскому обслуживанию, а также оказание психологической помощи и социальной реабилитации и многое другое. В Концепции правовой политики Республики Казахстан записано, что ресоциализация в уголовно-исполнительной системе имеет первостепенную важность в вопросе сохранения общественного порядка в государстве. На сегодняшний день данный институт характеризуется наличием проблем, которые связаны с неоказанием в отдельных случаях установленных законом видов помощи: медицинская, образовательная, овладение профессией, получение льгот и социальных выплат. Однако, несмотря на имеющиеся стратегические цели по поступательному развитию идеи ресоциализации уголовно-исполнительная политика не предпринимает действенных шагов по их реализации.

О необходимости перехода на новые формы работы с осужденными, о введении института ресоциализации в деятельность уголовно-исполнительной системы также говорят материалы научных публикаций ученых-пенитенциаристов и высказывания экспертного сообщества. Так по мнению профессора Скакова А.Б. касательно создания службы пробации подмечено, что внедрение полного цикла пробации обеспечит непрерывность процесса ресоциализации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, которая главным образом влияет на динамику тюремного населения и уровень рецидива, то есть на повторность совершения преступлений лицами, отбывшими наказание [12]. Ранее я уже отмечал о неполноценной работе службы пробации. О переходе на новые и современные подходы в работе УИС РК высказывает свою точку зрения другой ученый, эксперт в области уголовно-ис-

полнительного права Саламатов Е.А., который отмечает об унаследовании устаревших и не отвечающих современным трендам отдельных положений, напрямую касающихся пенитенциарной системы, к таковым он относит цели уголовного законодательства. Отдавая предпочтение ресоциализации нежели исправлению, он указывает о неэффективности исправления лица (в учреждениях, не именуемых как ранее исправительными) в условиях строгой изоляции, поскольку последний вынужденно подстраивается под правила внутреннего распорядка и требования администрации, и которое будет крайне сложно оценить. В качестве положительного примера внедрения института ресоциализации с осужденными он опирается на зарубежный опыт, который направлен на подготовку осужденного к жизни в обществе после отбытия наказания [13].

В целом, проведенное исследование свидетельствует о необходимости отхода от старых и устоявшихся целей уголовно-исполнительного законодательства, как не соответствующих международным стандартам и современным реалиям настоящего времени. Следует отметить, что идеи перехода к ресоциализации потребуют пересмотра отдельных норм законодательства, либо принятие нового уголовно-исполнительного кодекса, а вместе с ним и целого пакета сопутствующих законодательных актов, в том числе бюджетного и материально-технического обеспечения.

В связи с этим, предлагается в статье 4 УИК РК исключить ныне действующие цели и ввести новые:

1. В целях повышения эффективности реализации задач, установленных пунктом 2 статьи 4 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан, а также обеспечения соответствия уголовно-исполнительной деятельности нормативно закреплённым требованиям санитарно-гигиенического, продовольственного и материально-бытового характера, представляется целесообразным нормативное закрепление новой цели уголовно-исполнительного законодательства – **обеспечение исполнения наказаний**. Установление данной цели предполагает необходимость последующего пересмотра и актуализации действующих задач уголовно-исполнительной системы с учётом новых направлений её правового регулирования.

2. Основываясь на положительном опыте зарубежных стран в работе с осуждёнными и с целью предотвращения рецидива преступлений, а также содействия возвращению осуждённых к полноценной и законопослушной жизни, предлагается включить в уголовно-исполнительное законодательство новую цель – ресоциализацию.

Список использованных источников

1. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 г. №674.
2. Послание главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана от 2 сентября 2024 г. «Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм».
3. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 г.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г.
5. Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики от 24 января 2017 г.
6. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь от 11 января 2020 г.
7. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Узбекистан от 25 апреля 1997 г.
8. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г.
9. Уголовно-исполнительный кодекс Украины от 11 июля 2003 г.
10. <https://img3.custompublish.com/getfile.php/3681430.823.uxpdvfsvuq/Straffegjennomf%C3%B8ringsloven%2B-%2Brussisk.pdf?return=kriminalomsorgen.custompublish.com>
11. <http://publishing-vak.ru/file/archive-law-2019-11/22-vasileva-kazakova.pdf>
12. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-perspektivah-razvitiya-protsessa-ispolneniya-ugolovnyh-nakazaniy-i-probatsii>
13. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31346284&pos=6;-111#pos=6;-111

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВИДА УЧРЕЖДЕНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Мухамадиева Г.Ж. – кандидат юридических наук,
ассоциированный профессор, начальник кафедры уголовного
права и криминологии, полковник полиции,
Карагандинская академия МВД РК им. Б. Бейсенова,
Республика Казахстан, г. Караганда,
e-mail: gmuhamadieva@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматривается правовая природа и сущность лишения свободы, а также видов учреждений уголовно-исполнительной системы для лиц, совершивших коррупционные преступления, предусмотренные главой 15 Уголовного кодекса Республики Казахстан. Выявлены проблемы применения вида учреждения уголовно-исполнительной системы для лиц, совершивших получение взятки, дачу взятки в особо крупном размере, а также в составе преступной группы.*

Автором выработано предложение о целесообразности дифференцированного подхода при выборе вида учреждения уголовно-исполнительной системы для лиц, совершивших коррупционное преступление.

Исследование подчёркивает значимость законодательного оформления такого вида наказания как лишение свободы для субъектов коррупционных правонарушений в целях повышения эффективности уголовно-правовой системы и совершенствования правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: коррупционные преступления, лишение свободы, учреждения уголовно-исполнительной системы.

***Аннотация.** Мақалада Қазақстан Республикасы Қылмыстық кодексінің 15-тарауында көзделген сыбайлас жемқорлық қылмыстар жасаған адамдар үшін бас бостандығынан айырудың*

құқықтық сипаты мен мәні, сондай-ақ қылмыстық-атқару жүйесі мекемелерінің түрлері қарастырылады. Аса ірі мөлшерде, сондай-ақ қылмыстық топтың құрамында пара алған/берген адамдар үшін қылмыстық-атқару жүйесі мекемесінің түрін қолдану проблемалары анықталды.

Автор сыбайлас жемқорлық қылмыс жасаған адамдар үшін қылмыстық-атқару жүйесі мекемесінің түрін таңдау кезінде сараланған тәсілдің орындылығы туралы ұсыныс әзірледі.

Зерттеу қылмыстық-құқықтық жүйенің тиімділігін арттыру және құқық қолдану қызметін жетілдіру мақсатында сыбайлас жемқорлық құқық бұзушылық субъектілері үшін бас бостандығынан айыру сияқты жазаның бұл түрін заңнамалық ресімдеудің маңыздылығын атап көрсетеді.

Негізгі сөздер: *сыбайлас жемқорлыққа қарсы іс-қимыл, сыбайлас жемқорлық қылмыстар, қылмыстық-атқару жүйесі мекемелері.*

В контексте активизации мер по борьбе с коррупцией особую значимость приобретает анализ эффективности назначения наказаний за коррупционные правонарушения с точки зрения реализации целей, закрепленных в части второй статьи 39 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее-УК РК). В настоящее время противодействие коррупции приобрело системный и наступательный характер, что привело к существенным изменениям в уголовной ответственности за коррупционные преступления [1, с.27].

При назначении наказания за коррупционные преступления судам необходимо руководствоваться положениями, содержащимися в Нормативном постановлении Верховного суда Республики Казахстан от 27 ноября 2015 года № 8 «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений». В частности, суды должны строго соблюдать принцип дифференцированного подхода, учитывая тяжесть преступления и личность виновного, избегая крайностей в назначении наказания. Важно отметить, что дополнительное наказание в виде пожизненного лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной

деятельностью является обязательным для лиц, совершивших коррупционные преступления, независимо от того, занимали ли они такие должности или занимались ли они такой деятельностью в момент совершения преступления [2].

Сведения о рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности включены в статистическую отчетность в качестве отдельной формы отчетности (отчет №3-К). К сожалению, в ней представлены данные, не отражающие в полной мере структуру коррупционных уголовных правонарушений. Тем не менее, обращаясь к материалам таблицы, составленной на основе сводки показателей, можно констатировать тенденцию к росту судимости за преступления коррупционной направленности.

В 2024 году в Казахстане было зарегистрировано 1 641 коррупционное преступление. Однако, несмотря на это число, количество уголовных дел, направленных в суд, значительно меньше, чем количество дел, по которым досудебное расследование было прекращено или приостановлено.

Так, из 1 641 зарегистрированных преступлений:

- досудебное расследование завершено по 1 421 делам;
- в суд направлено 1 249 уголовных дел;
- досудебное расследование прекращено по 767 преступлениям (172 по нереабилитирующим основаниям и 595 по реабилитирующим);
- сроки досудебного расследования были прерваны по 34 206 преступлениям.

Из этих данных видно, что количество коррупционных преступлений, по которым прекращено досудебное производство, а также прерваны сроки досудебного расследования, превышает число коррупционных преступлений, по которым уголовные дела были направлены в суд [3].

В данном исследовании применялся метод системного анализа, благодаря которому изучены вопросы применения нормы статьи 46 УК РК и значение вида учреждения уголовно-исполнительной системы для лиц, совершивших коррупционные преступления. Также в юридической литературе применяется сравнительно-правовой и формально-юридический методы, позволяющие выявить

коллизии в законодательстве. На основе анализа научных данных были сформулированы выводы и предложения по совершенствованию законодательства.

В связи с объективными реалиями имеется потребность в улучшении работы государственного аппарата и оптимизации антикоррупционного законодательства Республики Казахстан. Важно обеспечить непрерывное развитие антикоррупционного законодательства и задействовать все правовые механизмы в противодействии коррупции [4, с.233].

«Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года», утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года, указывает на проблему избыточной детализации законодательства и необходимость ее решения путем ревизии законов [5].

Эффективность противодействия уголовным правонарушениям, в том числе коррупционным преступлениям, прежде всего зависит от состояния законодательства и правильности правоприменительной практики. Однако некоторые нормы Уголовного кодекса характеризуются низким качеством правовой техники.

Глава 15 УК РК включает девять из восемнадцати статей, которые касаются ответственности за коррупционные преступления. Наиболее опасными из них являются получение взятки (ст. 366 УК РК), дача взятки (ст. 367 УК РК) и посредничество во взяточничестве (ст. 368 УК РК). При этом, следует согласиться с мнением Рахметова С.М., который высказал позицию о необоснованном смягчении условий отбывания наказания в виде лишения свободы за наиболее опасные коррупционные преступления, чем грубо нарушен конституционный принцип равенства всех перед законом. По действующей редакции ст. 46 УК РК все же остается в силе возможность отбывания наказания в виде лишения свободы в учреждениях уголовно-исполнительной системы минимальной безопасности за получение/дачу взятки. (https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37178045&pos=6;-106#pos=6;-106) [6].

В Республике Казахстан, в зависимости от тяжести коррупционного преступления и решения суда, должностные лица, признанные виновными, могут быть направлены для отбывания наказания

в исправительные учреждения различного типа, от учреждений минимальной безопасности до учреждений полной безопасности. Окончательное решение о выборе учреждения принимает суд, учитывая все обстоятельства дела.

В пунктах 2, 3, 4 нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан от 23 июня 2006 года № 7 «О судебной практике назначения видов учреждений уголовно – исполнительно-исполнительной системы лицам, осужденным к лишению свободы» разъясняется в каком учреждении уголовно-исполнительной системы отбывают наказание лица, совершившие коррупционные преступления.

В учреждения уголовно-исполнительной системы **минимальной безопасности** направляются лица (мужчины и женщины), осужденные:

- за преступления, предусмотренные Главой 15 УК РК, в случае полного возмещения ими ущерба, причиненного преступлением, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1-1, 2, 3 и 4 ст. 366, ч. 2, 3 и 4 ст. 367, ч. 2 ст. 368;

- впервые осужденные за совершение умышленного преступления, за которое назначено наказание к лишению свободы на срок до двух лет включительно, за исключением преступлений, предусмотренных ч. 1-1, 2, 3 и 4 ст. 366, ч. 2, 3 и 4 ст. 367, ч.2 ст. 368 УК.

Лицам (мужчинам и женщинам) отбывание наказания в виде лишения свободы в учреждениях уголовно-исполнительной системы **средней безопасности** назначается:

- осужденным к лишению свободы, в том числе на срок менее двух лет, за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1-1, 2 и 3 ст. 366, ч. 2 и 3 ст. 367, ч. 2 ст. 368, ранее не отбывавшим наказание в виде лишения свободы.

Отбывание наказания в виде лишения свободы в учреждениях уголовно-исполнительной системы **максимальной безопасности** назначается лицам (мужчинам и женщинам):

- лицам, осужденным к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1-1, 2 и 3 ст. 366, ч. 2 и 3 ст. 367, ч. 2 ст. 368, ранее отбывавшим лишение свободы за совершение умышленного преступления или преступления по неосторожности [7].

В ч. 5 ст. 46 УК РК «Лишение свободы» отражены правила отбывания наказания в виде лишения свободы, а также вид учреждения уголовно-исполнительной системы.

В абзаце втором п. 2 ч. 5 ст. 46 УК сказано, что отбывание наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы средней безопасности назначается лицам, осужденным к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных ч.1-1, 2, 3 ст.366 УК РК, ч.2, 3 ст. 367 УК РК, ч.2 ст. 368 УК РК, ранее не отбывавшим лишение свободы.

Если обратиться к содержанию норм, в ст. 366 и ст. 367 УК РК есть еще часть 4, предусматривающая ответственность за совершение получение/дачи взятки в особо крупном размере и в составе преступной группы. Однако в п. 2 ч. 5 ст. 46 УК РК **не определен вид учреждения** для лиц, совершивших деяние по ч. 4 ст. 366 и ч. 4 ст. 367 УК РК.

Применение норм, регулирующих назначение исправительных учреждений для лиц, осужденных за коррупционные преступления, такие как получение или дача взятки в составе преступной группы или особо крупных размерах взяток, вызывает сложности, это создает неопределенность в правоприменительной практике.

На наш взгляд данный пробел возник в результате технической ошибки. Полагаем, что устранить данный пробел необходимо в виде внесения дополнений в ст. 46 УК РК.

Кроме того, схожие позиции рассмотрены в п. 3 ч. 5 ст. 46 УК РК. В данной норме также не определен вид учреждения для лиц, совершивших коррупционное преступление по ч. 4 ст. 367 УК РК, ранее отбывавших лишение свободы.

В данном обосновании, относящееся к п. 3 ч. 5 ст. 46 УК РК, мы не рассматриваем ч. 4 ст. 366 УК РК, так как субъект получения взятки после назначения наказания не может быть вновь назначен на государственную должность. В ст. 366 УК РК предусматривается вид наказания «пожизненное лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью», и после назначения данного вида наказания субъект коррупционного преступления не может быть назначено на государственную службу. Отсюда следует, что есть необходимость исключить ст. 366 УК РК из п. 3 ч. 5 ст. 46 УК РК.

В связи с существующими проблемами, мы предлагаем установить, что лица, виновные в даче взятки в особо крупном размере или в составе преступной группы, должны отбывать наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы максимальной безопасности.

Вышеизложенное говорит о необходимости внести дополнения в ст. 46 УК РК следующего содержания:

Статья 46. Лишение свободы

5. Отбывание лишения свободы назначается:

2) в учреждениях уголовно-исполнительной системы средней безопасности:

лицам, осужденным к лишению свободы на срок свыше двух лет за совершение умышленных преступлений, ранее не отбывавшим лишение свободы;

*лицам, осужденным к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных частями 1-1, второй, третьей **и четвертой** статьи 366, частями второй, третьей **и четвертой** статьи 367, частью второй статьи 368 настоящего Кодекса, ранее не отбывавшим лишение свободы;*

лицам, ранее не отбывавшим лишение свободы, которым штраф, исправительные работы, привлечение к общественным работам, ограничение свободы заменены лишением свободы;

3) в учреждениях уголовно-исполнительной системы максимальной безопасности:

лицам, осужденным к лишению свободы, ранее отбывавшим лишение свободы за совершение умышленного преступления;

*лицам, осужденным к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных частями второй, третьей **и четвертой** статьи 367 настоящего Кодекса, ранее отбывавшим лишение свободы.*

Для полного исправления недостатка конструкции уголовно-правовой нормы в настоящее время следует исключить из редакции ст. 46 УК РК возможность отбывания осужденными за коррупционные преступления, предусмотренные Г УК РК, наказания в виде лишения свободы в учреждении уголовно-исполнительной системы минимальной безопасности. Если наказание в виде ли-

шения свободы назначено на срок свыше двух лет, они должны отбывать это наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы средней безопасности, как все осужденные за умышленные преступления [6].

Для эффективного достижения целей наказания и обеспечения индивидуализации его исполнения, суды должны тщательно подходить к выбору вида исправительного учреждения для лиц, осужденных к лишению свободы. При этом необходимо учитывать тяжесть совершенного преступления, личность преступника, его возраст и пол, а также неукоснительно руководствоваться положениями ст. 46 УК РК.

Список использованной литературы:

1. Щербakov А.В., Барткевич Е.В. Особенности назначения наказания за преступления коррупционной направленности. ПРАВО. с.26-32. // Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-naznacheniya-nakazaniya-za-prestupleniya-korrupsionnoy-napravlennosti/viewer>
2. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан № 8 «О практике рассмотрения некоторых коррупционных преступлений» от 27 ноября 2015 года // Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P150000008S>
3. Статистические данные Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан // Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics>
4. Талкибаев А.Б. Актуальные проблемы административной ответственности за коррупцию в Республике Казахстан // Хабарши-Вестник. 2024. №3 (85), с.232-236.
5. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года // Электронный ресурс [Режим доступа]: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>

6. Рахметов С.М. / Коррупционерам при отбывании наказания в виде лишения свободы не должно быть поблажек // Электронный ресурс [Режим доступа]: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37178045
7. Нормативное постановление Верховного суда Республики Казахстан № 7 «О судебной практике назначения видов учреждений уголовно – исполнительной системы лицам, осужденным к лишению свободы» от 23 июня 2006 года // Электронный ресурс [Режим доступа]: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P06000007S_

О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ (ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ) СИСТЕМЫ КАЗАХСТАНА

**Скаков А.Б. – доктор юридических наук, профессор;
Почетный работник образования Казахстана,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Костанайской академии МВД Республики Казахстан
имени Ш. Кабылбаева,
ORCID: 0000-0003-4199-5473
e-mail: aidarkan@mail.ru**

Аннотация: В данной статье автор разъясняет основные положения проекта Концепции развития уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы Казахстан с 2026 г. по 2035 г., содержащие современные тенденции формирования эффективной, социально-ориентированной Уголовной политики по предупреждению уголовных правонарушений, направленных против безопасности личности, общества и государства. В Концепции предполагается перенести из Уголовного кодекса институты, носящие уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный характер, в УПК и УИК соответственно, применение институтов прогрессивной системы для осуществления в отношении всех уголовно наказанных, в том числе и лиц, осужденных к наказаниям, альтернативным лишению свободы. Пробация, как наиболее эффективное средство предупреждения преступлений, должна применяться в отношении всех лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. В отношении пожизненно осужденных пробация применяется бессрочно.

Ключевые слова: предупреждение преступности, пробация, биочипирование, прогрессивная система исполнения – наиболее эффективный способ исполнения всех видов наказаний и пробации.

Современное состояние пенитенциарной системы и тенденции ее развития побудили необходимость создания новой Концепции, где содержались бы все передовые методы исполнения наказаний,

предупреждения преступности и probation лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. В этой связи, по инициативе депутата Сената Парламента Республики Казахстан Кожаева М.Ш. был создан авторский коллектив, основой которого стали сотрудники Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева. В настоящее время проект указанной Концепции подготовлен и направлен в Сенат. Учитывая важность разработанного проекта, хотелось бы ознакомить с основными его положениями.

Целями Концепции, основанной на принципах обеспечения верховенства закона, соблюдения и защиты прав, свобод и законных интересов человека, являются:

1. восстановление социальной справедливости;
2. развитие основных средств воздействия на осужденных в целях их исправления и предупреждения совершения ими и иными лицами новых уголовных правонарушений;
3. совершенствование уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы путем широкомасштабного применения прогрессивной системы исполнения наказаний для дифференциации условий исполнения наказаний, индивидуализации исполнения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия, обеспечения прав осужденных, внедрения современных стандартов обращения с лицами, отбывающими наказание в пенитенциарных учреждениях, соответствующих международным документам;
4. эффективная ресоциализация осужденных посредством образовательных и трудовых программ, психологической и социальной адаптации, снижение уровня рецидивной преступности.
5. оптимизация управления уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системой с помощью её цифровизации, внедрения современных управленческих методик (технологий) и международных стандартов, повышения профессионального уровня сотрудников и персонала пенитенциарных учреждений;
6. модернизация нормативно-правовой базы, регламентирующей исполнения и отбывание наказаний с учетом общепринятых международных стандартов.

7. повышение эффективности правоприменительной деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания и probation, для обеспечения безопасности осужденных, персонала и иных посещающих их лиц, а также для соблюдения правопорядка в пенитенциарных учреждениях уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы.

Для достижения поставленных целей в проекте был дан детальный анализ современного состояния как пенитенциарной системы, так нормативно-правовой базы, регламентирующей её деятельность. В нем частности говорится о том, что поступательная динамика проводимых реформ правоохранительных органов, а также масштабы кардинальных преобразований, проводимых в Казахстане и направленных на повышение уровня национальной и общественной безопасности личности, общества и государства в целях дальнейшей модернизации общественно-политической, социально-экономической жизни страны, улучшение благосостояния граждан, обуславливают необходимость дальнейшего развития уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы. Необходимость и целесообразность реформирования указанной системы основывается на том, что лица, преступившие закон и осужденные за совершение уголовных правонарушений, отбыв наказание вернутся в общество. И от того, в какой степени они исправились и ресоциализировались в казахстанское общество зависит национальная и общественная безопасность страны.

Кроме того, потребность в немедленных и эффективных управленческих решениях приводит к возрастанию требований, предъявляемых к сотрудникам пенитенциарной службы, структурно входящих в органы внутренних дел и национальной безопасности.

Далее в проекте Концепции рассматриваются ключевые модели и приоритеты развития уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы МВД Республики Казахстан.

Ранее проведенная научно-исследовательская деятельность Министерства юстиции и Министерства внутренних дел по поиску наилучших, экономически и социально выгодных механизмов реализации уголовной ответственности способствовала внедрению прогрессивной системы как наиболее эффективного способа ис-

полнения наказания в виде лишения свободы, полностью отвечающей предъявляемым требованиям как со стороны государства, так и общества в целом. Более того, прогрессивная система обладает значительным потенциалом обновления и совершенствования, что дает возможность её применения в отношении наказаний, альтернативных лишению свободы, а также в пробационном процессе.

Следует отметить, что внедрение прогрессивной системы основывалось не только на 300-летнем её применении в ряде высокоразвитых зарубежных странах, но и на национальном опыте, когда в конце 80-х годов прошлого века в Казахстане был проведен Всесоюзный Чимкентский эксперимент. Данная реформа пенитенциарной системы была направлена на гуманизацию условий содержания и повышение эффективности воспитательной работы с осужденными.

Опираясь на современные тенденции развития уголовно-исполнительных (пенитенциарных) систем, являющихся самостоятельными или структурно входящими в правоохранительные органы ведущих стран мира, взят курс на построение современной пенитенциарной системы, деятельность которой основана на принципах законности, гуманизма, дифференции, индивидуализации и классификации осужденных. Этот процесс проходит наряду с принимаемыми мерами по кардинальной трансформации и цифровизации административных процедур, с соблюдением принципа единоначалия в государственном управлении процесса исполнения уголовных наказаний и ресоциализации, адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства.

Наряду с развитием системы учреждений и органов, исполняющих наказания и probation, предусматривается формирование новой пенитенциарной службы – высококвалифицированного персонала – сотрудников и вольнонаемных работников, способных решать сложные задачи по надлежащему исполнению наказаний, исправлению осужденных и ресоциализации, социальной адаптации и реабилитации всех лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. Решение кадрового обеспечения пенитенциарной службы, а также научное сопровождение деятельности уголовно-исполнительной (пенитенциарной) службы обосновано воз-

лагается на Костанайскую академию МВД Республики Казахстан имени Ш. Кабылбаева для подготовки и переподготовки юристов, психологов, социальных работников и т.д., а также ученых, специализирующихся на изучении проблем уголовно-исполнительного права. Наиболее подготовленные сотрудники и работники для обеспечения их карьерного роста находятся в резерве на выдвижение на более высокую должность с большим объемом работы, что полностью соответствует действующему в нашем государстве принципу меритократии – принципу управления, согласно которому высшие руководящие должности должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения и финансового достатка.

В целях дальнейшего совершенствования пенитенциарной службы необходимо принять меры, которые должны быть нацелены на обеспечение привлекательности работы в уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы для талантливых людей, удержания и профессионализации кадров, которых объединяют высокие стандарты патриотизма и добросовестное служение интересам нации (общества).

Для этого требуется пересмотреть денежное содержание сотрудников, в первую очередь, непосредственно контактирующих со специальным контингентом, объем пакета социальной защиты, регламентировать их правовую защиту, льготы при поступлении в высшие учебные заведения и другие образовательные учреждения, осуществляющих подготовку, переподготовку и повышение квалификации, решение жилищного вопроса. Кроме того, необходимо наряду с совершенствованием действующих методов целесообразно разработать современные эффективные механизмы управления, которые позволят обеспечить стабильность пенитенциарной службы, более четко и целенаправленно варьировать кадровыми ресурсами, а также процессами исполнения наказаний и пробации, что, в свою очередь, несомненно повысит качество и эффективность исправления осужденных, их социальную адаптацию и реабилитацию.

Реализация системного и планомерного развития уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы и пенитенциарной

службы требует утверждения современных стратегических документов. К таким нормативным правовым актам следует отнести следующие: Концепция развития уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы; Закон РК «О пенитенциарной службе»; Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам исполнения наказаний по прогрессивной системе, совершенствования основных мер воздействия на осужденных и их ресоциализации, адаптации и реабилитации»; Закон РК «О действии трудового законодательства в отношении осужденных к уголовным наказаниям, а также состоящих под пробационным контролем», Закон РК «Об оказании социально-правовой помощи лицам, состоящим на пробационном учете».

В целом, обобщая содержание исследуемой Концепции авторами предлагаются следующие положения:

1. провести комплексное исследование о предмете отраслевого регулирования вопроса о месте правовых институтов, находящихся в УК, но вместе с тем, на мой взгляд, носящие уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный характер;
2. ввести в перечень наказаний пожизненное лишение свободы (далее – ПЛС) как самостоятельный вид наказания. В свою очередь пожизненное лишение свободы должно иметь два подвида: ПЛС с правом на УДО и ПЛС без право на УДО;
3. сделать ревизию санкций статей УК, исключив другие виды наказаний при наличии в них лишения свободы;
4. интервал между нижним и верхним пределами срока лишения свободы не должен превышать 2 года;
5. исполнение всех видов наказаний и пробацию осуществлять по прогрессивной системе;
6. освободить суд от применения институтов изменения условий содержания осужденных, замены наказания, УДО и т.д., делегировав указанное право наблюдательным комиссиям, созданным при каждом пенитенциарном учреждении и службы пробации;
7. повысить уровень трудовой занятости осужденных путем широкого привлечения частного предпринимательства, спонсоров, волонтеров и т.д. Создать фонд содействия пенитенциарной реформе под руководством Попечительского совета;

8. осуществлять удержание 50% заработной платы в пользу пенитенциарным учреждениям и службе пробации. Собранные таким образом денежные средства должны быть направлены на совершенствование технических средств безопасности подразделений, открытие новых рабочих мест, улучшение условий содержания осужденных, финансирование совершенствования применяемых основных средств воздействия на осужденных и пробационно-испытуемых.

Вышеизложенное позволяет сделать нам следующие выводы:

1. Необходима коренная перестройка Уголовной политики, соответствующей современным требованиям;
2. Реализация предложений, изложенных в Концепции, позволит существенно повысить эффективности деятельности как уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы, так всех правоохранительной органов по противодействию преступности.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО- ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

**Токубаев З.С. – доктор юридических наук, профессор
Карагандинская академия МВД Республики Казахстан
им. Б. Бейсенова,
Республика Казахстан, г. Караганда,
e-mail: zairulla_@mail.ru**

Аннотация: В статье рассматривается проблема социальной адаптации осужденных в контексте уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан. Анализируются положения национального законодательства, международных правовых актов и зарубежный опыт. Особое внимание уделено образовательным программам в местах лишения свободы, взаимодействию с бизнесом, а также вопросам постпенитенциарной поддержки, включая жилищное обеспечение. Обосновывается необходимость закрепления на законодательном уровне понятия «социальная адаптация» как процесса восстановления социальной, трудовой, семейной и правовой дееспособности осужденного, включающего подготовку к освобождению и постпенитенциарное сопровождение.

Ключевые слова: осужденные к лишению свободы, социальная адаптация осужденных, освобождение осужденных, уголовно-исполнительная система, места лишения свободы.

В условиях современной уголовно-исполнительной системы Республики Казахстан особую актуальность приобретают задачи подготовки осужденных к освобождению и их возвращения к нормальной жизни в обществе.

Одной из проблем совершения лицами, освобожденными из мест лишения свободы, является то, что они не смогли адаптироваться в обществе, вызванная в том числе и материально-социальными ресурсами. Данная проблема в наибольшей степени должна решаться еще на стадии исполнения наказания – в процессе под-

готовки осужденных к освобождению. Это позволяет повысить управляемость адаптационных процессов, поскольку меры социальной адаптации осуществляются в рамках действующих институтов пенитенциарной системы.

Социальная адаптация осуждённых должна рассматриваться как фундаментальный элемент пенитенциарной идеологии, выражающий собой ориентир на поэтапное изменение условий содержания, формирование законопослушного поведения и подготовку к жизни в обществе. Современная уголовно-исполнительная система должна реализовываться через целостный механизм, включающий институты смягчения режима отбывания наказания, досрочного и условно-досрочного освобождения, а также эффективную систему поддержки после освобождения [1].

Действующее уголовно-исполнительное законодательство Республики Казахстан, в частности, ст. 4 УИК РК, закрепляет оказание помощи осуждённым в социальной адаптации как одну из задач уголовно-исполнительной систем [2]. Это свидетельствует о поддержке государством лиц, освобождающихся из мест лишения свободы, что особенно актуально для лиц, отбывших длительные сроки лишения свободы и утративших важные социальные навыки.

Такой подход подчеркивает активную роль государства как гаранта социальной безопасности и прав человека, в том числе прав лиц, находящихся в местах лишения свободы. Государство при этом берет на себя не только функции исполнения наказания, но и функции поддержки, сопровождения и постпенитенциарной помощи, в том числе через соответствующие государственные и негосударственные институты (службы пробации, центры занятости, органы социальной защиты, НПО и др.).

Отечественные уголовно-исполнительные нормы, закрепляющие право на социальную адаптацию, соотносятся с международными правовыми актами, регулирующими обращение с осужденными.

Закрепленные в нормы о социальной адаптации осужденных соответствуют международным правовым актами, регламентирующим порядок обращения с осужденными.

Так, в соответствии со ст. 10 Международного пакта о гражданских и политических правах, осужденные лица должны содержаться с учетом цели их исправления и социальной реабилитации [3].

Европейские пенитенциарные правила подчеркивают необходимость поэтапной подготовки осужденных к освобождению и обеспечения условий для их возвращения в общество. В ст. 107 данных правил предусматривается оказание содействия осужденным, направленного на обеспечение плавного перехода от условий изоляции к жизни в открытом обществе. А, в отношении осужденных, отбывающих длительные сроки лишения свободы, закрепляется положение о необходимости осуществления поэтапного возвращения к жизни в обществе, что предполагает постепенное снижение степени контроля и увеличение уровня самостоятельности. Данный вид содействия реализуется через специальные процедуры и программы, включая частичное освобождение, условно-досрочное освобождение под надзор, а также сопровождение осужденного органами социальной поддержки [4].

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными ООН (Правила Нельсона Манделы) также акцентируют внимание на необходимость подготовки к освобождению, социальной поддержке и защите прав бывших заключенных [5].

Таким образом, социальная адаптация осужденных, представленная в международных стандартах, особенно в Европейских пенитенциарных правилах, демонстрирует высокую степень разработанности как в организационном, так и в нормативном плане. Между тем, отечественная пенитенциарная система нуждается в закреплении аналогичных положений на уровне основ уголовно-исполнительного законодательства, с целью институционализации процессов поэтапной подготовки осужденных к освобождению и реализации полноценной системы социальной адаптации.

Закрепленный в ст. 8 УИК РК задача о социальной адаптации носит декларативный характер и не сопровождается системой конкретных механизмов, что ограничивает ее практическую реализацию. В этой связи представляется необходимым закрепление понятия «социальная адаптация» как процесса восстановления социальной, трудовой, семейной и правовой дееспособности осу-

жденного, включающего подготовку к освобождению и постпенитенциарное сопровождение.

Одним из ключевых факторов, влияющих на успешность социальной адаптации осужденных, выступает образовательная среда. Получение образования (в том числе профессии, специальности) в местах лишения свободы формирует реальные предпосылки для интеграции в общество. В сочетании с последующим гарантированным трудоустройством это становится эффективным механизмом профилактики рецидива: у освобожденных появляется «легальный» источник дохода и возможность удовлетворения основных жизненных потребностей.

В этом контексте показателен опыт ряда зарубежных стран, где в пенитенциарных учреждениях реализуются программы «Обучение + гарантированная занятость».

Примером может служить Германия, где профессионально-технические курсы при поддержке промышленных концернов, где профессионально-техническое обучение проводится при поддержке промышленных концернов. Образование организуется по дуальной системе, широко распространённой в стране: теория изучается в классах, а практика проходит в мастерских, оборудованных в исправительных учреждениях по образцу настоящих производств [6].

Особенностью немецкой модели является тесное сотрудничество исправительных учреждений с частным бизнесом и государственными структурами. Компании участвуют в разработке учебных программ, предоставляют оборудование, консультации, а также формируют производственные заказы, создавая реальные рабочие места для осуждённых в местах лишения свободы.

Опыт Германии демонстрирует, что профессионально-техническое образование в местах лишения свободы, особенно при участии реального сектора экономики, может стать мощным инструментом социальной адаптации осужденных. Он обеспечивает заключенным не только квалификацию, но и социальную включенность, чувство достоинства и реальные перспективы на будущее.

Норвегия, являясь одной из наиболее гуманистически ориентированных стран в сфере исполнения наказаний, также прида-

ёт особое значение образованию как инструменту ресоциализации. Каждому осужденному в Норвегии, выразившему желание учиться, разрабатывается Индивидуальный образовательный план (Individual Learning Plan). Данный план обучения, разрабатывается с учетом: уровня образования на момент поступления в исправительное учреждение, интересов и профессиональных предпочтений, срока наказания и физического здоровья и т.п. Кроме того, данная программа включает в себя как формальное обучение, так и развитие мягких навыков (soft skills) – таких как коммуникация, стрессоустойчивость, критическое мышление и навыки планирования. Кроме того, в странах Западной Европы осужденным предоставляется возможность посещать работодателей, проходить подготовительные курсы в центрах занятости, а также отпускаться домой еще до официального освобождения – для постепенной адаптации к жизни вне учреждения [7, с. 557-560].

Указанные подходы заслуживают внимания и могут быть адаптированы в Казахстане. Однако реализация подобной модели возможна только при наличии устойчивого взаимодействия между учреждениями уголовно-исполнительной системы, образовательной сферой и бизнес-сообществом.

В условиях Казахстана этот подход может быть реализован через партнерские соглашения с крупными компаниями (КТЖ, «КазМунайГаз», металлургические комбинаты, логистические корпорации и др.). Осужденные могут обучаться по профессиям, востребованным на конкретных предприятиях, с последующим гарантированным трудоустройством. Такое партнерство выгодно обеим сторонам: предприятия получают квалифицированных работников, а осужденные – работу.

Важнейшим условием успешной социальной адаптации после освобождения является также решение жилищного вопроса. Наличие места для проживания обеспечивает не только физическую безопасность человека, но и создает стабильность, необходимую для восстановления самостоятельной жизни в обществе. Отсутствие жилья после освобождения, напротив, значительно повышает риски безработицы и рецидива.

В этой связи вопрос жилищного обеспечения освобожденных следует рассматривать как элемент системы социальной адапта-

ции осужденных, требующий отдельного нормативного и организационного оформления. Для решения вопроса проживания осужденных, после их освобождения необходимо предоставлять временное жилье в «транзитных домах» под надзором социального работника и содействия в поиске работы, прохождении обучения, восстановлении в правах (например, пенсионных или медицинских) и т.п.

Сегодня такие дома существуют во многих европейских странах. Так, в Германии (*soziale Übergangswohnungen*) (транзитные жилища) представляют собой временное, но «домашнее» жилье на период адаптации (обычно 3–6 месяцев) сразу после освобождения, размещаемое в виде отдельных квартир. Сопровождение кейс-менеджера (социального работника), который координирует доступ к пособиям, помогает в оформлении документов, трудоустройстве и налаживании социальных связей [8].

Таким образом, эффективная социальная адаптация осужденных в современных условиях требует комплексного подхода, включающего как правовые, так и социальные аспекты. И только при соблюдении этих условий уголовно-исполнительная система может выполнять не только карательную, но и восстановительную функцию, обеспечивая социальную адаптацию осужденных, и снижения уровня рецидивной преступности.

Список использованных источников

1. Южанин В.Е. Проблемы социальной адаптации осужденных при подготовке их к освобождению из исправительных учреждений. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsialnoy-adaptatsii-osuzhdennyh-pri-podgotovke-ih-k-osvobozhdeniyu-iz-ispravitelnyh-uchrezhdeniy>
2. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/archive/docs/K1400000234/10.02.2025>

3. Международный пакт о гражданских и политических правах Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ohchr.org>
4. Европейские пенитенциарные правила. Приняты Комитетом министров Совета Европы 11 января 2006 года. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [euro_peniten_rules.pdf](https://www.coe.int/t/t4/euro_peniten_rules.pdf)
5. Минимальные стандартные правила обращения с заключенными. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml?ysclid=mc4d25sr2a57279419
6. Скиба А.П. Ресоциализация осужденных: некоторые теоретико-правовые аспекты. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/resotsializatsiya-osuzhdennyh-nekotorye-teoretiko-pravovye-aspekty>
7. Уголовно-исполнительное право: Учеб.: В 2 т. / Под общ. ред. Ю.И. Калинина. М., 2006. Т. 2. Особенная часть.
8. Тепляшин П.В. Организационно-правовые особенности ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных (региональный аспект) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://pl.editorum.ru/ru/nauka/article/88554/view>

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Горячева Е. В.

Новосибирский государственный университет
экономики и управления (НИНХ),
г. Новосибирск, Российская Федерация
e.v.goryacheva@edu.nsuem.ru

Аннотация: Қазақстан Республикасы Президентінің 2021 жылғы 15 қазандағы № 674 Жарлығымен бекітілген Қазақстан Республикасының 2030 жылға дейінгі құқықтық саясат тұжырымдамасы шеңберінде заңнаманы жетілдірудің кейбір бағыттары айқындалды. Автор азаматтық заңнаманы дамытудың жекелеген бағыттары бойынша ұсыныстар жасады. Атап айтқанда, ескіру институты, тұтыну шарттары, смарт-келісімшарттар және электрондық коммерция (e-commerce) туралы заңнама, Интегралды микросхемалар мен ЭЕМ бағдарламаларының топологияларын құқықтық реттеу, тасымалдау шарты одан әрі жетілдіруге жатады.

Аннотация: В рамках Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 определены некоторые направления совершенствования законодательства. Автором сделаны предложения по отдельным направлениям развития гражданского законодательства. В частности, дальнейшему совершенствованию подлежит институт исковой давности, законодательство о потребительских договорах, смарт-контрактах и электронной коммерции (e-commerce),

правовому регулированию топологий интегральных микросхем и программ ЭВМ, договора перевозки.

Түйінді сөздер: азаматтық заңнама, талап қою мерзімі, тұтыну шарттары, Смарт-келісімшарттар және электрондық коммерция (e-commerce), Интегралды микросхемалар мен ЭЕМ бағдарламаларының топологиялары, тасымалдау шарты.

Ключевые слова: гражданское законодательство, исковая давность, потребительские договоры, смарт-контракты и электронной коммерции (e-commerce), топологии интегральных микросхем и программ ЭВМ, договор перевозки.

В становлении гражданского законодательства государств СНГ большую роль сыграла разработка Модельного гражданского кодекса, инициированного Межпарламентской Ассамблеей стран СНГ в 1994 году в целях единообразия гражданского законодательства.

В дальнейшем получила распространение общая практика разработки концептуальных документов, определяющих стратегию развития национального законодательства. Сегодня единственным государством в СНГ, разрабатывающим единый программный документ, объединяющий основные направления совершенствования законодательства, остается Казахстан, где каждые десять лет в целях повышения качества законотворческого процесса утверждается Концепция правовой политики.

В рамках Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 определен ряд ключевых направлений развития гражданского законодательства [1].

Исковая давность.

В Главе 7 ГК РК отсутствуют нормы об общем объективном сроке исковой давности. Общий объективный срок исковой давности закреплен во многих зарубежных правовых порядках. Так, в Германии установлен общий объективный срок исковой давности, который составляет 30 лет (ст. 197 ГГУ). Такой же срок установлен

и во Франции (ст. 2262 ГКФ). В российском ГК общий объективный срок исковой давности определен 10 годами. В целях обеспечения стабильности гражданского оборота считаем целесообразным включить в казахстанское гражданское законодательство нормы об общем объективном сроке исковой давности.

Имплементация институтов общего права.

Проект закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского законодательства и улучшения условий для предпринимательской деятельности на основе имплементации принципов и положений английского и европейского права» вызвал резонанс в научной среде Республике Казахстан. Почти десятилетнее противостояние разработчиков законопроекта и ученых, выступавших против имплементации в гражданское законодательство норм общего права, завершилось тем, что в 2023 году Правительство отозвало законопроект из Парламента и прекратило его разработку. Таким образом, в настоящее время правила расчета конкретных и абстрактных убытков не перенесены в Общую часть ГК РК и содержатся только в параграфе о поставке; не установлены нормы о заверениях об обстоятельствах, а также о возмещении потерь, возникших в случае наступления определенных в договоре обстоятельств и др.

В целях развития казахстанского гражданского законодательства в направлении имплементации институтов общего права интересен анализ российского опыта, поскольку Федеральным законом от 08.03.2015 N 42-ФЗ в главу 25 ГК РФ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» были внесены изменения, имплементирующие институты общего права [2]. Кроме того, необходимо отметить, что в юридической литературе постсоветских государств, близких друг другу по своей концептуальной и юридико-технической законодательной основе, сохраняются общие приоритетные направления развития гражданского законодательства, что также представляет научный интерес в области сравнительного правоведения.

Например, представляется целесообразным закрепить в ГК РК нормы о возмещении потерь, определенных договором. Несмотря

на то, что нормы о возмещении потерь размещены в главе 25 ГК РФ об ответственности за нарушение обязательств, возмещение потерь, предусмотренное статьей 406.1 ГК РФ, не обладает специфическими чертами гражданско-правовой ответственности, отличающими ее от иных видов юридической ответственности, как и мерой ответственности в понимании, сложившимся в гражданско-правовой науке, поэтому в юридической литературе и практике присутствуют различные мнения касательно природы возмещения потерь. Полагаем, в случае включения соответствующих норм в казахстанский ГК, их необходимо структурно разметить в нормах Подраздела 2 ГК РК «Общие положения о договоре».

Кроме того, в договорной практике конструкция возмещения потерь по статье 406.1 ГК РФ стала популярным инструментом возмещения административных штрафов и других санкций публичного характера. В этой связи, считаем необходимым дать критическую оценку практике, допускающей возможность использования конструкции возмещения потерь в договорах, условия которых очевидно содержат условия, допускающие нарушения норм публичного права, поскольку данные условия выходят за рамки добросовестности сторон договора и противоречат общим целям юридической ответственности.

Правовая конструкция возмещения потерь, предусмотренных договором, тесно связана с другим институтом – заверениями о том, что определенные обстоятельства являются достоверными и контрагент может на него полагаться, а если оно окажется недостоверным, то у контрагента возникает право требовать возмещения понесенных в связи с этим убытков или выплату неустойки.

Статья 431.2 ГК РФ структурно расположена в Главе 27 Понятие и условия договора Подраздела 2 Общие положения о договоре части первой ГК РФ.

При этом, если в английском праве дифференцируются правила о гарантиях и заверениях, то формулировка п.1 ст. 431.2 ГК РФ, предусматривающая обязанность стороны, которая при заключении договора либо до или после его заключения дала другой стороне недостоверные заверения об обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекра-

щения возместить другой стороне по ее требованию убытки, причиненные недостоверностью таких заверений, или уплатить предусмотренную договором неустойку, объединяет обе формы возмещения, используя термин «заверения». Соответственно решается вопрос способов защиты прав кредитора, поскольку, в английском праве заверения связаны с деликтом и подлежат возмещению понесенные стороной убытки, а гарантии, относятся к нарушению договора и допускают также и выплату неустойки, то российский законодатель допускает применение неустойки, предусмотренной договором, вне зависимости от обстоятельств возникновения фактов, указанных в заверениях.

В казахстанском ГК считаем целесообразным использовать классическую модель института заверений об обстоятельствах, принятую в общем праве и структурно разместить указанные нормы в главе 20 ГК РК «Ответственность за нарушение обязательства».

Заслуживает внимания позиция ученых, предлагающих перенести правила расчета конкретных и абстрактных убытков в Общую часть ГК РК.

Совершенствование законодательства о потребительских договорах, смарт-контрактах и электронной коммерции (e-commerce).

В связи с популяризацией Интернет – торговли требует совершенствования законодательство о дистанционной купле-продажи. В частности, необходимо законодательно предусмотреть запрет взимания с потребителя платы за возврат товара надлежащего качества, совершенствовать средства оффлайн-идентификации покупателя, способы защиты денежных средств и аккаунтов потребителей в интернет-магазинах и на маркетплейсах от доступа третьих лиц, например, путем внедрения многофакторной аутентификации.

Правовое регулирование топологий интегральных микросхем и программ ЭВМ.

Проблемы правового регулирования топологий интегральных микросхем и программ для ЭВМ связаны с особенностями этих объектов интеллектуальной собственности и требуют учета специфики их создания и использования. В данном направлении представляется актуальным развитие законодательства в части регистрации топологий и определения критериев охраноспособности

исключительного права на топологии интегральных микросхем и программ ЭВМ.

Институт возмещения нематериального (морального) вреда, условий его возмещения, а также определения его размера.

Сущность и условия возмещения морального вреда с позиции физических страданий потерпевшего являются предметом дискуссии в научной среде. В судебной практике решение вопроса о его размере находится в зависимости от тяжести вреда здоровью, что не всегда представляется справедливым.

Специфика определения размера возмещения морального вреда состоит в наличии оценочных понятий, связанных с субъективными и объективными факторами, например, в п. 2 ст. 952 ГК РФ указаны объективные данные, свидетельствующие о степени нравственных и физических страданий потерпевшего либо в случае его смерти близких родственников, супруга (супруги), которые не имеют четкого определения.

В период формирования гражданского законодательства о возмещении морального вреда неоднократно высказывались отдельные мнения о необходимости выработки стандартов расчета размера компенсации морального вреда, но данная позиция не получила поддержки ни в доктрине, ни у законодателя. Сегодня сложилась устойчивая практика, когда суды существенно занижают размер компенсации морального вреда, что свидетельствует о необходимости законодательного регулирования механизма определения его размера.

Возмещение перевозчиками убытков, причиненных физическим и юридическим лицам вследствие нарушения обязательств по перевозке.

В данном направлении актуальны вопросы определения размера убытков, в связи с невозможностью определения действительной стоимости утраченного багажа, что требует конкретизации норм об ответственности перевозчика за утрату, недостачу или повреждение багажа, груза или находящихся при пассажире вещей.

Другой актуальной проблемой является отсутствие правового регулирования ситуации овербукинга и соответствующих норм об

ответственности перевозчика, которая сегодня влечет существенную незащищенность пассажиров.

Источники и литература

1. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 03.01.2006) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994 – № 32 – ст. 3301.

ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ СОХРАНЕНИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Дугужева М. Х.

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия

Duguz@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные вопросы юридической ответственности в сфере сохранения нематериального культурного наследия. Особое внимание уделяется анализу Типовых положений для национальных законов по защите фольклора против незаконного использования и других противоправных действий 1982 года. Рассмотрены, предлагаемые Типовыми положениями, виды правонарушений и юридической ответственности. На основе обзора специальных законов стран СНГ выявлена недостаточно четкая регламентация правомерных и неправомерных способов использования объектов нематериального культурного наследия, а также неразработанность вопросов культурной апроприации и соответствующей юридической ответственности.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, фольклор, юридическая ответственность.

Аннотация: Мақалада материалдық емес мәдени мұраны сақтау саласындағы құқықтық жауапкершіліктің өзекті мәселелері қарастырылады. Фольклорды заңсыз пайдалануға және 1982 жылғы басқа да заңсыз әрекеттерге қарсы қорғау жөніндегі ұлттық заңдардың үлгілік ережелерін талдауға ерекше назар аударылады. Үлгілік ережелермен ұсынылатын құқық бұзушылықтар мен құқықтық жауапкершілік түрлері қаралды. ТМД елдерінің арнайы заңдарына шолу негізінде материалдық емес мәдени мұра объектілерін пайдаланудың заңды және заңсыз тәсілдерін жеткілікті түрде нақты реттеу, сондай-ақ мәдени апроприация

және тиісті құқықтық жауапкершілік мәселелерінің әзірленбеуі анықталды.

Түйінді сөздер: материалдық емес мәдени мұра, фольклор, заңды жауапкершілік.

Проблемы сохранения нематериального культурного наследия долгие годы считались актуальными исключительно для развивающихся стран. А разрешение подобных проблем представлялось через процедуру справедливого распределения дохода за использование объектов традиционной культуры представителями развитых стран в коммерческих целях.

В настоящее время научный интерес к нематериальному культурному наследию высок как в развивающихся, так и развитых странах. [1, с. 19].

Для достижения указанных целей на международном уровне с 1973 года ведется нормативная деятельность, предметом регулирования которой сначала был «фольклор», затем по инициативе ЮНЕСКО в 1999 г. в научный оборот было введено новое понятие «нематериальное культурное наследие». Важнейшим этапом законодательного оформления деятельности по сохранению нематериального наследия стало принятие «Конвенции об охране нематериального культурного наследия» в 2003 году. Таким образом, сформировалась доктрина — «нематериальное (духовное) культурное наследие заключается в том, что оно передается и воспринимается живыми людьми, что раскрывает содержание понятия и определяет практику его защиты, использования и возрождения». Защита такого наследия осуществляется на двух уровнях: международном и национальном [7, с. 283].

Международное нормативное регулирование включает Конвенцию ЮНЕСКО 2003 года (Россия не ратифицировала), в которой сформулировано понятие нематериального культурного наследия, и отмечено его важное значение в качестве фактора обеспечения культурного разнообразия и гарантии устойчивого развития. Указанная Конвенция аккумулировала основные положения, заложенные в следующих международных нормах: Рекомендациях

ЮНЕСКО о сохранении фольклора 1989 г., во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии 2001 г., в Стамбульской декларации 2002г. и т.д. [8, с. 95].

Следует выделить, принятые совместно ЮНЕСКО и ВОИС, Типовые положения для национальных законов по защите фольклора против незаконного использования и других противоправных действий 1982 г. В Типовых положениях приведен пояснительный перечень наиболее типичных видов произведений фольклора: а) словесные (вербальные); б) музыкальные; в) выраженные в действиях; г) воплощенные в материальной форме (осязаемые).

Также, раздел 3 Типовых положений раскрывает право на использование фольклора следующим образом: 1) любое обнаружение, воспроизведение и любое распространение экземпляров; 2) любая публичная декламация или представление, любая передача средствами беспроводной связи или по кабелю и любые другие способы сообщения публике; если все эти действия совершаются с целью извлечения прибыли вне традиционного или обычного контекста. При этом, устанавливается требование – обязательное указание источника – сообщества и (или) географического места происхождения выражения фольклора.

Разделом 6 Типовых положений в качестве правонарушений указаны:

- умышленное (или по неосторожности) неуказание источника;
- умышленное (или по неосторожности) использование выражения фольклора без разрешения компетентного органа;
- умышленное представление в качестве фольклора объектов, таковыми не являющихся;
- умышленное искажение выражений фольклора [5, с. 60-65].

Таким образом, предлагая разграничение надлежащего и не-надлежащего использования фольклора, Типовыми положениями не предусмотрены какие-либо специальные меры наказания; указывается лишь то, что наказание должно иметь место, а установление форм наказания остается за национальными законодательствами [10, с. 83].

Отношения в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов нематериального куль-

турного наследия на международном уровне, также регулирует Модельный закон «Об охране нематериального культурного наследия», принятый Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств 29.11.2013 г.

Обзор национального законодательства о сохранении нематериального культурного наследия стран СНГ позволяет сделать выводы о том, что национальное правовое регулирование отличается по инструментам, категориям и специфике подхода.

Далее, приведем несколько примеров, остановимся на вопросах, рассматривают ли национальные законы стран СНГ неправомерные действия в сфере использования и сохранения нематериального культурного наследия, и соответственно, какие виды юридической ответственности предусматривают.

Так, Федеральный закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» регулирует отношения в области выявления, изучения, использования, актуализации, сохранения и популяризации объектов нематериального этнокультурного достояния Российской Федерации [9]; не предусматривает ограничений в использовании и соответственно, какой-либо юридической ответственности.

В Республике Казахстан, культура определяется как совокупность культурных ценностей, направленных на гармоничное развитие личности, воспитание патриотизма и удовлетворение эстетических потребностей и интересов граждан Республики Казахстан. В стране широко обсуждается проект специального закона о нематериально культурном наследии. При этом, согласно Закону РК «О культуре», охрана нематериального культурного наследия – принятие мер с целью обеспечения жизнеспособности нематериального культурного наследия, включая его идентификацию, документирование, исследование, сохранение, защиту, популяризацию, повышение его роли, а также возрождение [3].

Закон Азербайджанской Республики о правовой охране выражений азербайджанского фольклора вводит следующие виды использования выражений фольклора: традиционные и нетрадиционные, обычное и необычные, в коммерческих целях. Ненадлежащее использование выражений фольклора – это нетрадиционное и

необычное т.е. использование с изменением естественного значения, содержания или цели назначения и художественной формы выражений фольклора. А статья 12 указанного закона устанавливает гражданскую, административную и уголовную ответственность за нарушения требований по использованию выражений фольклора. [2]

Согласно Закону Кыргызской Республики «О нематериальном культурном наследии Кыргызской Республики», целью Закона является предотвращение утраты нематериального культурного наследия, как части национального культурного наследия, воспитание уважения к нематериальному культурному наследию народов, сообществ, групп и отдельных лиц для обеспечения признания ценностей наследия на местном и национальном уровнях. При этом, статья 11 указанного Закона предусматривает гражданско-правовую и материальную ответственность, так в случае нарушения законодательства об охране и использовании нематериального культурного наследия, причинившие вред элементу культурного наследия обязаны восстановить либо возместить убытки [4].

Нематериальное культурное наследие как совокупность форм культуры, деятельности различных этнических групп, основана на устном творчестве, традиционных знаниях и обычаях ... используемых в аутентичном значении на родном языке. Нематериальное наследие является эффективным инструментом воспитания человека, сохранения семейных ценностей и основ национального сознания. В связи с чем лица, считающие себя частью определенной этнической общности, обладающей традиционными знаниями, применяющие в традиционном контексте элементы традиционной культуры способствует обеспечению стабильности, взаимного уважения, признания безусловной ценности каждого носителя таких знаний.

Таким образом, важность законодательного регулирования изучения, использования и сохранения нематериального культурного наследия населения прослеживается во всех странах СНГ. Формируются реестры объектов нематериального культурного наследия, как этапа фиксации и инвентаризации, разрабатываются меры поддержки носителей наследия. В законодательствах рас-

смотренных стран прослеживаются морально-этические термины: уважение, духовная ценность, почетный титул, признание обществом, традиционный уклад жизни и т.д.

Однако, практически не разработаны правомерные и неправомерные способы использования, вопросы культурной апроприации, юридической ответственности. Настоящая ситуация позволяет сделать следующие выводы: создание организационных и правовых оснований для сохранения нематериального культурного наследия является необходимостью современных государств независимо от правового статуса населения: малочисленных, коренных, титульных и т.д.; сохранение нематериального наследия лежит в основе культурного суверенитета государств; сохранение культурной самобытности, языка, недопущение неуважительного использования важно для передачи следующим поколениям и сохранения этнокультурной самоидентичности.

Источники и литература

1. Дугужева М.Х. Фольклор как объект правовой охраны: анализ положений Бернской конвенции // Авторское право и смежные права. Издательский дом: Интеллектуальная собственность. № 3 2025 г. С.18-23
2. Закон Азербайджанской Республики о правовой охране выражений азербайджанского фольклора// Law No. 460-IIQ of May 16, 2003, on Legal Protection of Azerbaijani Folklore Expressions, Azerbaijan, WIPO Lex (электронный ресурс, дата обращения: 19.07.2025).
3. Закон Республики Казахстан «О культуре» https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z060000207_#z0 (Электронный ресурс, дата обращения: 18.07.2025).
4. Закон Кыргызской Республики от 9 августа 2012 года №163 О нематериальном культурном наследии Кыргызской Республики // Закон Кыргызской Республики от 9 августа 2012 года № 163 «О нематериальном культурном наследии Кыргызской Республики» (с изменениями и дополнениями)

- ми от 03.11.2017 г.) (электронный ресурс, дата обращения: 19.07.2025).
5. Зыков С.В. Охрана фольклора в международном частном праве: состояние и перспективы // Юридическая наука и практика. 2014. Т.13, №2. С. 60-65.
 6. Конвенция об охране нематериального культурного наследия https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml?ysclid=mdar3qroc4672182280 (Электронный ресурс, дата обращения: 18.07.2025)
 7. Мартыненко И.Э. Правовая охрана нематериального культурного наследия государств-участников СНГ на международном и национальном уровнях. //Международное и европейское право №2 2017г., С. 282-293
 8. Семейно-правовая политика Российской Федерации: традиционные ценности и нравственные нормы: учебное пособие. Москва: ИНФРА-М, 2025, С.93-103
 9. Федеральный закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» Федеральный закон «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» от 20.10.2022 N 402-ФЗ (последняя редакция) \ КонсультантПлюс
 10. Шебзухова М.Х. Правовая охрана проявлений фольклора: диссертация...кандидата юридических наук:12.00.03 Ставрополь 2002. С. 83. 169с.

ШТРАФЫ В КАЗАХСТАНЕ: ЭВОЛЮЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПУТИ ГУМАНИЗАЦИИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

**Жумагулов М.И. – доктор юридических наук, профессор,
профессор Высшей школы права,
Международный университет Астана,
Республика Казахстан, г. Астана**

Уважаемые участники конференции!

Отмечая 10 лет УК, УПК, УИК и КоАП Республики Казахстан в части подведения итогов, практики применения и перспектив, мне хотелось бы остановиться на содержании КоАП РК как первого рубежа предупреждения или привлечения к административной ответственности правонарушителей, совершающих административные правонарушения в Казахстане.

Сегодня мы можем подвергнуть научно-практическому анализу применение одной из ключевых мер административного взыскания принуждения в виде штрафа. В условиях усиливающегося правового регулирования особое внимание вызывает практика, которую в экспертной среде всё чаще называют гипертрофированной моделью фискального администрирования – когда акцент административной политики смещается от профилактики к массовому взысканию.

Я хотел бы обратить Ваше внимание на актуальность поднимаемого вопроса и тех вызовов, которые, в связи с этим возникают в научной и практической области применения института административной ответственности.

Хотелось бы Вас погрузить в статистические данные по применению государственными органами административного взыскания в виде штрафа, которые нашли отражение в статистических данных Бюро национальной статистики, Генеральной прокуратуры.

Так, в 2024 году зарегистрировано свыше 15 млн. административных дел – прирост на 37% к 2023 году и в 3,5 раза к 2015 году. К ответственности привлечено 14,65 млн человек, 95,2% – граждане, а не юридические лица.

На одного экономически активного гражданина приходится в среднем 1,5 штрафа, а на водителя – 2.

Справочно. по данным за II квартал 2024 года, в Казахстане насчитывалось около 9,2 млн экономически активных граждан (по данным Бюро нац. статистики РК). Общее число административных дел в 2024 году: свыше 15 млн (по данным Генпрокуратуры РК). Т.е. 15 млн дел ÷ 9,2 млн человек ≈ 1,63, округлено – 1,5 штрафа на человека.

Согласно данным Генеральной прокуратуры РК, общая сумма наложенных штрафов за нарушения Правил дорожного движения в РК (далее по тексту – ПДД) составила 139,46 млрд тенге, что составляет около 46% от всех административных взысканий в стране за этот период. Уровень взыскания по этим штрафам достиг 89,8%, что является одним из самых высоких показателей среди всех категорий административных правонарушений¹.

Для сравнения, в 2023 году сумма штрафов за нарушения ПДД составляла 88,7 млрд тенге, что свидетельствует о значительном увеличении на 36% в 2024 году².

Эти цифры указывают на перегрузку санкционной составляющей административного права, тогда как просветительский и профилактический компоненты остаются слабо развитыми.

Наиболее распространёнными нарушениями, зафиксированными в 2024 году, были:

Превышение скорости: 5,8 миллиона нарушений на сумму 76,4 миллиарда тенге.

Несоблюдение требований дорожных знаков или разметки: 2,8 миллиона нарушений на 18,1 миллиарда тенге/

Проезд на запрещающий сигнал светофора: 291,4 тысячи нарушений на 6 миллиардов тенге³.

Налоговые правонарушения – 1,5% дел, но 35 млрд тенге, взыскание – 41,8%.

¹ Kursiv Media Kazakhstan. https://kz.kursiv.media/2025-01-28/tksh-shtrafy-rekord-statistika/?utm_source=chatgpt.com

²Новости Zakon.kz. <https://www.zakon.kz/obshestvo/6465316-v-kazakhstane-pobit-rekord-poshtrafam-za-narushenie-pdd.html>

³Tengri News. https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/kakie-shtrafyi-samyie-populyarnyie-v-kazakhstane-top-10-562073/?utm_source=chatgpt.com

Общественный порядок (мусор, шум, распитие) – почти 10 млрд тенге, взыскано менее половины.

К обсуждению следующих проблемных вопросов, данные статистики в области наложения административных штрафов ведут, а именно: **неравенство, формализм, правовой нигилизм населения.**

К примеру, до 25% штрафов за административные правонарушения ложатся на социально уязвимые группы. 35-40% граждан не знают содержания таких статей, как 505 КоАП (см. Нарушение правил благоустройства территорий городов и населенных пунктов, а также разрушение объектов инфраструктуры, уничтожение и повреждение зеленых насаждений города и населенных пунктов).

Формализм правоприменения усиливает ощущение несправедливости и отдалённости государства от повседневных реалий.

В этой связи, считаю целесообразным остановиться на освещении зарубежной практики по тематике моего доклада по критериям применения гибкости и справедливости в этой области.

Европейский союз:

- «Дневные штрафы», зависимость от дохода.
- Онлайн-обжалование, цифровое уведомление.

США:

- Повышенные штрафы за повторность.
- Общественные работы и обучение как альтернатива.

Азия (Япония, Китай):

- Цифровой контроль, высокие штрафы за экопреступления.
- Быстрое взыскание через единые IT-платформы.

В Казахстане 10 января 2025 года принят Закон РК «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях» представляющий собой масштабную реформу административного законодательства, направленную на его актуализацию и адаптацию к современным реалиям. Затрагивает такие сферы как ПДД, охрану труда, экологию, защиту персональных данных, налоговое и валютное регулирование.

В соответствии с вышеуказанным законом в КоАП РК включен пункт 7-1) в часть 1 ст. 41 Кодекса, который вступает в дей-

ствие с 1.09.2025 года и закрепляет такую меру административного взыскания как «общественные работы». Данный вид взыскания закреплён в КоАП в виде статьи 49-1 как вид административного взыскания и предусматривает срок от десяти до ста часов.

Эти реформы – шанс перейти от количественного доминирования к качественной правовой архитектуре.

По моему мнению уполномоченным органам совместно с депутатами Парламента надо рассмотреть возможность использования 5 ключевых шагов на пути гуманизации административной ответственности в виде штрафа.

1. Превенция вместо наказания.

Так при применении статьи 44 КоАП – расширить применение меры административного взыскания в виде предупреждения, согласно пункта 1) части 1 ст. 41 Кодекса.

В том числе следует предусмотреть обучение населения правовым основам. Это будет системной альтернативой штрафам.

2. Цифровизация.

В этой части необходима Единая платформа, которая бы включала в себя: фиксацию, оплату, обжалование. Позволило бы исключить субъективизм и коррупционные риски в сфере правоприменения.

3. Пропорциональность.

Размер штрафа = тяжесть + доход + обстоятельства. Отказ от уравнительного подхода.

4. Правовое просвещение.

Школы, СМИ, ЦОНЫ, маслихаты как каналы распространения юридической грамотности.

5. Мониторинг и обратная связь.

Ежегодные опросы, аудит дел, кейс-анализы, открытые отчёты по регионам.

Таким образом, административное принуждение, применяемое Казахстаном, вступает в фазу переоценки: от механизма санкционирования – к инструменту справедливости и соответственно должно работать не ради санкций, а ради законопослушного поведения и доверия граждан к государству. Переход от формального фискального давления к интеллектуальной и превентивной модели администрирования – необходимая цель предстоящих лет.

Штраф – это не наказание ради бюджета, а воспитательная мера, служащая цели правопорядка и уважения к закону.

Государство, действующее через доверие и профилактику, добивается большего, чем государство, действующее через устрашение.

ОБОРОТНЫЕ ШТРАФЫ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ОБРАБОТКИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ: GDPR VS СТ. 13.11 КОАП РФ, СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

**Заплатина Т. С. – кандидат юридических наук, CIPP/E,
CIPP/A, практикующий специалист в сфере privacy
член Международной ассоциации профессионалов в области
конфиденциальности International Association
of Privacy Professionals (IAPP)
преподаватель-исследователь
Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
123001, Россия, г. Москва, ул.Садовая-Кудринская, 9
*tatianazaplatina@yandex.ru***

30 мая 2025 года в России произошла реформа законодательства в сфере privacy, вступили в силу поправки в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (далее – КоАП РФ), которые ужесточают ответственность для операторов персональных данных за утечки личной информации, Закон № 502104-8, внесший изменения в КоАП РФ не только в значительной мере увеличивает штрафные санкции, делая их оборотными подобно европейскому законодательству, но и предлагает дополнить статью 13.11 КоАП РФ новыми составами административных правонарушений. Обратный штраф за утечку персональных данных будет теперь зависеть от выручки компании, санкция составляет от 0,1 до 3% выручки за календарный год или за часть текущего года, но не менее 15 млн руб. и не более 500 млн¹.

Штраф за утечку данных от 1000 до 10 000 субъектов персональных данных, штраф для юрлиц составит от 3 до 5 млн руб., за утечку данных 10 000–100 000 субъектов штраф составит от 5 до 10 млн руб., а за утечку данных для более 100 000 граждан – от 10 до 15 млн руб.

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 07.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.07.2025) // СПС Консультант Плюс.

За утечку специальных категорий персональных данных, относящихся к наиболее чувствительным данным, предполагается установление повышенных административных штрафов. Размеры штрафов для граждан составляют до 800 000 рублей, для должностных лиц – до 2 миллионов рублей. За повторные правонарушения, выражающиеся в серьезной «утечке» персональных данных, предусматриваются санкции в виде оборотных штрафов (до 3% выручки за календарный год, предшествующий году, в котором было выявлено нарушение).

Следует отметить, что оборотный штраф за утечку персональных данных можно будет снизить до фиксированного значения, если компания публично признается, что данные физлиц были похищены. Также оператору нужно будет активно помогать госорганам в расследовании причин утечки и доказать, что причина инцидента не в том, что оператор не обеспечил должный уровень информационной безопасности. В этой связи укажем, что ранее еще с 1 сентября 2022 года работодатели обязаны отчитываться в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) о каждой хакерской атаке (ст. 21 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ).

В части новых составов административных правонарушений законопроект увеличивает и вводит административные штрафы за:

- несвоевременное уведомление (или не уведомление) Роскомнадзора о намерении осуществлять обработку персональных данных (для граждан штраф составит от 5 000 до 10 000 рублей, для должностных лиц – от 30 000 до 50 000 рублей, для компаний – от 100 000 до 300 000 рублей).

- несвоевременное уведомление (или не уведомление) Роскомнадзора об утечке персональных данных (для граждан штраф составит от 50 000 до 100 000 рублей, для должностных лиц – от 400 000 до 800 000 рублей, для компаний – от 1 млн до 3 млн рублей)².

² Актуальные штрафы за нарушение Закона о персональных данных: обработку, распространение и утечки [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Кадровое дело». – 16 декабря 2024. – URL: <https://www.kdelo.ru/art/386058-novye-shtrafy-za-narushenie-personalnyh-dannyh-21-m03> (дата обращения 19.07.2025.).

- обработка персональных данных без согласия пользователя либо если такая обработка несовместима с целями их сбора – от 100 000 до 300 000 руб. для должностных лиц, от 300 000 до 700 000 для организаций (ч. 2 ст. 13.11 КоАП); повторное нарушение штраф составит от 300 000 до 500 000 руб. для должностных лиц, от 1 до 1,5 млн. рублей для организаций (ч. 2.1 ст. 13.11 КоАП).

Следует отметить, что работодатель вправе обрабатывать персональные данные сотрудника без его согласия, если действует исключительно в рамках закона. Например, чтобы заключить с ним трудовой договор, заполнить личную карточку и т. д. Если же работодатель выходит за рамки закона, например, просит сотрудника принести фотографию или указать в документах личные контактные данные: номер мобильного телефона, адрес электронной почты – он должен получить письменное согласие на обработку персональных данных (ст. 6 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ)³. Более того, сотрудник в любой момент может отозвать свое согласие на обработку персональных данных, тогда работодателю как оператору необходимо вернуться к стратегии обработки персональных данных исключительно в рамках закона. То есть уничтожить фото, исключить из документов личные контактные данные сотрудника и т. д.

Распространение персональных данных – один из трёх видов передачи персональных данных согласно п. 3 ч. 1 ст. 3 Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 № 152-ФЗ, предполагающий передачу персональных данных неограниченному кругу лиц. Если компания размещает данные сотрудников на своем сайте или публикует с ними фото и видео в социальных сетях, она распространяет персональные данные. Чтобы законно распространять персональные данные сотрудника, необходимо получить у него письменное согласие⁴. Несмотря на то, что отдельный штрафа

³ Актуальные штрафы за нарушение Закона о персональных данных: обработку, распространение и утечки [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Кадровое дело». – 16 декабря 2024. – URL: <https://www.kdelo.ru/art/386058-novye-shtrafy-za-narushenie-personalnyh-dannyh-21-m03> (дата обращения 19.07.2025.)

⁴ Актуальные штрафы за нарушение Закона о персональных данных: обработку, распространение и утечки [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Кадровое дело». – 16 декабря 2024. – URL: <https://www.kdelo.ru/art/386058-novye-shtrafy-za-narushenie-personalnyh-dannyh-21-m03> (дата обращения 19.07.2025.)

за распространение персональных данных прямо не установлен, передача персональных данных и частное – распространение входят в общее понятие обработки персональных данных. Штрафы за распространение персональных данных без согласия сотрудника те же, что и за обработку без согласия:

за первое нарушение штраф составит от 100 000 до 300 000 руб. для должностных лиц, от 300 000 до 700 000 для организаций (ч. 2 ст. 13.11 КоАП);

повторное нарушение штраф составит от 300 000 до 500 000 руб. для должностных лиц, от 1 до 1,5 млн. рублей для организаций (ч. 2.1 ст. 13.11 КоАП).

Следует особо отметить, если оператор получили от работника согласие на обработку или распространение данных, но само согласие оформил с нарушениями и не указал в нем обязательные сведения, оператора оштрафуют:

за первое нарушение от 100 000 до 300 000 руб. для должностных лиц, от 300 000 до 700 000 для организаций;

повторное нарушение от 300 000 до 500 000 руб. для должностных лиц, от 1 до 1,5 млн. рублей для организаций⁵.

В настоящее время законопроект № 502104-8 является одним из самых обсуждаемых и критикуемых, однако действительно ли введенные законопроектом меры ответственности являются такими необоснованными? Рассмотрим для сравнения штрафы, установленные Регламентом Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных) (General Data Protection Regulation)⁶ (далее – GDPR или Регламент). Согласно

⁵ Актуальные штрафы за нарушение Закона о персональных данных: обработку, распространение и утечки [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Кадровое дело». – 16 декабря 2024. – URL: <https://www.kdelo.ru/art/386058-novye-shtrafy-za-narushenie-personalnyh-dannyh-21-m03> (дата обращения 19.07.2025.)

⁶ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // OJ L 119, 4.5.2016, p. 1–88.

статье 83 GDPR: «Административные штрафы накладываются в зависимости от обстоятельств каждого индивидуального случая. При решении вопроса о наложении административного взыскания и установлении его размера, в каждом индивидуальном случае необходимо принимать во внимание:

(а) характер, тяжесть и продолжительность нарушения с учетом характера, объема или цели обработки, количества пострадавших субъектов данных и размера причиненного им вреда;

(b) преднамеренный или непреднамеренный характер нарушения;

(с) любые действия, предпринятые контролёром или процессором для уменьшения ущерба, причиненного субъектами данных;

(d) степень ответственности контролёра или процессора, учитывая предпринятые ими технические и организационные меры согласно статьям 25 и 32;

(е) любые относящиеся предыдущие нарушения со стороны контролёра или процессора;

(f) степень сотрудничества с надзорным органом в целях устранения нарушения и смягчения возможных негативных последствий нарушения;

(g) категории персональных данных, пострадавших в результате нарушения;

(h) каким образом надзорный орган узнал о нарушении, в частности, уведомил ли контролёр или процессор о нарушении и, если уведомил, то в какой степени;

(i) исполнение мер, упомянутых в статье 58(2), по тому же самому делу, если таковые ранее применялись в отношении контролёра или процессора;

(j) соблюдение утвержденных кодексов поведения согласно ст. 40 или утвержденных механизмов сертификации согласно ст. 42; а также

(k) любые другие отягчающие или смягчающие факторы, применимые к обстоятельствам дела, такие как приобретенные прямо или косвенно благодаря нарушению финансовые выгоды, или предотвращенные убытки».

Если в пределах одной и той же обработки или же нескольких связанных друг с другом операций обработки контролёр или процессор умышленно, или по неосторожности нарушает несколько положений GDPR, общая сумма административного штрафа не должна превышать сумму штрафа за наиболее серьезное нарушение.

Нарушение обязанностей контролёра и процессора, указанных в статьях 8, 11, 25-39, 42 и 43 согласно Регламенту, предполагает наложение административного штрафа в размере до 10 000 000 Евро, а в случае субъекта хозяйствования – до 2% от общего годового мирового оборота за предыдущий финансовый год, в зависимости от того, что выше. Данные обязанности включают в себя:

- соблюдение условий, применимых к согласию ребенка (статья 8);
- выполнение условий обработка, не требующей идентификации субъекта данных (статья 11);
- соблюдение принципа обработки «защита данных по замыслу и по умолчанию» (статья 25);
- выполнение обязанностей совместными контролерами (статья 26);
- представительство контролеров или процессоров, не учрежденных в ЕС (статья 27);
- выполнение обязанностей по обработке данных процессором (статья 28);
- правила обработки данных под руководством (по поручению) контролера или процессора (статья 29);
- выполнение обязанности вести реестр записей о действиях по обработке (статья 30);
- выполнение обязанности по сотрудничеству с надзорным органом (статья 31);
- выполнение условий по безопасности обработки (статья 32);
- уведомление надзорного органа об утечке персональных данных (статья 33);
- сообщение субъекту данных об утечке персональных данных (статья 34);

- обязанность по проведению оценки воздействия на защиту данных (статья 35);
- предварительная консультация надзорного органа (статья 36);
- обязанность назначить должностное лицо по защите данных – «data protection officer» (DPO) и реализация им своих полномочий (статья 37 – 39);
- принятие кодекса поведения и его мониторинг, обязанность сертификации (статья 41, 42 и 43).

Нарушение обязанностей контролёра и процессора, указанных в статьях 5, 6, 7 и 9, 12-22, 44-49 согласно Регламенту, предполагает наложение административного штрафа в размере до 20 000 000 Евро, а в случае субъекта хозяйствования – до 4% от общего годового мирового оборота за предыдущий финансовый год, в зависимости от того, что выше. Данные обязанности включают в себя:

- соблюдение основных принципов обработки, в том числе условий согласия в соответствии со статьями 5, 6, 7 и 9;
- соблюдение прав субъектов данных согласно статьям 12-22;
- соблюдение правил передачи персональных данных получателю в третьей стране или международной организации согласно статьям 44-49;
- выполнение обязательств согласно законодательству государства-члена, принятому в соответствии с главой IX Регламента;
- невыполнение предписания, временного или постоянного ограничения на обработку либо на приостановку передачи данных, изданного надзорным органом в соответствии со статьей 58(2) или неспособность обеспечить доступ в нарушение статьи 58(1) Регламента.

В статье 83 Регламента отмечается, что «В случае, когда правовая система государства – члена не предусматривает административные штрафы, статья 83 может применяться таким образом, чтобы наложение штрафа инициировалось компетентным надзорным органом, а штраф налагался компетентными национальными судами, при этом гарантируя, что такие средства правовой защиты являются эффективными и обладают аналогичным эффектом, как и административные штрафы, налагаемые надзорными органами.

Во всяком случае, налагаемые штрафы должны быть эффективными, пропорциональными и должны оказывать сдерживающее воздействие».

Таким образом, GDPR очерчивает границы штрафных санкций, оставляя на усмотрения государств-членов Европейского Союза (далее – ЕС) их детализацию.

С целью гармонизации порядка, в том числе критериев по наложению штрафных санкций по GDPR, Европейский совет по защите данных (EDPB) принял специальные руководящие принципы для гармонизации методологии, используемой надзорными органами при расчете размера штрафа: Guidelines 04/2022 on the calculation of administrative fines under the GDPR Version 2.0 Adopted on 24 May 2023⁷ (далее – Руководящие принципы). Эти Руководящие принципы дополняют ранее принятые Руководящие принципы по применению и установлению административных штрафов для целей Регламента 2016/679 (WP253), которые фокусируются на обстоятельствах, при которых следует налагать штраф. Расчет размера штрафа осуществляется по усмотрению надзорного органа с учетом правил, предусмотренных в GDPR. В этом контексте GDPR требует, чтобы размер штрафа в каждом отдельном случае был эффективным, соразмерным и сдерживающим (статья 83(1) GDPR). Кроме того, при установлении размера штрафа надзорные органы должным образом учитывают перечень обстоятельств, которые относятся к особенностям нарушения (его серьезности) или к характеру виновного (статья 83(2) GDPR). Наконец, размер штрафа не должен превышать максимальные суммы, предусмотренные в статьях 83(4) (5) и (6) GDPR. Таким образом, определение размера штрафа основывается на конкретной оценке, проводимой в каждом случае в рамках параметров, предусмотренных GDPR.

Данные Руководящие принципы устанавливают методологию, состоящую из пяти шагов, для расчета административных штрафов за нарушения GDPR, методология характеризуется следующим:

⁷ Guidelines 04/2022 on the calculation of administrative fines under the GDPR Version 2.0 Adopted on 24 May 2023 // https://www.edpb.europa.eu/edpb_en.

Во-первых, необходимо идентифицировать операции по обработке в каждом конкретном случае и оценить применение статьи 83(3) GDPR.

Во-вторых, необходимо определить отправную точку для дальнейшего расчета суммы штрафа. Это делается путем оценки классификации нарушения в GDPR, оценки серьезности нарушения в свете обстоятельств дела и оценки оборота предприятия.

Третий шаг – оценка отягчающих и смягчающих обстоятельств, связанных с прошлым или настоящим поведением контролера/процессора, и соответствующее увеличение или уменьшение штрафа.

Четвертый шаг – определение соответствующих законных максимальных сумм для различных нарушений. Увеличение, применяемое на предыдущих или последующих этапах, не может превышать эту максимальную сумму.

Наконец, необходимо проанализировать, соответствует ли рассчитанная окончательная сумма требованиям эффективности, сдерживания и пропорциональности.

Штраф может быть скорректирован, однако без превышения соответствующего законного максимума. На протяжении всех вышеупомянутых шагов следует иметь в виду, что расчет штрафа – это не просто математическое упражнение. Скорее, обстоятельства конкретного дела являются определяющими факторами, ведущими к окончательной сумме, которая может во всех случаях быть любой суммой вплоть до законного максимума.

Рассмотрим эти шаги детальнее. Согласно Руководящим принципам при определенных обстоятельствах надзорный орган может посчитать, что определенные нарушения GDPR могут быть наказаны штрафом в заранее определенной фиксированной сумме. Применение фиксированной суммы к определенным типам нарушений не может препятствовать применению GDPR, в частности, его статьи 83. Более того, применение фиксированных сумм не освобождает надзорные органы от сотрудничества согласно главе VII GDPR. Надзорный орган по своему усмотрению устанавливает, какие типы нарушений могут быть наказаны заранее определенной фиксированной суммой, исходя из их характера, серьезности и

продолжительности конкретного вида нарушения. Фиксированные суммы могут быть установлены по усмотрению надзорного органа, принимая во внимание, в частности, социальные и экономические обстоятельства конкретного государства-члена в зависимости от серьезности нарушения, как это трактуется в статье 83(2) (a), (b) и (g) GDPR. Согласно GDPR и Руководящим принципам, надзорному органу следует заранее сообщить суммы и обстоятельства для применения тех или иных фиксированных штрафных санкций.

По части методологии расчёта штрафа в Руководящих принципах отмечается, что прежде всего важно рассмотреть фактические обстоятельства противоправного поведения и осуществить юридическую квалификацию нарушения, а именно установить то, что подлежит штрафным санкциям. В этой связи регулятор отмечает, что единые сложные правонарушения нужно отличать от множественности. В теории права под единичным правонарушением понимается деяние, которое полностью охватывается признаками одного состава правонарушения. Отличительной чертой простого единого (единичного) правонарушения является то, что все его признаки характеризуются в законе одномерно. Оно посягает на один объект, совершается одним деянием, влечет одно последствие, имеет одну форму вины. Единое (единичное) сложное правонарушение характеризуется усложнением одного или нескольких элементов состава правонарушения, тесной юридической общностью объективных и субъективных признаков, обусловивших их объединение в один состав. Примером сложного правонарушения могут быть: продолжаемые или длящиеся.

Если в действиях виновного содержатся признаки нескольких правонарушений, то в таких случаях следует говорить о множественности. Множественность правонарушений – это наличие в действиях одного лица нескольких самостоятельных правонарушений каждое из которых сохраняет своё юридическое значение. Множественность образуют тождественные, однородные либо разнородные правонарушения. Тождественными считают противоправные деяния, которые в рамках основного (простого) состава совпадают по всем элементам: объекту, объективной стороне, субъекту, субъективной стороне.

Таким образом при назначении штрафа важно сначала установить правонарушение является единым или множественным. В случае если деяние множественное, то далее при назначении штрафа следует анализировать привлекался ли ранее нарушитель к ответственности за данное нарушение, является ли оно повторяемым. Рассмотрим примеры из судебной практики Суда ЕС, в частности решением по делу Марин Харвест против Комиссии ЕС⁸ (case C-10/18 P, *Marine Harvest vs the European Commission*), где *Marine Harvest* утверждала, что, наложение двух отдельных штрафов, одного за нарушение обязательства по уведомлению, а другого за нарушение обязательства по бездействию нарушает принцип *ne bis in idem*, принцип, регулирующий тождественные правонарушения в государствах-членах ЕС. При этом Суд ЕС указал, что принцип *ne bis in idem* не применялся в случае, когда орган наложил два штрафа в одном решении. Аналогичные выводы суд сделал в решении по делу *Powszechny Zakład Ubezpieczeń na Życie S.A. w Warszawie*⁹ (case C-617/17. *Powszechny Zakład Ubezpieczeń na Życie S.A. w Warszawie*), где польский антимонопольный орган наложил два штрафа в одном решении: один за нарушение национального законодательства до вступления Польши в ЕС, а другой за нарушение антимонопольного законодательства ЕС после вступления и членства в ЕС. Суд указал, что принцип *ne bis in idem* означает, что Комиссия должна учитывать штрафы, которые национальные антимонопольные органы ЕС уже наложили на то же предприятие за то же противоправное поведение, при отсутствии параллельных процедур в другом государстве-члене ЕС принцип *ne bis in idem* не применяется.

Соответствующее наказуемое поведение необходимо оценивать и определять в каждом конкретном случае. Например, в определенном случае «связанные операции по обработке данных» могут представлять собой одно и то же поведение. Термин «операция по обработке» включен в статью 4(2) GDPR, где «обработка»

⁸ Case C-10/18 P: Appeal brought on 5 January 2018 by *Marine Harvest ASA* against the judgment of the General Court (Fifth Chamber) delivered on 26 October 2017 in Case T-704/14: *Marine Harvest ASA v European Commission* // OJ C 142, 23.4.2018, p. 22–23.

⁹ C-617/17 – *Powszechny Zakład Ubezpieczeń na Życie* // <https://curia.europa.eu>.

определяется как «любая операция или набор операций, которые выполняются с персональными данными или наборами персональных данных, независимо от того, автоматизированы они или нет, такие как сбор, запись, организация, структурирование, хранение, адаптация или изменение, извлечение, консультация, использование, раскрытие путем передачи, распространения или иного предоставления, согласование или комбинирование, ограничение, стирание или уничтожение».

При оценке «одних и тех же или связанных операций обработки» следует иметь в виду, что все обязательства, юридически необходимые для законного выполнения операций обработки, могут быть рассмотрены надзорным органом для оценки нарушений, включая, например, обязательства по обеспечению прозрачности (например, статья 13 GDPR). Это также подчеркивается фразой «для одних и тех же или связанных операций обработки», которая указывает на то, что сфера действия этого положения включает любое нарушение, которое относится к одним и тем же или связанным операциям обработки и может оказать на них влияние. Термин «связанный» относится к принципу, согласно которому единое поведение может состоять из нескольких частей, которые выполняются единой волей и контекстуально (в частности, в отношении идентичности с точки зрения субъекта данных, цели и характера), пространственно и временно связаны настолько тесно, что с объективной точки зрения они будут рассматриваться как одно связное поведение. Достаточная связь не должна предполагаться легко, чтобы надзорный орган мог избежать нарушения принципов сдерживания и эффективного применения европейского права. Поэтому эти аспекты отношений для достаточной связи необходимо оценивать в каждом конкретном случае.

Подводя анализа возможных перспектив наложения оборотных штрафов российским регуляторов в сравнении с ЕС следует отметить, что на данном этапе несмотря на наметившуюся общность в применении оборотных штрафов в целом, российские санкции являются гораздо более мягкими нежели санкции GDPR, это видно невооруженным глазом. Во-первых, количество составов нарушений за которые GDPR предусматривает возможность

применения оборотных шарфов гораздо шире, нежели ст. 13.11 КоАП РФ. Во-вторых, в ЕС существуют четкие рекомендации и правила наложения штрафов, более того в практике ЕС как правила все нарушения являются множественными и штрафы накладываются по совокупности всех возможных нарушений и принципов, более того Европейский совет по защите данных устанавливает презумпцию вины контролера в российских реалиях пока такие тенденции в целом не намечаются. Тем не менее, следует продолжать следить за первыми прецедентами, проводимой регулятором квалификаций в части единых и множественных преступлений, а также практикой обжалования наложенных штрафных санкций.

Литература:

1. Доктринальные источники

1.1. Электронный ресурс: <https://buh.ru/news/gosduma-odobrila-zakon-ob-oborotnykh-shtrafakh-za-utechku-personalnykh-dannykh>.html (дата обращения 19.07.2025.)

1.2. Актуальные штрафы за нарушение Закона о персональных данных: обработку, распространение и утечки [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Кадровое дело». – 16 декабря 2024. – URL: <https://www.kdelo.ru/art/386058-novye-shtrafy-za-narushenie-personalnyh-dannyh-21-m03> (дата обращения 19.07.2025.)

2. Источники Российского права

2.1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 07.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.07.2025) // СПС Консультант Плюс.

3. Источники права ЕС

3.1. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (Text with EEA relevance) // OJ L 119, 4.5.2016, p. 1–88.

4. Прецедентное право

4.1. Case C-10/18 P: Appeal brought on 5 January 2018 by Marine Harvest ASA against the judgment of the General Court (Fifth Chamber)

delivered on 26 October 2017 in Case T-704/14: Marine Harvest ASA v European Commission // OJ C 142, 23.4.2018, p. 22–23.

4.2.C-617/17 – Powszechny Zakład Ubezpieczeń na Życie // <https://curia.europa.eu>.

5. Акты EDPB

5.1. Guidelines 04/2022 on the calculation of administrative fines under the GDPR Version 2.0 Adopted on 24 May 2023 // https://www.edpb.europa.eu/edpb_en.

ПРИОРИТЕТНОСТЬ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ в ОБЛАСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

**Каиржанова С. Е. – доктор юридических наук,
мл. советник юстиции,
профессор кафедры Истории и Права Западно-Казахстанского
инновационно-технологического университета,
Республика Казахстан, г. Уральск,
*Solidat62@msil.ru***

**Шаяхметова Ж. Б. – кандидат юридических наук,
ассоциированный профессор,
Республика Казахстан, г. Атырау,
*E-mail: jan68@inbox.ru***

**КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ
*Иосиф Виссарионович Сталин***

Аннотация: В данной статье рассматривается реализация новых элементов кадровой политики в системе правоохранительных органов.

Теоретическая значимость настоящего исследования заключается в углублении понимания деятельности правоохранительных органов. Практическая значимость настоящего исследования заключается в информировании читателей о возможностях взаимодействия с правоохранительными органами для защиты прав и свобод граждан при участии в производстве по уголовным делам. При производстве настоящего исследования авторами применялись методы описания, абстрагирования и герменевтического анализа.

Авторами настоящей статьи было выявлено, что содержание принимаемых правоохранительными органами при осуществлении досудебного расследования мер по защите прав участников уголовного процесса, может различаться в зависимости от характера проводимых следственных мероприятий. Кроме того, правовой статус участников уголовного процесса так же оказы-

вает значительное влияние на принятие в отношении них мер по обеспечению их конфиденциальности.

Аннотация: Бұл мақалада құқық қорғау жүйесінде кадр саясатының жаңа элементтерінің жүзеге асырылуы қарастырылған.

Бұл зерттеудің теориялық маңыздылығы жеке деректерді қорғау бойынша құқық қорғау органдарының қызметін түсінуді тереңдетуде жатыр. Бұл зерттеудің практикалық маңыздылығы оқырмандарды қылмыстық процеске қатысу кезінде жеке ақпаратты қорғау үшін құқық қорғау органдарымен өзара әрекеттесу мүмкіндіктері туралы ақпараттандыруда. Бұл зерттеуді өндіруде авторлар сипаттау, абстракциялау және герменевтикалық талдау әдістерін пайдаланды.

Осы мақаланың авторлары қылмыстық процеске қатысушылардың жеке деректерін қорғау бойынша сотқа дейінгі тергеп-тексеру кезінде құқық қорғау органдары қолданатын шаралардың мазмұны жүргізілетін жедел-ізвестіру қызметінің сипатына қарай әртүрлі болуы мүмкін екенін анықтады. Сонымен қатар, қылмыстық процеске қатысушылардың құқықтық жағдайы олардың құпиялылығын қамтамасыз ету шараларын қабылдауға да айтарлықтай әсер етеді.

Ключевые слова: политика, государство, учреждение, организация, полиция, реформа, специальность.

Түйін сөздер: саясат, мемлекеттер, мекемелер, ұйым, полиция, реформа, мамандық:

В современных условиях криминогенной ситуации в Казахстане и недостаточной эффективности деятельности по борьбе с правонарушениями, основные усилия юридической науки сегодня должны быть направлены на поиск инновационных вариантов совершенствования, работы правоохранительных институтов нашего государства.

Уголовно-процессуальная деятельность, как и любая другая, направлена на достижение определенной цели, представленной

в должном образом, динамической моделью будущего результата деятельности. Целью деятельности человека «является то, что в данный момент отсутствует и должно быть достигнуто с помощью действий» [1].

Кадровая политика – это важное, приоритетное направление деятельности государства, учреждения, организации по проведению мероприятий, направленных на формирование трудового потенциала [2].

Как отметил профессор Каиржанов Е.И., – кадровое обеспечение любой программы или проекта имеет решающее значение, оно многопланово и многоаспектно. В конце концов, хотя это банально, но «кадры решают все» [3].

Начало крупномасштабной реформы органов внутренних дел Республики Казахстан было заложено в Послании народу Казахстана от 5 декабря 2018 года, в котором Президент поставил задачу – внедрит новые современные форматы работы с населением кардинально изменить критерии оценки полиции перевести работу полиции на сервисную модель.

Приказом МВД РК от 24 апреля 2020г. № 358 утвержден «Стандарт полицейского», где в Главе 1, указано, служба в полиции является выражением особого доверия со стороны общества и государства и предъявляет высокие требования к личным и профессиональным качествам полицейского. Полицейскому всегда следует помнить, что каждый человек и гражданин РК должен чувствовать себя в безопасности, видеть в полицейском своего защитника, готового оказать помощь в любую трудную минуту и способного надежно оградить его жизнь, здоровье, права и свободы, честь и достоинство от преступных и иных противоправных посягательств [4].

Основными направлениями формирования кадрового состава органов внутренних дел закреплены:

1. подготовка на плановой основе кадров для замещения соответствующих должностей;
2. создание условий для профессионального и должностного роста сотрудников;
3. оценки результатов служебной деятельности путем проведения аттестации.

В ОВД работа по внедрению компетентного подхода в кадровой работе была начата в 2013 году с принятием концепции кадровой политики правоохранительных органов Республики Казахстан (одобренной Указом Президента РК от 31 декабря 2013 года, № 720 «О мерах по дальнейшему развитию правоохранительной системы РК»).

За этот период в службах, подразделениях и ведомствах ОВД проведена большая аналитическая, научно-исследовательская работа, в результате которой создана принципиально новая система проверки кандидатов на службу и действующих сотрудников на соответствие необходимому уровню профессиональных способностей.

Целью кадровой политики ОВД необходимо определить формирование кадрового состава в количественном и (или) качественном выражении.

Для объяснения процесса формирования надо обратить внимание на два значимых понятия: «профессия» и «специальность», которые объясняют и детально разграничивают трудовую деятельность работников любой сферы.

В современном толковом словаре под редакцией С.А.Кузнецова «профессия» понимается как род трудовой деятельности, требующей определенной подготовки и являющейся обычно источником существования [5].

Понятие «специальность», объясняющее традицию внутри «профессия» толкуется как отдельная отрасль науки, техники, мастерство или искусство, дело, занятие, в котором кто-либо проявляет умение [6].

Рассматривая указанные выше определения, можно говорить о вхождении в профессионально направленную деятельность под общим названием «полицейская». Выполняя задачи государства в правоохранительной сфере, ОВД нуждаются в специалистах большого количества направлений.

По мнению В.Я.Кикотя, с которым стоит согласиться, профессионал в ОВД -это сотрудник, досконально знающий порученный участок работы и обладающий определенным совокупность социально значимых качеств и свойств личности, с высокой степенью

успешности решающий свои профессиональные задачи в социально одобряемых формах, воспринимаемых населением правомерными и справедливыми [7].

На современном этапе развития ОВД непосредственный поиск граждан для службы в органах внутренних дел осуществляется руководителями и сотрудниками структурных подразделений органов внутренних дел, в которых предполагается назначение на должности кандидатов, а также кадровыми подразделениями. В этих целях для кандидатов на службу и сотрудников ОВД разработаны типовые модели профессиональных компетенций. Данные модели содержат перечень необходимых знаний, умений, навыков и личностных качеств сотрудника, их подробное и точное описание, а также критерии оценки (так называемые поведенческие индикаторы) посредством которых и будет определяться степень соответствия сотрудника необходимому уровню профессиональных качеств.

Также, наряду с компетентностным подходом, к сотрудникам ОВД будут применяться системы оценки по показателям профессиональной эффективности и конкурентоспособности. Целью данных систем является объективное определение степени результативности служебной деятельности и служебного рейтинга каждого сотрудника. Оценка сотрудников по данным показателям будет проводиться ежегодно, и ее результаты станут критериями дифференциации оплат труда, премирования и продвижения по службе.

В целом, данная триединая система создает принципиально новые стандарты качества службы и кадрового обеспечения ОВД на основе принципов доступности, транспарентности и меритократии.

Особо необходимо создание нового поколения работников правоохранительных органов государства, имеющих устойчивых иммунитет невосприимчивости незаконного (неправомерного) корыстолюбия, безупречной преданности интересам службы и подчинению, и служению только закону [8].

В современных условиях важно выделить и проблему оценки деятельности органов внутренних дел.

В.И.Майоров, В.Е.Севрюгин констатируют, что «максимальная эффективность работы полиции возможна лишь при высоком уровне общественного доверия к полиции...» [9].

А.Н.Грищенко утверждает, что «современные приоритеты правоохранительной деятельности полиции как общественная безопасность и права граждан являются взаимно обусловленными и вносят проблемность» [10].

Д.А.Полицук относит к показателям эффективности работы полиции, следующие; представление населения о качестве ее работы, общая нагрузка работы, процент раскрытых преступлений, время реагирования на различные виды звонков и прочее, отдельно он выделяет данные, полученные при проведении обследований по определению степени удовлетворенности лиц, вступивших в контакт с полицией в заданный период времени, и считает это полезным показателем эффективности работы полицейских органов [11].

Зарубежные ученые в своих научных исследованиях пишут о том, что государства, которые не обеспечивают политических благ, таких, как безопасность, имеют низкое доверие граждан к государственным структурам, что приводит к росту спроса на услуги частной безопасности. Полиция Чили, является одним из самых уважаемых институтов, полиция США – слишком милитаризована, Австралийская полицейская служба подчас не справляется с новыми вызовами глобализации.

При сравнении полиции в Бразилии, России и Китае российская полиция видится значительно более оскорбительной, но менее оскорбительной, чем бразильская.

Как зарубежные ученые, так и ученые наши страны поднимают в своих научных работах проблемы коррупции в полиции и отмечают, что полицейская деятельность связана с верховенством права и соблюдением надлежащих процессуальных норм; коррупция и другие формы нарушения со стороны полиции подрывают легитимность полицейской организации и само государство. Поэтому считаем, что в деятельность полиции в зарубежных странах практически такие же проблемы, как и в Казахстане. Реформа полиции в большинстве зарубежных стран выстраивается по-американским и европейским стандартам и методикам.

Вместе с тем, на наш взгляд, реализация новых элементов кадровой политики в системе правоохранительных органов есте-

ственным образом столкнется с рядом проблем и побочных факторов. Во-первых, новые положения кадровой политики не прошли полного цикла апробации перед внедрением. Вероятно, это повлечет необходимость дальнейшей корректировки соответствующих правовых основ. При этом крайне важно провести полный комплекс прикладных научных исследований по наиболее сложным и спорным аспектам новых институтов, кадровой политики правоохранительных органов.

Во-вторых, с учетом инновационного характера внедренных систем кадровой работы, необходимо обеспечить профессиональное управление данными системами с привлечением на штатные должности кадровый служб правоохранительных органов соответствующих специалистов, либо обучить действующих сотрудников кадровых служб.

В-третьих, учитывая, что в последнее десятилетие в правоохранительных органах Республики отмечается общая тенденция к сокращению штатной численности, проведенные преобразования в системе кадрового обеспечения существенно повысят и без того высокую бюрократическую нагрузку на сотрудников.

На сегодняшний день высокая бюрократическая нагрузка и, как следствие, ненормированное время труда, выступают одним из основных условий, способствующих оттоку кадров и снижению привлекательности службы в правоохранительных органах.

Реализация компетентного подхода в кадровой работе правоохранительных органов, а также внедрение систем оценки служебной эффективности и конкурентоспособности сотрудников, по нашему мнению, выступают фундаментальными условиями дальнейшей модернизации всей правоохранительной системы.

Список литературы:

1. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград, 1976, с.27-59
2. Беляева Ю. Разработка кадровой политики унитарных предприятий городского хозяйства// Кадровик. Кадровой менеджмент.2011. т.8 с.102-121 //http://hase.garant.ru/58105574.

3. Каиржанов Е.И. Избранные труды т.2, Алматы, 2008, с.234
4. Бегалиев Е.Н., Балымов Е.К., Сервисная модель обеспечения общественной безопасности теория и практики (коллективная монография) А., 2022., с-122
5. Большой энциклопедический словарь // <http://dic.academic.ru/cjntents.nsene3p/> (Дата обращения 27.03.25)
6. Современный толковый словарь русского языка / под редакцией С.А.Кузнецова СПб.М.: РИПОЛ классик 2008.с.255
7. Аврутин Ю.Е., Кикотя В.Я., Сыдорук И.И. Теоретическое административно-правовое исследование. С.301// <http://зачетка.рф/Бюок/4903> (Дата обращения 20.04.2020)
8. Каиржанов Е.И. Проблемы кадрового обеспечения борьбы с коррупцией. Избранные труды т.2., Алматы, 2008. с.237
9. Майоров В.И., Севрюгин В.Е. Противодействие преступности на основе современных концепции взаимодействия полиции и общества: опыт зарубежных стран и России // Вестник Пермского университета.Юрид.науки.2017, выпуск.35 с-95,106
10. Грищенко А.Н. Правовая политика в области правоохранительной деятельности и функции полиции //Российский юстиция, 2018, №5 с.9
11. Полищук Д.А. Критериальная база оценки эффективности правоохранительной деятельности 2014, №1 с.1-8 //URI:// <http://e-ntabene.ru/pm/article9270.html>

НОРМАТИВНОСТЬ КОНСТИТУЦИОННЫХ ИДЕОЛОГЕМ В РОССИИ И ИХ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ В ПРИНЦИПАХ РОССИЙСКОГО ПРАВА

**Комиссаров А. В. – Новосибирский военный ордена Жукова
институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск
национальной гвардии Российской Федерации
Россия, Новосибирск
aleks_kom3172@mail.ru**

**Абакумова Е. Б.
Институт философии и права СО РАН
Новосибирский военный ордена Жукова институт имени
генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии
Российской Федерации,
Россия, Новосибирск
civilization1981@mail.ru**

Аннотация: авторскому рассмотрению подвергается система конституционных «идеологем» и их имплементационное влияние на формирование и формулирование общих системных и отраслевых принципов права в Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционализм России, государственная, общественная, конституционная идеология, правовая идеология, принципы права, основы конституционализма Российской Федерации.

Нормативно ст. 1 Конституции Российской Федерации закреплена государственная форма правления и иные основные конституционные характеристики государства, согласно чему, Россия является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Демократический политический режим дает гражданам возможность объединяться в различные политические партии и движения, общественная деятельность которых, так или иначе, направлена на формирование институтов власти в стране.

С либерально-политической точки зрения считается, что развитие государства на основе идеологической концепции ведет, в конечном счете, к идеологизации общества [1]. Мы же полагаем, что идеи, рассматриваемые в рамках любой из существующих политологических теорий и политических моделей, могут стать препятствием для объективного анализа происходящих общественных процессов из-за попыток уйти от реальных идеолого-ценностных ориентиров общества и поддержать деструктивные интересы и лоббистские инициативы отдельных политических фигур и групп. По нашему видению, укрепление правового демократического государства и институтов гражданского общества неразрывно связано с реализацией идеологической функции Конституции как гаранта государственности и первоисточника национального права. В преамбуле Конституции Российской Федерации закреплена цель, мотивы и идеи формирования государства. Можно утверждать, что в данной части Конституции и содержатся ключевые признаки – элементы государственной идеологии.

Невзирая на то, что на законодательном уровне (п.п. 1, 2 Конституции Российской Федерации) фактически декларировано не установление государственной идеологии, действующая Конституция содержит ее элементы в закреплении государственно-правовых (конституционных) основ, принципов, подходов к определению системы государственного устройства, которые выражаются в виде определенных идеологем, по сути, и формирующих государственную идеологию.

На наш взгляд, что данные конституционно-правовые идеологемы способны воздействовать на формирование принципов права, являющихся основными характеристиками национальной правовой системы, служащих гарантиями обеспечения гражданского мира и согласия в обществе, уважения и соблюдения прав и свобод человека и взаимной ответственности российского государства и общества.

Полагаем, только объективный и комплексный анализ общественных процессов через соотнесение их характеристик с принципиальными правовыми постулатами может стать основой для формулирования государственных идеологем, являющихся леги-

тимным и прочным правовым фундаментом общественных договоренностей многонационального народа России, которые в форме принятых норм права, закреплены в Конституции Российской Федерации. Именно поэтому, Конституция является тем правовым актом, где нормативно формулируются принципы права, сформированные в форме конституционных идеологем.

Примером непосредственной связи государственно-правовых основ конституционализма и принципов регулирования правовых институтов и отраслей права может послужить, закрепление в ст. 8 Конституции Российской Федерации декларация единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств, что в виде отраслевой активации конституционной идеологемы находит свое отражение в принципе гражданского права, который закреплён в качестве одного из основных начал гражданского законодательства в п. 5 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которому «товары, услуги и финансовые средства свободно перемещаются на всей территории Российской Федерации».

Далее в ст. 38 Конституции Российской Федерации указывается, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Данная конституционная идеологема имеет свое отраслевое отношение к принципу семейного права, закрепляемого в п. 1 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации, которым нормативно устанавливается, что семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находится под защитой государства.

Ст. 40 Конституции Российской Федерации закрепляется и гарантируется право каждого на жилище. Эта идеологическая конституционная основа конституционного строя находит свое отраслевое нормативное закрепление в п. 4 ст. 1 Жилищного кодекса Российской Федерации в качестве одного из основополагающих принципов жилищного права, согласно букве и смыслу которого, граждане имеют право свободного выбора жилых помещений для проживания в качестве собственников, нанимателей или на иных основаниях.

П. 2 ст. 3 Конституции Российской Федерации устанавливает, что народ осуществляет свою власть непосредственно, а также че-

рез органы государственной власти и органы местного самоуправления. Эта конституционная идеология служит основой принципов избирательного права как комплексной отрасли и субъективного права гражданина: согласно ч.ч. 1, 2 ст. 3 Федерального закона от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», гражданин Российской Федерации участвует в выборах на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Учитывая вышесказанное, считаем обоснованным утверждать, то норма п. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации закрепляет незаконность и практическую невозможность установления обязательной идеологии на императивном государственном уровне. Конституционно-правовые идеологии же по содержанию и правовому предназначению являются базисными элементами общенациональной идеологии России. Таким образом, отсутствие единой государственной идеологической обязательности в Российской Федерации не распространяется на конституционные идеологии, которые закрепляют основы суверенного конституционного строя и интегрируются в общие и отраслевые принципы российского права.

Источники и литература:

1. Асриев А. Ю., Лопуха А. Д., Разгонов В. Л. Государственная идеология как вектор развития общества // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». 2020. №XI. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-ideologiya-kak-vektor-razvitiya-obschestva> (дата обращения: 26.06.2025).
2. Гончаренко Л. Н., Авакова Э. Б., К вопросу о государственной идеологии современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2020. №. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-gosudarstvennoy-ideologii-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 26.06.2025).

3. Малышева Е. Г., Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. №30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideologema-kak-lingvokognitivnyy-fenomen-opredelenie-i-klassifikatsiya> (дата обращения: 26.06.2025).
4. Мусаелян Л. А., К вопросу об отсутствии в России государственной идеологии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. №55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-otsutstvii-v-rossii-gosudarstvennoy-ideologii> (дата обращения: 26.06.2025).
5. Хорунжий С. Н., Конституционная идеология и баланс защищаемых правовых ценностей // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2017. №2 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-ideologiya-i-balans-zaschischaemyh-pravovyh-tsennostey> (дата обращения: 26.06.2025).

ПОНЯТИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ (СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ)

**Макарчук Н. В. – кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского
права, Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)» Россия, г. Москва
makarchukn@mail.ru**

Аннотация: В статье рассматривается сущность и содержание понятия государственное регулирование цифровой экономики как основной экономико-правовой категории предпринимательского права, приводятся примеры различных подходов к определению государственного регулирования цифровой отрасли, сделан вывод, что рассмотрение государственного регулирования в единстве с процессом осуществления предпринимательской деятельности позволит определить комплекс необходимых мер для преодоления кризисных явлений в экономике и праве в условиях цифровизации.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, государственное регулирование, государственная поддержка, модели регулирования, цифровые технологии, баланс интересов.

Аннотация: Мақалада цифрлық экономиканы мемлекеттік реттеу ұғымының мәні мен мазмұны кәсіпкерлік құқықтың негізгі экономикалық-құқықтық категориясы ретінде қарастырылады, цифрлық саланы мемлекеттік реттеуді анықтаудың әртүрлі тәсілдерінің мысалдары келтірілген, мемлекеттік реттеуді кәсіпкерлік қызметті жүзеге асыру процесімен бірлікте қарау экономика мен құқықтағы дағдарыстық құбылыстарды еңсеру үшін қажетті шаралар кешенін анықтауға мүмкіндік береді деген қорытынды жасалған цифрландыру.

Түйінді сөздер: цифрлық экономика, цифрландыру, мемлекеттік реттеу, мемлекеттік қолдау, реттеу модельдері, цифрлық технологиялар, мүдделер теңгерімі.

В условиях стремительной цифровизации отмечается несистемное развитие государственного регулирования экономики, при общем повышении роли государства [10, с.55]. Как представляется необходимое системное развитие и эффективное государственное регулирование требует точного определения содержания понятия «государственное регулирование» экономики и предпринимательской деятельности в современных условиях.

Категория государственное регулирование экономики и предпринимательства в доктрине имеет множество дефиниций. Ряд ученых в своих исследованиях максимально широко трактуют указанное понятие, часто в значении «государственное руководство», «государственное воздействие», «государственное управление». Е.П. Губин, Ю.А. Тихомиров, С.Н. Шишкин подчеркивают неоднозначную трактовку природы и объема государственного регулирования в законодательстве и в литературе, отмечают, что разные авторы подчеркивают различные цели, функции, элементы указанного понятия [6, с.47,60; 21, с.3; 25, с.3], которые обобщенно сводятся к тому, что государство в лице своих органов управляет, оказывает воздействие, вмешивается, ограничивает, устанавливает правила, упорядочивает экономические, хозяйственные, предпринимательские отношения посредством совокупности определенных мер с определенной целью, либо широкой (в интересах общества [18, с.7], защиты публичных и частных интересов [17, с.318], имущественных прав, реализации государственной экономической политики [9, с.103], либо узкой, направленной на конкретный результат. Часть авторов включает в понятие регулирования государственный контроль [25, с.3]. Между тем, государственное регулирование и контроль являются самостоятельными элементами, функциями более широкой категории «государственного управления» [22, с.27], наряду с процессом руководства [20, с.102], координацией, надзором, мерами принудительного характера [15, с.12]. И.Е. Кабанова, под государственным регулированием экономики

понимает ограничение свободы, установление рамок, ограничений [11, с.45]. Как представляется, регулирование не может состоять только в установлении ограничений, напротив, регулирование как направление развития, движения чего-либо с целью приведения в порядок, подчинение некоторому правилу [26 с. 162] предполагает в большей степени не ограничительные, а настраивающие хозяйственный механизм меры, позволяющие упорядочить, установить правильное, необходимое взаимодействие всех частей механизма для эффективной работы.

Верным представляется подход, при котором государственное регулирование рассматривается как деятельность государства в лице его органов [6 с. 47], а не комплекс мер, форм, методов и инструментов, поскольку последние являются лишь средствами в достижении цели. При этом необходимо комплексное рассмотрение государственного регулирования и осуществления предпринимательской деятельности в рамках единого процесса, направленного на достижение общих результатов, совместную реализацию экономической политики в интересах, как бизнеса, так и государства. Предприниматели, несмотря на единство складывающихся отношений, саму деятельность не осуществляют, поскольку это прерогатива государственных органов, однако предприниматели в сотрудничестве, взаимодействии и партнерстве с государством могут принимать участие в разработке и применении конкретных мер государственного регулирования.

В период формирования цифровой экономики, смены технологических укладов, изменения взглядов на роль государства в регулировании экономических и социальных отношений, исследователи указывают на невозможность в ряде случаев прямого вмешательства государства в работу децентрализованных и автономных технологий [4 с.14-21], на сложности оказания влияния, то есть регулирующего воздействия, со стороны государства, на экономические, хозяйственные, предпринимательские отношения, следовательно, необходимы новые подходы в регулировании, поиск оптимального уровня регулирования, создание таких условий, которые будут стимулировать предпринимательское сообщество к участию в реализации политики в сфере цифровой экономики,

в том числе тех случаях, когда государственное вмешательство в силу объективных причин не возможно.

Ю.С. Харитонова, рассматривая закономерности регулирования цифровых экосистем в разных странах, отмечает, что в условиях цифровой экономики преобладает саморегулирование и самоорганизация субъектов в рамках цифровых экосистем, усиление персонализации права, вариативности регулирования конкретных отношений [23, с. 12], а также изменение схемы регулирования рисков [24, с. 137]. Стоит отметить, что некоторые авторы, отрицают возможность использования инструментов саморегулирования, сложившихся в цифровой экономике, для регламентации общественных отношений в цифровой среде, настаивая, что только право может являться таким регулятором [13, с. 94]. Другие исследователи, напротив, полагают, что стандарты и правила саморегулируемых организаций, могут быть важным инструментом для государственного управления в сфере реализации цифровых технологий [19 с.168]. Не вдаваясь в полемику относительно возможности альтернативных праву регуляторов, обратим внимание, что при осуществлении государственного регулирования предпринимательской деятельности, необходима синхронизация различных инструментов, в том числе с инструментами саморегулирования (сорегулирования), особенно в тех случаях, когда оказание регулирующего воздействия со стороны государства затруднительно.

В.С. Елисеев выделяет три стадии государственного регулирования, в которых отражается его сущность: выбор государством определенной экономической цели, подбор необходимых методов государственного регулирования для достижения экономической цели, и практическое воздействие на субъектов через соответствующие методы [9, с. 103-108]. Комплекс необходимых методов в условиях цифровизации зависит от уровня развития цифровых технологий, так на начальном этапе их развития государственное регулирование максимально демократично, предполагает минимальные ограничения, свободу, поддержку и стимулирование, с развитием технологий, когда требуется защита отечественных технологий от иностранной конкуренции используются жесткие меры для обеспечения цифровой безопасности и удовлетворения

собственных нужд, сочетание вышеуказанных методов, используется при насыщении внутреннего рынка цифровыми технологиями и способности конкурировать на международном рынке [12, с. 51].

Как отмечают О.А. Городов, М. А. Егорова, новый этап развития экономики страны требует создания экосистемы цифровой экономики, с целью эффективного взаимодействия государства и бизнеса, устранения и недопущения препятствий и ограничений для бизнеса, как в цифровой сфере, так и в традиционных отраслях при использовании цифровых технологий [5, с. 6]. Для развития цифровой экономики необходимы соответствующие меры государственной поддержки и стимулирования, «цифровые песочницы», налоговые преференции, льготное кредитование, программы профессиональной переподготовки, особые условия закупок [2, с.138-143], государственно-частные партнерства в области цифровой экономики [16, с. 13-14]. В этой связи важна в целом ориентированность государственного регулирования на улучшение взаимодействия государства и бизнеса, с целью повышения эффективности цифровизации, выявления и изучения потребностей бизнеса, формирования благоприятных и комфортных [1, с. 13-21] условий для ведения бизнеса в цифровой среде.

Ученые предлагают конкретные модели государственного регулирования цифровой трансформации отдельных отраслей экономики, где предприниматель, использующий цифровые технологии, при наличии минимально необходимого функционала цифровой инфраструктуры, совершенствует свою деятельность, увеличивая производственно-сбытовые возможности, в сравнении с организациями, не использующими цифровые технологии, а государство в свою очередь является активным участником, и путем таможенного регулирования обеспечивает возможность конкуренции отечественных производителей с мировыми лидерами, оказывает поддержку [3, с. 5-13]. В указанной модели прослеживается тенденция сближения процессов государственного регулирования и осуществления предпринимательской деятельности, для реализации общих целей.

Однако названные тенденции, а равно поиск оптимального уровня регулирования, стремление создать бизнесу благоприятную

среду для развития, стимулировать и поддержать его, не должны приводить к нарушениям как публичных, так и частных интересов. Как справедливо отмечает Е. П. Губин в современных условиях меняется содержание функции защиты прав экономических, хозяйствующих, предпринимательских субъектов, в частности актуальными становятся вопросы ответственности в сфере искусственного интеллекта и т.д., что требует глубоких, фундаментальных правовых исследований, и связано с тем, что возникают новые субъекты, и именно от субъектного состава и вида осуществляемой ими деятельности зависит порядок и формы защиты права [7 с. 10]. В процессе цифровизации экономики, когда появляется множество новых видов предпринимательства, новых субъектов, только государственное регулирование в состоянии обеспечить надлежащий уровень защиты прав участников соответствующих отношений путем поиска и применения новых средств, методов и инструментов.

По мнению, Л.В. Адамской, государственное регулирование предпринимательства в цифровой экономике требуется также для нивелирования рисков киберугроз, технологической безработицы, олигополизации цифрового рынка, региональных диспропорции и кадрового дефицита [2, с. 140].

Таким образом, в условиях цифровой экономики государственное регулирование характеризуется направленностью на создание благоприятной правовой среды, которая способна привести к балансу интересов всех участников рынка цифровых технологий [14, с. 185-193]. Создание такой среды возможно в случае, если государственное регулирование и осуществление предпринимательской деятельности образуют единый процесс, с единой законодательной регламентацией [10, с. 55]. В современных условиях отмечается ориентированность государственного регулирования на улучшение взаимодействия между государственной властью и предпринимательским сообществом, в том числе с использованием цифровых технологий, в рамках которого предстоит решить одну из основных проблем предпринимательства, связанную с защитой прав предпринимателей во взаимоотношениях с органами государства [8, с. 69]. В случае решения указанной проблемы, при

условии прогнозируемости, предсказуемости, а также стабильности устанавливаемых государством правил возможно ожидать не только единства государства и бизнеса в реализации государственной политики в сфере цифровой экономики, но и реального достижения заявленных такой политикой национальных целей развития.

Список литературы:

1. Авдеева И.Л., Головина Т.А., Полянин А.В. Государственное регулирование приоритетных направлений предпринимательства в условиях цифровой экономики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. №4.С. 20. С. 13-21
2. Адамская Л.В. Государственное регулирование цифровой экономики: применяемые инструменты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2025. С.138-143
3. Алексеев А.А., Кружкова Т.И., Ручкин А.В., Рущицкая О.А., Рущицкая О.Е. От интернета вещей к интернету поведения: государственное регулирование цифровой трансформации АПК //журнал «Вестник Алтайской академии экономики и права». 2021. № 6 С. 5-13
4. Брой Ш.У. Регулирование блокчейн-проектов, основанных на технологии распределенного реестра// Международный научно-практический журнал «Право и цифровая экономика». 2021. № 4. С.14-21
5. Городов О. А., Егорова М. А. Основные направления совершенствования правового регулирования в сфере цифровой экономики в России//Право и цифровая экономика.2018. № 1. С. 6
6. Губин Е. П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: дис. ... доктора юридических наук. Москва, 2005. С. 47, 61
7. Губин Е.П. Защита прав участников экономической деятельности: защитная (охранительная) функция предпринимательского (экономического) права// Право и экономика. №1.2025 С. 5-10

8. Губин Е.П. Размышления о предпринимательском кодексе: современный взгляд// Сборник статей «Творческое наследие академика В.В. Лаптева и современность». Москва, 2014. С. 69
9. Елисеев В.С. Государственное регулирование сельского хозяйства России как экономико-правовая категория// Журнал «Lex Russica». 2016. № 6. С. 103-118
10. Занковский С.С. Из истории предпринимательского (хозяйственного) права // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. №3. С. 52-56 С. 55
11. Кабанова И.Е. Правовое воздействие публичных субъектов на экономические отношения на примере некоторых аспектов отношений собственности//Книга Право и экономическое развитие: проблемы государственного регулирования экономики: монография (коллектив авторов, отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова). Юстицинформ, 2017 г.
12. Колесникова Т.В., Степнов И.М., Ковальчук Ю.А. Модели государственного регулирования цифровой отрасли в различных условиях технологического развития// Проблемы рыночной экономики. 2023. № 3. С. 37-52
13. Лунгу Е. В. Конституционные права и свободы человека в свете цифровизации общественных отношений. Lex russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 86–97. С. 94
14. Матвеев В.В., Тарасов В.А. Государственное регулирование и поддержка цифровой экономики в России // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2019. №4 (38). С.185-193
15. Молотников А.Е. Государственное регулирование рынка ценных бумаг: основы теоретического подхода. – «Юстицинформ», 2019 г.
16. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики: монография (отв. ред. к.ю.н., доц. В.А. Вайпан, д.ю.н., доц. М.А. Егорова). «Юстицинформ», 2019 г. С. 13-14
17. Предпринимательское право России: учебник / В.С. Белых [и др.]; отв. ред. В.С. Белых. М.: Проспект, 2008. С. 318.

18. Сальников А.М. Государственное регулирование национальной экономики: учебное пособие// А.М. Сальников. Ярославль, 2021. – 108 с. С.7
19. Сушкова О.В. Правовые механизмы саморегулирования и их влияние на цифровые технологии. Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 с.168-176. С.168
20. Тихомиров Ю.А. Публичное право. М., 1995. С. 102
21. Тихомиров Ю.А. Юридические режимы государственного регулирования экономики // Право и экономика. 2000. № 5. С. 3
22. Харитонов Ю.С. Государственное управление в инвестиционной сфере // Право и бизнес. Приложение к журналу «Предпринимательское право». 2017. № 3. С. 22–27
23. Харитонов Ю.С. Регулирование цифровых экосистем: вопросы правовой политики// книга «Проблемы создания цифровой экосистемы: правовые и экономические аспекты: монография (коллектив авторов; под ред. д.ю.н., доц. В.А. Вайпана, д.ю.н., проф. М.А. Егоровой)». М.: «Юстицинформ», 2021 г.
24. Харитонов Ю. С. Правовые подходы к регулированию искусственного интеллекта: уроки китайского права. Lex russica. 2025. Т. 78. № 5. С. 130-138. С. 137
25. Шишкин С.Н. Государственное регулирование предпринимательской деятельности//Гражданин и право,2006. № 10, С.3
26. Эльмурзаева Р.А. Современные черты регулирования: эволюция понятия и изменение роли в государственной экономической политике // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. №382 с.162-168

ПОНЯТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УЩЕРБА В МЕЖДУНАРОДНОМ И НАЦИОНАЛЬНОМ ПРАВЕ

**Сарсенова С.Н. – кандидат юридических наук,
Высшая школа права Международный университет Астана**

**Асылбекова Ә.Н. – магистрант 2 курса
Высшая школа права Международный университет Астана**

**Кульшарбекова Г.К. – магистр, старший преподаватель
Карагандинский Университет Казпотребсоюза**

Аннотация: Қазіргі уақытта қоршаған ортаға ең ауыр экологиялық залал ауаның ластануынан туындаған трансшекаралық таралу мен тұндыруды біріктіретін шығарындылардың жиынтық процесі болып табылады, оның шығу тегі ластану орындарының географиялық орналасуына қарамастан үлкен қашықтықта орналасқан, сондай-ақ көздері жиі алыс, белгісіз және олардың әрқайсысымен толық байланысты емес ластаушы заттармен.

Аннотация: В настоящее время наиболее серьезный экологический ущерб окружающей среде наносит совокупный процесс выбросов, сочетающий трансграничное распространение и осаждение, вызванный загрязнением воздуха, источник происхождения которого расположен на больших расстояниях, независимо от географической расположенности мест загрязнения, а также с загрязняющими веществами, источники которых часто являются удаленными, неопределенными и полностью не связанными с каждым из них.

Международное экологическое право начало формироваться в отдельную область международного публичного права примерно с середины 1980-х гг. прошлого столетия [1, с.53]. Причины, которые способствовали возникновению данной отрасли, очевидны – активный рост агропромышленного сектора вызвал усиливающиеся экологические проблемы, не признающие территориальных

границ. По мнению Ф. Сандса, известного европейского исследователя международного права, проблемы загрязнения окружающей среды, актуальные внутри отдельного государства, всегда имеют международные последствия на двустороннем, субрегиональном, региональном или глобальном уровнях, и часто могут быть решены только при помощи международно-правового регулирования [2, с.58].

Сущность ответственности государств за экологический ущерб имеет отношение к загрязнению окружающей среды *per se*, которое вызвано опасной для окружающей среды деятельностью и, следовательно, не зависит от того, была такая деятельность *ex lège* или *ex delicto*. В отечественной научной доктрине обычно используются такие понятия как «международный экологический ущерб» (*ecological damage*) и «международный экологический вред» (*environmental harm*), тогда как в западных источниках применительно к данному контексту употребляются также такие термины как «трансграничное воздействие» (*transboundary effect*) и «трансграничный вред» (*transboundary harm*) соответственно.

Ввиду незначительных лексических отличий, термины «ущерб» и «вред» не являются синонимами, однако в правовой доктрине этот вопрос является дискуссионным, поскольку четкое законодательное разделение данных терминов отсутствует. В законодательстве Казахстана также нет четкого разделения между терминами ущерб и вред, они часто используются в качестве синонимов [3]. Однако, необходимо отметить, что казахстанском праве закреплён термин «трансграничное воздействие», который трактуется как «вредные последствия, возникающие в результате количественного или качественного изменения трансграничных вод, вызываемого деятельностью человека, физический источник которых расположен полностью или частично на территории сопредельного государства или соседних государств» [4].

Экологический кодекс Казахстана трактует ущерб окружающей среде как «загрязнение окружающей среды или изъятие природных ресурсов свыше установленных нормативов, вызвавшее или вызывающее деградацию и истощение природных ресурсов или гибель живых организмов» [5].

Кроме того, действующий Экологический кодекс РК не дает определения таких понятий, как «трансграничный ущерб» или «трансграничный вред», оперируя термином «трансграничное воздействие», при этом, также не раскрывая сути такого термина, хотя ряд принципов, предусмотренных Декларацией Рио [1], и непосредственно касающихся вопросов трансграничного вреда, имплементирован в национальное законодательство Казахстана. В частности, принцип предотвращения причинения вреда окружающей среде других государств, принципы предварительного уведомления, предосторожности, а также принцип ответственности загрязнителя за издержки [5].

Согласно Конвенции 1991 года об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте, «трансграничное воздействие означает любое воздействие, не только глобального характера, в районе, находящемся под юрисдикцией той или иной стороны, вызываемое планируемой деятельностью, физический источник которой расположен полностью или частично в пределах района, подпадающего под юрисдикцию другой стороны» [6].

По мнению отечественного специалиста в сфере международного права Е.М. Абайдельдинова, имплементация предполагает проведение широкого комплекса мероприятий организационного характера, направленных на непосредственную реализацию международно-правовых норм, основную часть из которых занимает правотворческая деятельность государства- участника того или иного международного договора, связанная с формированием национального законодательства на основе признанных страной (как ратифицированных, так и нератифицированных) международных договоров [7, с.103].

Учитывая множество пробелов в нормативно-правовом регулировании международного экологического права, в настоящее время весьма актуальным является вопрос аутентичности специальных терминов международного экологического права применительно к их имплементации в национальное законодательство.

По определению американского специалиста в области международного права О. Шахтера, трансграничный ущерб содержит четыре основных признака:

- такой ущерб, как правило, возникает в результате антропогенной (человеческой) деятельности;
- в результате наступления физических последствий такой деятельности;
- при условии физического пересечения территориальных границ, что инициирует применение международного права.
- причиненный ущерб, как правило, должен быть значительным, вместе с тем, потери от него должны быть достаточно существенными [8, с.339].

Не всегда негативное трансграничное воздействие на окружающую среду более, чем одной страны, вызвано деятельностью человека. Современное международное право признает, что разрушительные эффекты, вызванные причинением вреда окружающей среде, не входят в сферу действия

обязательства, если они не имеют «разумно непосредственной причинной связи с человеческим поведением» [8, с. 353].

Трансграничное воздействие может нанести вред окружающей среде, подпадающей под национальную юрисдикцию отдельного государства или группы государств, так и за ее пределами. Данное условие не ограничивается исключительно соседними государствами, но может также включать трансграничные воздействия, которые наносят ущерб многим другим государствам. Согласно нормам действующего международного права, принцип непричинения вреда расширен, и включает в себя также непричинение вреда территориям, находящимся вне национального контроля [9, с. 92].

В настоящее время имеются проблемы в вопросах оценки степеней экологического ущерба и в вопросах возмещения такого ущерба. Несмотря на общепринятое мнение, что экологический ущерб должен превышать определенное пороговое значение – *de minimis* – для того, чтобы ответственность за такой ущерб могла возникнуть, в настоящее время для такого порогового значения не существует какого-либо стандарта, который был бы согласован на международном уровне [10, с.39]. К тому же, чаще всего трансграничный ущерб окружающей среде в тех районах, которые не подпадают под национальную юрисдикцию государств, остается без компенсации.

В некоторых международных соглашениях предусматриваются расходы на меры по предотвращению или смягчению трансграничного ущерба *extra territorium*. В пример может быть приведена Международная конвенция 1996 года об ответственности и компенсации за ущерб в связи с перевозкой морем опасных и вредных веществ [11] и Конвенция 1989 года о гражданской ответственности за ущерб, причиненный при перевозке опасных грузов автомобильным, железнодорожным и внутренним водным транспортом [12], которые до сих пор не вступили в силу.

В настоящее время наиболее серьезный экологический ущерб окружающей среде наносит совокупный процесс выбросов, сочетающий трансграничное распространение и осаждение, вызванный загрязнением воздуха, источник происхождения которого расположен на больших расстояниях, независимо от географической расположенности мест загрязнения, а также с загрязняющими веществами, источники которых часто являются удаленными, неопределенными и полностью не связанными с каждым из них [13, с.980].

Эволюция международного правотворчества в этой области, примером которой может служить Конвенция 1979 года Организации Объединенных Наций /Европейской экономической комиссии о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния [14], дала начало процессу смещения акцента с защиты иностранных территориальных (государственных или частных) интересов до многосторонней защиты самой окружающей среды как всеобщего международного достояния.

Обычные нормы о запрещении трансграничного вреда также применяются, если загрязнены пространства за пределами национальной юрисдикции, такие как открытое море, космическое пространство или Антарктида. В этих случаях ни одно государство не подвергается прямому воздействию, и необходимо рассмотреть вопрос об определении потерпевшего государства, если таковое имеется. В этой связи, некоторые современные исследователи международного права [15, с.353] задаются вопросом, обязаны ли государства обеспечить соблюдение обязательств *erga omnes* другими государствами?

Согласно доктринальной позиции, сложившейся к настоящему времени, государства, имеющие право призывать к ответу

ности, могут потребовать, чтобы ответственное государство прекратило международно – противоправное деяние и гарантировать неповторение, а также другие формы возмещения, такие как реституция, компенсация и сатисфакция, в интересах потерпевшего государства или бенефициаров нарушенного обязательства. В статье 48 Проекта статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния [16] предусмотрено право государства на призывание к ответственности другого государства в случае, если нарушено обязательство в отношении международного сообщества в целом. Однако, в случае, если ни одно государство не является непосредственно потерпевшим, какому государству или другому субъекту должно принадлежать право на получение компенсации?

Учитывая все усиливающееся загрязнение окружающей среды и территорий вне национальных юрисдикций, в частности, большое скопление космического мусора на орбите планеты Земля или огромные плавучие острова мусора, дрейфующие в Тихом океане, вопрос о наложении международно- правовой ответственности за подобные загрязнения является, как мы искренне считаем, самым актуальным на сегодняшний день. Одним из путей выхода из тупика, по мнению исследователя Т. Сковацци, является создание или идентификация субъектов, наделенных правом на получение компенсации за экологический ущерб пространствам за пределами национальной юрисдикции. Экологические режимы должны определять субъектов, которые имели бы право предъявлять претензии и получать компенсацию в отсутствие прямого юридического интереса, если это уместно. Институты, созданные в рамках таких режимов, включая омбудсменов и фонды, возможно, будут уполномочены на это. Можно также предусмотреть, чтобы Верховный комиссар по окружающей среде действовал от имени или в интересах международного сообщества [17, с.219].

Считаем, что такой «институциональный» подход, при условии его веского нормативного обоснования, позволит не только решить проблему загрязнения окружающей среды вне национальных юрисдикций, но также создаст отличный прецедент в вопросе реализации ответственности в международном экологическом праве.

Список литературы

1. Sands, P. «Principles of International Environmental Law». Cambridge University Press; 3-rd edition, 2012. – 1074 p.
2. P. Sands, ‘Turtles and Torturers: The Transformation of International Law’, 33 New York University Journal of International Law and Politics, 2001, pp. 527– 559.
3. Гражданский Кодекс РК, Особенная часть. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1013880 (дата обращения 21.09.2024)
4. Водный кодекс РК, 2003 г. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1042116 (дата обращения 21.09.2024).
5. Экологический кодекс РК, 2007 г. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30085593 (дата обращения 15.11.2024).
6. Конвенция об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте 1991г. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/env_assessment.shtml 1 (дата обращения 15.11.2024).
7. Абайдельдинов Е.М. К вопросу имплементации норм международных договоров в национальное законодательство // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. 2012 г. – №2 (26). – С.103- 105.
8. Schachter, O. «International Law in Theory and Practice». M. Nijhoff Publishers, 1991. – 431 p.
9. Xue, H. «Transboundary Damage in International Law». Cambridge University Press, 2003. – 368 p.
10. Доклад Генерального секретаря ООН «Пробелы в международном экологическом праве и касающихся окружающей среды документах» на 73-й сессии ГА ООН 13 ноября 2018 г. – 42 с. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/73/419> (дата обращения 15.11.2024).

11. Международная конвенция об ответственности и компенсации за ущерб в связи с перевозкой морем опасных и вредных веществ 1996 г. (Конвенция ОВВ, не вступила в силу). [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901760504> (дата обращения 10.12.2024).
12. Конвенция о гражданской ответственности за ущерб, причиненный при перевозке опасных грузов автомобильным, железнодорожным и внутренним водным транспортом (КГПОГ, не вступила в силу). [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901756195> (дата обращения 11.12.2024).
13. Sand, P. Transboundary Air Pollution. In J. Schechinger (Author) & A. Nollkaemper & I. Plakokefalos (Eds.), *The Practice of Shared Responsibility in International Law (Shared Responsibility in International Law, 2017, pp. 962- 986.*
14. Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния, от 13.11.1979 г. [Электрон. ресурс]. – Режим https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/transboundary.shtml (дата обращения 15.12.2024).
15. BrunnÉee, J. «Of Sense and Sensibility: Reflections on International Liability Regimes as Tools for Environmental Protection» *International and Comparative Law Quarterly*, vol. 53, No. 2, 2004, pp. 351-368.
16. Проект статей КМП ООН об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятый Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 12.12.2001г. №56/83. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/responsibility.pdf (дата обращения 15.11.2020).
17. Tullio Scovazzi. *Some Remarks on International Responsibility in the Field of Environmental Protection. //International Responsibility Today Essays in Memory of Oscar Schachter.* Martinus Nijhoff Publishers Leiden / Boston, 2005. – 473 p.

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ЕГО ДОКТРИНАЛЬНЫЕ РАЗРАБОТКИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

**Сарсенова С. Н. – кандидат юридических наук,
Высшая школа права Международный университет Астана**

**Асылбекова Ә. Н. – магистрант 2 курса
Высшая школа права Международный университет Астана**

**Кульшарбекова Г. К. – магистр, старший преподаватель
Карагандинский Университет Казпотребсоюза**

Аннотация: Бұл мақалада қазіргі заманғы халықаралық құқықтың негізгі проблемалық мәселелерінің бірі, әлі де ғылыми дамуды талап ететін, экологиялық зиян келтіргені үшін мемлекеттердің халықаралық – құқықтық жауапкершілігі мәселесі қарастырылды.

Аннотация: В этой статей был рассмотрен один из основных проблемных вопросов современного международного права, все еще требующий дальнейшей научной разработки, – проблема международно-правовой ответственности государств за причинение экологического вреда.

Термин «международная ответственность» в наши дни приобрел обобщенное толкование, и используется для обозначения различных форм и видов международно-правовой ответственности, включая разные по своей сути понятия. Это касается обособленного комплекса норм международно-правовой ответственности за деяния, запрещенные международным правом. А также другого комплекса норм, касающихся ответственности государств за ущерб, причиненный в рамках их законной деятельности.

Многие исследователи отмечают фрагментарность режимов ответственности, например, в рамках международного экологиче-

ского права или экономического права, главным образом, в сфере форм ответственности и порядка ее имплементации. Как считает Р. Персиваль, «по мере роста глобальной защиты окружающей среды страны перенимают инновации в области экологического права и политики, даже основанные на совершенно иных правовых и культурных традициях. Это размывает и те границы, которые традиционно разделяли концепции внутреннего и международного права, а также публичного и частного права и приводит к появлению «глобального экологического права» [1, с.37].

Одной из областей, в которой концепция глобального экологического права может способствовать лучшему пониманию современной правовой эволюции, является долгая борьба за разработку стандартов ответственности за глобальный экологический ущерб. Незначительный прогресс, достигнутый в разработке действенных механизмов защиты окружающей среды в международном экологическом праве, демонстрирует наличие пробелов в этой области.

Декларация Стокгольма [4] провозглашает, что государства будут сотрудничать в дальнейшем развитии международного права, касающегося ответственности и компенсации жертвам загрязнения и другого ущерба окружающей среде, причиненного в результате деятельности таких государств в рамках их юрисдикции или контроля районам за пределами действия их юрисдикции. Однако, принятие отдельным государством предупредительных мер на своей территории еще не гарантирует защиту от причинения ущерба за его пределами. Трансграничный ущерб может иметь место как в результате действий человека, так и вследствие политических факторов, когда нет согласованных государствами превентивных мер. Согласно взглядам швейцарского исследователя, XVIII века Де Ваттеля, если государство не уважает права других государств, то тогда оно предоставляет последним право объединения во имя возмездия. По его мнению, если какая-то нация открыто попирает правосудие, презирая и ущемляя права других каждый раз, когда находит повод для этого, то высшие интересы безопасности человеческого общества дают другим государствам право... объединиться, чтобы дать отпор и наказать такую нацию [3, с.29].

Важный вклад в доктринальные исследования права международной ответственности внесли представители т.н. советской школы международного права [4, с.51]. Среди наиболее значимых трудов по проблеме международной ответственности государств необходимо упомянуть работы Л.А.Моджоряна, Ю.М. Колосова, В.А. Василенко.

Что касается европейских исследователей, то большую роль в развитии права международной ответственности сыграли такие знаменитые научные школы международного права, как французская, итальянская и британская, среди исследователей которых выделяют П.-М. Дюпюи и А. Пелле, Д. Ансилотти и Р. Аго, Дж. Кроуфорда и многих других. Фундаментальный труд «Право международной ответственности» был издан в 2010 году под редакцией авторитетных европейских ученых Дж. Кроуфорда, А. Пелле и С. Оллесон.

Среди американских исследователей, то, пожалуй, одним из самых авторитетных в вопросах права международной ответственности является известнейший юрист О. Шахтер, который долгое время возглавлял американскую ассоциацию юристов-международников, оставив после себя целую плеяду талантливых учеников. В 2005 году вышел их совместный труд под названием «International Responsibility Today» под редакцией М. Рагаци, в котором всесторонне раскрывается тема международной ответственности государств. Также хотелось бы отметить Э. Х. де Аречага, выдающего уругвайского юриста, внесшего весомый вклад в развитие права международной ответственности. Аречага был членом Комиссии международного права, членом Международного Суда и его председателем. Его фундаментальный труд

«Современное международное право» был издан в 1983 году в СССР под редакцией Г. И. Тункина.

В настоящем исследовании право международной ответственности было рассмотрено применительно к специальному режиму международного экологического права, что позволило проследить тесную взаимосвязь между ними. В этой связи значительное влияние на развитие отрасли международного экологического права оказали такие западные исследователи, как Ф. Сандс, Ю. Бруни,

А. Бойл, М. Фитцморис, Т. Бервик, Д. Бодански, Э. Лука и многие другие. Среди отечественных исследователей можно выделить известнейших юристов М.А. Сарсембаева, Е.М. Абайдельдинова, С.Ж. Айдарбаева, А.А. Салимгереева. Кроме того, отдельные аспекты общего соотношения национального и международного права рассматривались в трудах таких корифеев отечественной науки, как С.З. Зиманов, С.С.Г.С. Сапаргалиев и других.

В 1972 году на Стокгольмской конференции была принята «Декларация Конференции ООН по окружающей человека среде» [2]. В первой статье декларации сформулирована прямая связь между правами человека и условия жизни в качественной среде, из которой и проистекает принцип права на здоровую и чистую окружающую среду.

Спустя десятилетие после принятия Стокгольмской декларации Генеральной Ассамблеей ООН была принята Всемирная хартия природы [5]. Хартия содержит рекомендации в отношении мер контроля за экономическим развитием и за способностью экосистем в долгосрочной перспективе оставаться пригодными для использования, а также призывает страны принимать внутреннее и международное экологическое законодательство, развивать экологическое образование, создавать финансовые и административные механизмы, поощрять участие общественности и планирование, оценивать воздействие военной деятельности на окружающую среду и устанавливать административные правила. В Хартии рекомендуется также применение оценки воздействия на окружающую среду.

Конференция ООН по окружающей среде и развитию проходила в Рио-де-Жанейро с 3 по 14 июня 1992 года при участии большого количества неправительственных организаций. Она выпустила ряд документов, которые определяют развитие международного экологического права, задавая нужный вектор движения и по сей день – Декларация Рио по окружающей среде и развитию [6], Повестка дня на XXI век [7], не имеющая обязательной силы, Принципы устойчивого развития всех видов лесов [8], Конвенция о биологическом разнообразии [9] и Конвенция об изменении климата [10].

Именно в декларации Рио был заложен основополагающий принцип общей о дифференцированной ответственности, который получил более конкретную формулировку в конвенциях и договорах, заключавшихся позднее. Кроме того, в Принципе 15 декларации был тщательно сформулирован «принцип предосторожности», являющийся фундаментальным принципом международного экологического права.

По мнению исследователя Э. Луки, конференция в Рио-де-Жанейро способствовала включению четких и выполнимых стандартов в международные документы, по которым государства будут нести ответственность за их выполнение. Такие концепции, как устойчивое развитие и общая, однако дифференцированная ответственность изначально звучали как принципы, лишенные конкретного содержания. После конференции они обрели силу и определили направление развития международного экологического права [11].

На Саммите по устойчивому развитию, состоявшемуся в Йоханнесбурге с 26 августа по 4 сентября 2002 года, были приняты Декларация об устойчивом развитии [12] и План выполнения решений [13]. Эти документы содержат добровольные инициативы государств по устойчивому развитию, которые, хотя и относятся к мягкому праву, все же имеют большую значимость в свете взятых государствами международных обязательств.

Список литературы

1. Vattel E. Law of nations. – М. 1980, 230 с.
2. Стокгольмская Декларация ООН от 16 июня 1972 г. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения 5.01.2025).
3. Sazonova K.L. Problematics of responsibility under international law in russian and foreign doctrines of international law // Law and modern states. 2014. №1. С. 50-54. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problematics-of-responsibility-under-international-law-in-russian-and-foreign-doctrines-of-international-law> (дата обращения 15.02.2025).

4. Принципы устойчивого развития всех видов лесов. // Официальный сайт ООН. [Электрон.ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_environment.shtml (дата обращения: 19.03.2024).
5. Всемирная хартия природы. Принята 28.10.1982 г. резолюцией 37/7 на 48- м заседании 37-ой сессии ГА ООН. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml (дата обращения – 29.11.2024).
6. Декларация по окружающей среде и развитию, подписана в Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarenv.shtml (дата обращения 15.11.2024).
7. Повестка дня на XXI век. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml (дата обращения 23.11.2024).
8. Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию, ЮАР, 26.08.2002 г. //Официальный сайт ООН. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_wssd.shtml (дата обращения: 19.03.2024).
9. Конвенция о биологическом разнообразии (КБР), 1992г. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cbd.int/doc/legal/cbd-en.pdf>) (дата обращения 15.11.2024).
10. Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИКООН), 1992 г. Официальный сайт ООН. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:
11. Louka E. International Environmental Law Fairness, Effectiveness, and World Order. Cambridge University Press, 2006. – 495 p.
12. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/plan_wssd.pdf (дата обращения: 19.03.2024).
13. J. Crawford, A. Pellet & S. Olleson(eds) The Law of International Responsibility: Oxford University Press, 2010. – 1240 p.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

**Харитонов Ю. С. – доктор юридических наук, профессор,
руководитель Научно-образовательного центра
«Центр правовых исследований искусственного интеллекта
и цифровой экономики»,
профессор кафедры предпринимательского права
Юридического факультета Московского государственного
университета имени М.В.Ломоносова
soviet2009@rambler.ru**

Аннотация: Использование ИИ в контексте законотворческого процесса имеет свои особенности, связанные с особым конституционным статусом парламентов. Современное общество ожидает, что парламентские процедуры будут гарантировать демократическую легитимность политического процесса. Создании цифрового двойника законодательной базы в машиночитаемой форме, использование вспомогательного ИИ в законотворческом процессе может повысить способность государств достигать конституционно обоснованных целей, таких как качество законов, защита основных прав и демократическая подотчётность законодательных органов. В работе рассмотрены перспективы применения искусственного интеллекта в парламентской деятельности в целях обеспечения защиты прав граждан.

Ключевые слова: Искусственный интеллект; машиночитаемое право; конституционные права граждан; нормотворчество.

Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации завершила осеннюю сессию 2024 года с результатом: рассмотрено 1086 законодательных инициатив, принято 564 федерального закона¹. Очевидно, что при таком количестве обрабаты-

¹ <http://duma.gov.ru/news/60617/>

ваемой информации законодателю имеет смысл задуматься о внедрении в свою работу высокотехнологических решений.

На первый взгляд, применение систем искусственного интеллекта к решению законотворческих задач может показаться не вполне этичным. В то же время и создание норм права, и их применение, уже трудно представить без высокотехнологических инструментов.

В России принята Концепция развития технологий машиночитаемого права, которая предлагает определение: «Машиночитаемое право – основанное на онтологии права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), а также технологии машиночитаемого права (инструменты применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения)»². Такой подход, поддержанный Министерством экономического развития России, позволил некоторым ученым предположить, что существует два понятий машиночитаемого права – широкий и узкий. По мнению В.А.Аксенова и С.В.Одинцова, под широким понятием машиночитаемого права нужно понимать «сквозную технологию, которая(-ые) позволяет(-ют) считывать машинно-аппаратным образом на специальном формальном (программном) языке нормы действующего законодательства с их интерпретацией на естественный язык.» В узком же смысле машиночитаемое право – «это совокупность правовых норм, созданных опосредовано или в рамках сквозных цифровых технологий с заложенной возможностью знака – символического восприятия текста» [4, с. 191].

При этом в сфере осуществления государственной власти в России имеется достаточное количество примеров внедрения технологии машиночитаемости для обработки больших объемов данных в целях правоприменения. Так, с 1 сентября 2024 года распространяется применение машиночитаемой доверенности (МЧД) для обращения к сервисам Федеральной налоговой службы России, а также для взаимодействия с иными органами исполнительной вла-

² Концепция развития технологий машиночитаемого права. Министерство экономического развития России // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=79428>

сти. В этой связи ФНС обращает внимание на ряд преимуществ использования машиночитаемых документов³: ускорение процедур верификации участников оборота; снижение риска подделок документов, что повышает надежность документов и защищает права налогоплательщиков; повышение точности данных в результате минимизации риска человеческих ошибок при вводе данных; легкость доступа к истории документа; сокращение бумажного документооборота и др. Эти преимущества МЧД способствуют созданию более прозрачной, эффективной и безопасной налоговой системы.

В продолжение темы цифровизации исполнительной власти РФ, назовем примеры внедрения иной технологии, непосредственно связанной с машиночитаемостью. **На портале «Госуслуги» применяют искусственный интеллект**⁴. 12 декабря 2024 года там начали тестирование обновлённого Робота Макса, который, используя российские генеративные нейросети, должен давать точные ответы на вопросы граждан и юридических лиц, в том числе отвечать на сложные вопросы и учитывать ситуацию пользователя, а также использовать для ответа контент из описания услуг⁵.

По данным декабря 2024 года жители Липецкой области стали вдвое быстрее получать социальные выплаты. Таких результатов удалось добиться благодаря внедрению решений на основе искусственного интеллекта. Правительство Липецкой области кардинально сократило срок выплаты социальных пособий жителям региона с помощью технологий искусственного интеллекта от Сбера. Применение платформы процессной аналитики Process Mining от Сбера помогло за три недели провести обработку и анализ всех обращений за 2024 год из разных каналов коммуникаций, а это 280 сценариев предоставления мер поддержки. Скорость принятия решения о выплате сократилась с 21 до 12 дней⁶.

Таким образом, машиночитаемость норм права становится одной из задач законодотворчества. Если мы говорим о применении

³ https://www.nalog.gov.ru/rn86/news/tax_doc_news/14915620/?ysclid=m4uw08v2bi500988008

⁴ <https://ria.ru/20241211/gosuslugi-1988701474.html>

⁵ <https://объясняем.рф/articles/news/na-gosuslugakh-zapustili-obnovlennogo-robota-maksa-s-generativnym-ii/>

⁶ <https://www.kommersant.ru/doc/7364925?ysclid=m4uxg6167g946801287>

размеченных норм права, надлежащей онтологии юридических понятий, метриках и классификациях правовых понятий, то заложить все эти признаки текста стоит на стадии формирования самой нормы.

Использование ИИ в контексте законотворческого процесса имеет свои особенности, связанные с особым конституционным статусом парламентов. Несмотря на меньшее количество формальных процедурных ограничений для законодателей, современное общество ожидает, что парламентские процедуры будут гарантировать демократическую легитимность политического процесса. По сути, речь идет о создании цифрового двойника законодательной базы в машиночитаемой форме. Например, использование вспомогательного ИИ в законотворческом процессе может повысить способность государств достигать конституционно обоснованных целей, таких как качество законов, защита основных прав и демократическая подотчетность законодательных органов.

Каковы же перспективы применения искусственного интеллекта в парламентской деятельности?

Поскольку на разных этапах законотворческого процесса применения ИИ приводит к разным последствиям, выделяют три потенциальных направления использования ИИ законодателями:

помощь в создании новых норм (ИИ ассистент),

совершенствование действующих актов и

принятие решений по конкретным этапам законотворческой деятельности [1, с.2].

Различие между различными видами использования ИИ в том числе означает и разные уровни риска для оценки адекватности конституционных гарантий прав граждан и юридических лиц в государстве.

В российской практике ИИ используется для решения некоторых задач в процессе нормотворчества. Так, **применение искусственного интеллекта (ИИ) предусмотрено в государственной информационной системе (ГИС) «Нормотворчество»⁷**. Сейчас данная система применяется в помощь для создания новых норм в

⁷<https://объясняем.рф/articles/news/kabmin-vnedryaet-sistemu-dlya-podgotovki-aktov-i-zakonoproektov-s-primeneniem-iskusstvennogo-intelle/>

очень ограниченном объеме. В перспективе, по мнению разработчиков, технология будет использоваться для автоматизации процедуры исправления юридико-технических ошибок, автоматической проверки комплектности документов и их полноты. Но и только.

Со своей стороны, Министерство юстиции РФ тестирует искусственный интеллект при регистрации правовых актов ведомств⁸. Минюст регистрирует нормативные акты других ведомств: проверяет их на соответствие юридической технике, проводит антикоррупционную экспертизу, делает полный комплекс проверки. Это могут быть как грамматические ошибки, так и антикоррупционная экспертиза. Практика показывает, что все, что названо достоинствами машиночитаемости в ФНС России (достоверность верификации, исключение ошибок, точность данных, отмена бумажного документооборота) работает и для законотворческого процесса.

Приведенные примеры скорее могут быть отнесены к вспомогательным системам ИИ, которые помогают людям в процессе законотворчества, выполняют задачи, выходящие за рамки человеческих возможностей. Однако легитимность такого использования зависит от институциональных гарантий и соблюдения конституционных принципов. Важно обеспечить защиту прав и законных интересов граждан и других лиц, осуществляющих свою деятельность в государстве. Анализ рисков и выгод должен учитывать особенности конкретной юрисдикции.

Применение ИИ в законотворчестве не должно вступать в противоречие с принципом верховенства права [6, с.5], требующем прозрачности, объяснимости и справедливости создаваемых норм права.

Классическое понимание верховенства закона исходит из равенства всех перед законом, что означает, что все подчиняются закону, и никто не стоит выше закона государства [2, с. 299]. Соблюдение справедливого закона ожидается от государства и гражданина, и каждый должен быть защищен законом [3, с.78].

Представляется, что прежде всего мы сталкиваемся с необходимостью легитимации применения технологии искусственного

⁸ <https://minjust.gov.ru/ru/events/48960/>

интеллекта в законотворческой деятельности, с предоставлением полной информации в каком объеме и по каким принципам был применен ИИ на том или ином этапе создания нормы. В целом, использование вспомогательных ИИ парламентами возможно при наличии адекватных гарантий, обеспечивающих технологический суверенитет, преимущество власти, взаимодействие между политическими партиями и доступность для всех членов парламента.

В то же время широко известная проблема «черного ящика» искусственного интеллекта ставит вопрос об обеспечении конституционных прав граждан в условиях предвзятости ИИ [5, с. 501]. Полагаем, предвзятость систем искусственного интеллекта может быть ограничена стандартами и этическими принципами, закрепленными в стратегиях и иных программных документах. Примером тому может служить новый российский ГОСТ по применению ИИ в научной деятельности⁹, который разрешил ученым использовать ИИ. 1 января 2025 г. ГОСТом установлены правила, согласно которым с помощью ИИ ученые могут искать информацию, хранить ее и обрабатывать. Такой подход требует работы именно с достоверными, качественными данными. Во всех выше приведенных примерах государство настаивает на том, чтобы применимые системы ИИ обращались только к официально подтвержденным данным при подготовке ответов на запросы пользователей.

На наш взгляд, обязательное введение в оборот данных в том виде, которые не позволяет проводить явную или скрытую сегрегацию различных групп населения также может стать одним из сценариев минимизации предвзятости алгоритмов. Подлежат анализу не просто данные без явных признаков групп, но обязательно в полном их разнообразии. Общеприменимая модель искусственного интеллекта тем самым будет строиться на анализе данных всех социально-правовых групп общества и позволит добиваться учета интересов и защиты прав всех групп населения при создании норм права.

Завершая тезисное изложение наших взглядов на поставленную проблему, хотим подчеркнуть, что добиться непредвзятости,

⁹ ГОСТ р 71657-2024 "Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения".

смягчить риски применения алгоритмов искусственного интеллекта невозможно только силами специалистов одной какой-то сферы. Требуется объединение усилий программистов, правоведов, философов, социологов для постоянного контроля за применением технологии искусственного интеллекта в сфере создания норм права во избежание любых ущемлений или нарушений конституционных прав граждан.

Список литературы:

1. Bresciani P. et al. Constitutional Opportunities and Risks of AI in the law-making process //FEDERALISMI. IT. – 2024. – Т. 2. – С. 1-18.
2. Greenstein S. Preserving the rule of law in the era of artificial intelligence (AI) //Artificial Intelligence and Law. – 2022. – Т. 30. – №. 3. – С. 291-323.
3. Suksi M. Formal, Procedural, and Material Requirements of the Rule of Law in the Context of Automated Decision-Making // The Rule of Law and Automated Decision-Making: Exploring Fundamentals of Algorithmic Governance. – Cham : Springer International Publishing, 2023. – С. 65-95.
4. Аксенов В.А., Одинцов С.В. Машиночитаемое право и его роль в функционировании маркетплейсов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 190–198. doi: 10.17223/15617793/498/21
5. Харитонов Ю.С., Савина В.С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. N 3. С. 488 – 515. DOI: 10.17072/1995-4190-2021-53-488-515.
6. Харитонов Ю.С., Ци С. Цифровизация общественных отношений и верховенство закона: опыт переосмысления в России и Китае // Гражданское право. 2022. N 2. С. 3 – 8. DOI: 10.18572/2070-2140-2022-2-3-8

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК

**Храпунова Е.А. – кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права ФГАОУ ВО
«Южный федеральный университет», Россия, Ростов-на-Дону**

Коррупция в сфере государственных закупок представляет собой одну из крупных социальных проблем, стоящих перед любым государством, так как порождает в обществе лицемерие и, как следствие, недоверие к власти. При этом коррупция в сфере государственных закупок поражает все сферы общества – и политическую, и социальную, и духовную и, конечно же, экономическую. На протяжении всего времени существования в экономическом обороте механизма заключения договоров и финансирования закупок для государственных нужд путем проведения конкурсных процедур все государства сталкиваются с тем, что данная сфера стала весьма опасной с точки зрения процветания в ней преступного коррупционного элемента. Борьба с коррупцией в различных странах происходила и происходит, что называется, «методом проб и ошибок», поскольку только в ходе практического применения выявляются те или иные недоработки системы государственных закупок, и законодатель с той или иной степенью оперативности вынужден реагировать на вызовы коррупционных схем и вносить соответствующие изменения в законодательство. Данная сфера находится под пристальным вниманием законодателя во всех странах. Положения о криминализации «обещания» и «предложения» взятки имеются во всех международных антикоррупционных документах. В соответствии с Руководством для законодательных органов по осуществлению Конвенции ООН против коррупции обещание подразумевает наличие договоренности между взяткодателем и лицом, берущим взятку, а предложение – не подразумевает наличие такой договоренности [1].

Наиболее коррумпированными в госзакупках являются сферы строительства и капитального ремонта зданий и сооружений, ре-

монта дорожного покрытия, медицинской сферы и пр. Основная доля нарушений – результат осознанных и целенаправленных действий со стороны лиц, объявивших торги, ввиду наличия у них неправомерных интересов по поводу предмета аукциона или конкурса [2]. Коррупционные действия в сфере закупок принимают различную форму (взятка, фаворитизм, политическое давление, конфликт интересов) [3]. Поэтому выявить коррупционную составляющую при реализации договора поставки или подряда для государственных нужд, заключенного по итогам конкурсных процедур, не всегда легко.

Сразу стоит отметить, что снизить коррупционную составляющую государственных закупок возможно только путем применения комплексного подхода. Имеется ввиду необходимость, прежде всего, правового регулирования межотраслевого порядка, когда одновременно реакцией на выявленные недочеты системы государственных закупок являются внесение новелл и в гражданское, и в административное, и в уголовное законодательство, равно как и в собственно специальный закон о проведении государственных закупок, который имеется практически в каждой стране. Но, поскольку выделяют ряд способов противодействия коррупции в сфере государственных закупок, к примеру, нравственные, социальные, политические, правовые, необходимо использовать междисциплинарные достижения для борьбы с коррупцией – знания в области социологии, психологии, культурологии. Однако, нет сомнения, что наиболее эффективными являются правовые способы борьбы с коррупцией. К правовым способам противодействия коррупции принадлежат нормативные правовые предписания, регламентирующие приемы, способы противодействия коррупционным отношениям и юридические технологии, сопряженные с юридической техникой, толкованием права и формами правореализационной практики, содействующей снижению условий коррупционной деятельности и причин, ее порождающих [4].

Правовые методы борьбы с коррупцией включают в себя комплекс мер по профилактике коррупционных правонарушений. Представляется, что данная сфера правового регулирования мер по борьбе с коррупцией должна в настоящее время развиваться

особым образом, поскольку как известно, преступление проще предотвратить, чем тратить гораздо больше ресурсов на ликвидацию его последствий. В данной работе мы остановимся именно на мерах профилактики коррупции в сфере государственных закупок, которые в настоящее время доступны и государственным органам, и государственным заказчикам.

В РФ основные меры профилактики коррупции в обсуждаемой сфере предусмотрены Федеральным законом РФ от 25.12.2008 №273-ФЗ «О противодействии коррупции», а также Федеральным законом от 05.04.2013 №44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Сама по себе контрактная система направлена на преодоление коррупционного элемента, поскольку предусматривает меры для прозрачности государственных закупок и возможности их контроля, а также на целевое и эффективное использование государственных финансов. Созданная единая информационная система позволяет контролировать данные о планах государственных закупок, процессе заключения и исполнения договоров, содержит данные различных реестров, в том числе информацию о жалобах и результатах проверок. Основным органом, в сфере полномочий которого лежит контроль над выявлением коррупции в системе государственных закупок, стала Федеральная антимонопольная служба (ФАС) РФ.

Профилактика коррупции производится через два инструмента: антикоррупционный мониторинг и анализ коррупционных рисков [5]. Кроме того, борьба с коррупцией в системе закупок, как в государственном, так и в коммерческом секторах экономики, невозможна без комплексного подхода к решению этой сложной проблемы, в том числе необходимо учитывать международный опыт в данной сфере. В литературе справедливо отмечается, что для России, СНГ, остального мира основой для выстраивания оптимально работающей системы становится ее прозрачность, понимание принципов формирования заказов и цен, критериев оценки предложений. Только максимально строгая система оценки каждого лота по объективным параметрам поможет избежать выбора

продавца, предложившего, помимо товара и услуги, еще и коррупционное вознаграждение. [6]

Насколько позволяет объём настоящей работы, отметим наиболее важные, на наш взгляд, проблемы в профилактике коррупции в области государственных закупок и пути их решения.

Прежде всего, такой проблемой в большинстве стран, в особенности на территории СНГ, является несовершенство закононов. Российское законодательство, регулирующее государственные закупки в своей основе имеет Типовой закон Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ), но, к сожалению, оно далеко от преодоления многих значимых коррупционных схем. Более того, отдельные его нормы сконструированы таким образом, что не отвечают потребностям практики, из-за чего многократно критикуются, и в то же время порождают возможность коррупции именно из-за несовершенства юридических конструкций. Отметим, что в ряде европейских государств проблемы правового регулирования, имеющиеся, к примеру, в РФ или Казахстане, находятся на стадии преодоления или преодолены.

Если говорить о несовершенстве норм уголовного законодательства, то это несовершенство проявляется прежде всего в том, что они являются недостаточно жесткими. Уголовный закон направлен во всех странах не только на кару нарушителя, но и превенцию правонарушений. Такими превентивными мерами может стать ужесточение видов наказания и применение конфискационных процедур. Несмотря на то, что законодательство в данной области имеет известные принципы, в том числе принцип личной ответственности, представляется, что необходимо использовать опыт иностранных государств, чьи уголовные законы предусматривают конфискацию имущества родственников государственного чиновника, если имеются основания полагать, что такое имущество нажито коррупционным путем и его настоящим владельцем чиновник и является. Кроме того, во всех государствах, на наш взгляд, следует установить норму уголовного закона о полном запрете замещения должностей государственной службы и участия в процессе государственных закупок для лиц, осуждённых за кор-

рупционные преступления. Представляется, что такую профилактическую меру трудно переоценить.

Законодатель РФ в недостаточной степени использует методы профилактики коррупционных правонарушений с помощью норм частного права, заостряя свое внимание на публичных отраслевых инструментах. Между тем, среди международных документов имеется Конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, в которой Россия не участвует. Полагаем, что угроза возложения гражданско-правовой ответственности на коррупционера могла бы быть тоже эффективной мерой профилактики коррупции именно в сфере государственных закупок, поскольку цивилистические формы и меры ответственности могли бы создать угрозу коррупционеру в виде повышенной имущественной ответственности, подобно нормам ГК РФ, установленным за незаконное привлечение средств граждан во вклады или в участие в долевом строительстве недвижимости.

Одним из сигнификаторов потенциального коррупционного воздействия в сфере государственных закупок является наличие конфликта интересов, который может иметь место на любом из этапов заключения договора с госзаказчиком. Законодательство многих стран имеет формулировки конфликта интересов и последствия его наличия. Например, в Испании действует закон о конфликте интересов, регулирующий, в том числе, вопросы конфликта интересов в государственных закупках. По закону должностным лицам, занимающимся закупками, не разрешается занимать другие должности, и должностные лица закупающих организаций обязаны воздерживаться от участия в оценке или выборе победителя торгов, в случае если в процедуре участвуют компании, которыми они или их семьи управляли или владели в течение двух лет до их назначения на должности государственной службы. Кроме того, испанское законодательство, регулирующее порядок заключения контрактов государственного сектора, включает в себя Положение о конфликте интересов [7]. Что касается законодательства РФ, то под конфликтом интересов в Федеральном законе № 273-ФЗ понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение кото-

рой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий). При проведении закупок руководитель заказчика, руководитель и работники контрактной службы, контрактный управляющий, а также члены комиссии по осуществлению закупок обязаны принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. П.6. ст. 39 ФЗ РФ № 44 –ФЗ содержит перечень лиц, которые не могут быть членами комиссии по осуществлению закупок. В случае наличия конфликта интересов член комиссии должен незамедлительно сообщить об этом госзаказчику. Госзаказчик обязан заменить членов комиссии, не отвечающих установленным требованиям, на физических лиц, которые им соответствуют (ч. 7 ст. 38, ч. 7, 10 ст. 39 ФЗ РФ № 44-ФЗ). Закон устанавливает, что комиссия по закупкам обязана отстранить участника от закупки, а заказчик – обязан отказаться от подписания контракта с победителем в случае обнаружения конфликта интересов между сторонами. Подписание контракта с признаками конфликта интересов приводит к его ничтожности.

В научной литературе конфликт интересов подразделяется на фактический, очевидный или потенциальный. Очевидный конфликт интересов законодатель в РФ презюмирует, если имеется наличие брака между руководителем закупочной комиссии или ее членом с руководителем поставщиков; близкие родственные связи между этими же лицами; наличие прямой личной заинтересованности в заключении контракта. Норма о конфликте интересов представляется крайне недоработанной, поскольку третий пункт из предложенных законодателем как презумпция конфликта интереса (прямая личная заинтересованность) является весьма обтекаемой и неясной нормой. Критерии конфликта интересов должны уточняться, а анализ его потенциального влияния на государственные закупки не должен быть формальным. В противном случае мы сталкиваемся с ситуацией, где при наличии в исполнительном органе контрагента госзаказчика по договору родственника директора госзаказчика наличие конфликта интереса презюмируется, а если

таким членом исполнительного органа является его одноклассник, ситуация останется без контроля. Кроме того, весьма сложно проследить конфликт интересов, если речь идет о заинтересованности не финансовой, а, например, карьерной. Тем не менее, не следует понятия «конфликт интересов» и «коррупция» отождествлять, само по себе наличие конфликта интересов не делает из представителя госзаказчика преступника. Таким образом, норма о конфликте интересов носит, прежде всего, профилактический характер. На уровне договорного регулирования одной из мер, применяемых заказчиками, является использование антикоррупционной оговорки в контрактах, предусматривающей в том числе оговорку о наличии конфликта интересов и его последствиях.

Разумеется, важной мерой профилактики и пресечения коррупционных действий в сфере государственных закупок является контроль соответствующих органов (прежде всего, ФАС РФ) и внутренний контроль заказчика. Кроме того, законодатель выделяет третью форму контроля – общественный контроль со стороны граждан, их объединений и юридических лиц по ст. 102 ФЗ РФ № 44 -ФЗ. Представляется, что меры пресечения коррупции в виде контроля должны работать на кадрово-организационном уровне. В РФ разработаны перечни должностей и организаций, в работе которых возникают повышенные коррупционные риски, а также нормативные акты, регламентирующие особые процедуры проверки и назначения на такие должности. В законодательстве должны быть предусмотрены эффективные механизмы увольнения таких сотрудников по мотивам утраты доверия и, как бы не критиковались такие предложения как могущие привести к нарушению конституционных прав граждан, мы находим обоснованными тезисы о необходимости ужесточения всех видов контроля над повседневной, личной жизнью сотрудников из указанного списка.

Представляется, что следует обращать внимание и на культурный уровень представителей власти. Например, наблюдение гражданами в соцсетях за блогами детей чиновников, ведущих образ жизни непомерно роскошный по сравнению с возможностями официальной зарплаты родителя, или сообщение в средствах массовой информации о недопустимо дорогом мероприятии по

организации новогоднего праздника для сотрудников госзаказчика подрывает доверие к власти и вызывает преступные риски в иных областях.

Отдельно хотелось бы остановиться на таких мерах профилактики коррупции в сфере госзакупок как оценка условий государственного контракта на предмет закладывания в контракт потенциальных конкурентных преимуществ для конкретного поставщика уже на этапе формирования конкурсной документации. Например, контролирующих лиц должно насторожить наличие в документации следующих позиций: нереальные величины цены контракта (указывать на коррупционную составляющую может как заниженная, так и завышенная цена); нереальные сроки выполнения работ в части их очевидного и неоправданного сокращения, поскольку в этом случае предполагается, что на несоблюдение сроков «нужным поставщиком» госзаказчик, что называется, «закроет глаза» и подпишет акты о приемке необходимыми датами, и это отсеет иных участников закупки от участия в аукционе; заказчик запрашивает от участников лицензии и свидетельство о членстве в СРО, которые данный вид работ не предусматривает; объединение нескольких несвязанных лотов в один; слишком детализированное или наоборот очевидно невнятное техническое задание; установление непривлекательной для поставщиков схемы оплаты при исполнении госзаказа, например в длительную рассрочку.

И, наконец, органами, ответственными за борьбу с коррупцией, и самими участниками государственных закупок всех стран СНГ критикуется норма о том, что цена контракта определяется непрозрачным образом и, в итоге цена закупки является решающим моментом для заключения договора. Специалистами и практиками в области госзакупок обоснованно отмечается, что именно эти моменты являются главными порождающими коррупционную составляющую, а сам по себе демпинг цены контракта влечет не эффективное расходование бюджетных средств, а недостроенные дороги, неотремонтированные здания социальных учреждений, некачественное детское питание в школах, недостаточное обеспечение здравоохранения. Сам по себе принцип закупок по низким ценам у нормальных поставщиков способен отбить желание по-

вышать качество товаров, работ и услуг. В литературе высказано предложение о том, что цена контракта должна определяться экспертным путем и не зависеть от заказчика и торгов, либо же выбор подрядчика должен осуществляться автоматически, путем компьютерного анализа данных о поставщике. Конкурентные преимущества поставщика, такие как опыт работы, наличие собственной материально-производственной базы, персонала также должны учитываться на аукционе. В ряде стран уже отошли от правила о минимальной цене аукциона как критерия выявления победителя на право заключения контракта с госзаказчиком. Например, в Финляндии государственный заказчик размещает объявление о закупке, указывая требования к оборудованию и условия участия. Затем коммерсанты подают свои заявки. Заказчик выбирает наиболее подходящего поставщика, основываясь на критериях, определенных комплексно: цена, качество и сроки поставки. Таким образом, в некоторых странах ЕС госзаказчик ориентируется не только на цену, предложенную потенциальным поставщиком, а и на иные конкурентные преимущества участников аукциона.

Важная роль в создании конкурентной среды принадлежит созданию механизмов расширения сектора малого предпринимательства и социально ориентированного бизнеса. В различных странах требование к привлечению в процесс государственных закупок субъектов малого предпринимательства колеблется от 15 до 30 процентов в год для каждого госзаказчика. В РФ в соответствии с п.1 ст. 30 ФЗ РФ № 44-ФЗ заказчики обязаны осуществлять закупки у субъектов малого предпринимательства, социально ориентированных некоммерческих организаций в объеме не менее чем двадцать пять процентов совокупного годового объема закупок. Кроме того, способом привлечения малого бизнеса может являться установление в извещении о закупке продукции требования к поставщику о привлечении в качестве соисполнителей на субподряд субъектов малого предпринимательства. Это снижает вероятность присвоения крупных подрядов одним субъектом бизнеса и снижает риск хищения государственных средств.

Профилактика коррупции в области государственных закупок будет эффективной тогда, когда она будет иметь место на всех эта-

пах закупочного процесса – на стадии планирования, составления документации, определения победителя аукциона, исполнения договора и приемки товара, работ или услуг. И, как показывает отечественный и зарубежный опыт борьбы с коррупцией, наиболее серьезным методом профилактики коррупции является наличие системы антикоррупционных требований к государственным и муниципальным служащим.

Список использованных источников

1. Руководство для законодательных органов по осуществлению Конвенции ООН против коррупции https://www.unodc.org/documents/treaties/UNCAC/Publications/LegislativeGuide/UNCAC_Legislative_Guide_R.pdf
2. Противодействие коррупции в сфере государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации // <http://fku-chso34-Pru.lgb.ru/index.php/borba-s-korrupsiiej/415-protivodejstvie-korrupsiij-v-sfere-gosudarstvennykh-i-munitsipalnykh-zakupok>
3. Шмелева М.В. Предотвращение коррупции и других злоупотреблений в сфере государственных закупок. // Российское право: образование, практика, наука. 2018. №1.
4. Правовые средства противодействия коррупции. Научно-практическое пособие. – Отв. Ред. Н.А. Власенко. М. 2012. С. 4
5. Меры по предупреждению коррупции в организациях (утв. Минтрудом России) // СПС «КонсультантПлюс»
6. Противодействие коррупции в сфере закупок // <https://searchinform.ru/resheniya/biznes-zadachi/protivodejstvie-korrupsiij/protivodejstvie-korrupcii-v-sfere-zakupok/?ysclid=lv9yjj3jvm909107828>
7. Шмелева М.В., указ. соч., там же.

РЕКОМЕНДАЦИИ

**Международной научно-практической конференции на тему:
«10 лет УК, УПК, УИК и КоАП Республики Казахстан:
итоги, практика применения и перспективы»**

г. Астана

23 мая 2025 года
в формате: офлайн/онлайн

Участники Международной научно-практической конференции на тему: **«10 лет УК, УПК, УИК и КоАП Республики Казахстан: итоги, практика применения и перспективы»**, проведенной Международным университетом Астана, с участием председателя Конституционного Суда Республики Казахстан, депутатов Парламента Республики Казахстан, судей Верховного Суда Республики Казахстан, Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан, представителей государственных органов, адвокатского сообщества, ведущих ученых зарубежных и казахстанских образовательных учреждений, а также молодых специалистов в области права, обсудив итоги научного анализа, правоприменительной практики судов и правоохранительных органов за прошедший период на соответствие указанных Кодексов нормам Конституции Республики Казахстан (статьи 1, 12, 13, 16, 18, 39 и др.) и международным правовым актам, на эффективность защиты конституционных прав и интересов граждан с их помощью, изучив аналогичные кодексы стран ближнего и дальнего зарубежья

РЕКОМЕНДУЮТ:

I. В сфере уголовного законодательства:

1. В Концепции правовой политики до 2030 г. от 15 октября 2021 г. пути совершенствования уголовной политики в области противодействия преступности представлены очень ограничено и крайне недостаточно.

Исходя из потребности эффективного противодействия преступности, с учетом современных тенденций ее развития, целесообразно впервые в истории независимого Казахстана разработать Концепцию уголовной политики РК до 2030 г. и «Дорожную карту» по ее реализации.

2. Проведенный научный анализ (УК РК, УПК РК, УИК РК и КОАП РК) Кодексов, правоприменительной практики, изучение статистических данных их применения в правоохранительной деятельности свидетельствуют о наличии в них значительного числа пробелов и противоречий:

- нарушено единство этих Кодексов;
- имеются противоречия между ними (УК РК и УПК РК; УК РК и УИК РК; УК РК и КОАП РК);
- охраняемый потенциал данных Кодексов снижен, что подрывает их эффективность;
- изменения и дополнения в Кодексы вносились и вносятся без учета конституционных и отраслевых принципов права, а также без должного научного и криминологического обоснования. За прошедшие 10 лет в УК РК внесены изменения 104 раз; УПК РК – 110; УИК РК – 49; КоАП РК – 197 раз;
- нарушено внутреннее единство внутри самих Кодексов (например, между Общей и Особенной частями УК РК);
- предмет регулирования УК РК необоснованно расширен за счет других отраслей права (административного и гражданского), что таит в себе серьезную угрозу правам и свободам человека, поскольку передвигает основания уголовной репрессии в те отрасли права, где преобладают нормативные предписания органов исполнительной власти;
- имеются коррупционные риски в 9-ти видах освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные в статьях 65, 66, 67, 67-1, 68 части 2 и 3, 70, 71 часть 5, 78 часть 2, 83 части 1 и 3 УК РК, и в 7-ми видах освобождения от наказания, указанные в статьях 69, 72, 75 часть 2, 76, 77 часть 5, 78 часть 4, 83 часть 2 УК РК, суть которых состоит в том, что при наличии условий, вытекающих из данных норм, лицо от уголовной от-

ветственности либо от наказания «может быть освобождено». Данная формулировка в уголовном законодательстве несет в себе большую долю субъективизма при принятии решения по этому вопросу;

- отсутствие необходимых уголовно-правовых институтов в понятийном аппарате уголовного законодательства (например, принципы уголовного права, состав уголовного правонарушения, квалификация уголовного правонарушения, и т.д.);
- отсутствие научного подхода и нарушение уголовно-правовых принципов при конструировании санкций уголовно-правовых норм, привело к дисбалансу между минимальным и максимальным размерами уголовных наказаний, отсутствию взаимосвязи между сроками лишения свободы, предусмотренные в статьях Особенной части УК РК, и категориями преступлений, указанными в статье 11 УК РК, а также другим проблемам, имеющим место в нормах Общей и Особенной частей УК РК;
- отдельно следует подчеркнуть, что Верховный Суд РК, призванный согласно статьи 81 Конституции РК и пункта 1 статьи 17 Конституционного закона РК «О судебной системе и статусе судей РК» давать разъяснения по вопросам судебной практики, иногда ограничивается лишь изложением положений из УК РК и других правовых актов либо не всегда приводит разъяснения норм УК РК, которые вызывают сложности в правоприменительной практике. В некоторых случаях высший судебный орган выходит за пределы своих полномочий либо приводит узкое толкование уголовно-правовых норм, что не способствует к единому пониманию смысла и содержания уголовного законодательства.

3. Для устранения вышеуказанных и других правовых проблем, а также на основании предложенной к разработке Концепции уголовной политики РК до 2030 года и Дорожной карты по ее реализации целесообразно:

- приступить к разработке новых Кодексов либо в качестве альтернативы – Кодексов в новой редакции, которые бы отражали современные вызовы, соответствовали принципам Конститу-

ции и международным стандартам, а также были научно и концептуально обоснованными.

В этой связи следует **создать**, под руководством Администрации Президента РК, независимые межведомственные рабочие группы с участием депутатов Сената и Мажилиса РК, судей Конституционного и Верховных Судов РК, представителей правоохранительных органов РК, Министерства юстиции РК, адвокатского корпуса и научного юридического сообщества для проведения комплексного мониторинга и выработке предложений по совершенствованию Кодексов, сопровождаемые широким общественным и академическим обсуждением.

При этом, до завершения работы указанных групп считаем целесообразным **ввести мораторий** на внесение изменений и дополнений в Кодексы.

4. В УК РК необходимо ввести новые институты и положения уголовного права:

- принципы уголовного законодательства, соответствующие конституционным, общеправовым и общепризнанным принципам международного права;
- в нормах уголовного закона более четко изложить «объективные» и «субъективные» признаки уголовных правонарушений, исключая двусмысленность закона и возможность их произвольного толкования;
- форму вины для формальных составов уголовных правонарушений предусмотреть в следующем виде:
 - когда лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия) и желало их совершения (прямой умысел);
 - если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), не желало, но сознательно допускало совершение этих деяний либо относилось к ним безразлично (косвенный умысел);
- наряду с основными и дополнительными видами наказаний, существующими в УК РК, предусмотреть третью группу видов наказаний – наказания, которые могут применяться как в качестве основных, так и в качестве дополнительных;

- пожизненное лишение свободы предусмотреть как основной вид наказания, в котором ввести два подвида:
 - с правом на условно-досрочное освобождение;
 - без права на условно-досрочное освобождение.

5. Целесообразно **усовершенствовать** следующие институты и положения уголовного законодательства:

- множественность уголовных правонарушений (неоднократность, совокупность и рецидив преступлений). Например, признак «неоднократности» логически должен быть точно отражен в нормах Особенной части УК РК (в Главе 6 УК РК признак «неоднократности» указан в частях 3-х либо 2-х уголовно-правовых норм);
- в нормах Особенной части УК РК повсеместно должно быть выполнено требование части 4 статьи 19 УК РК о том, что деяние, совершенное по неосторожности, признается уголовным правонарушением только в том случае, когда это **специально предусмотрено** соответствующей статьей Особенной части УК РК;
- формы соучастия, предусмотреть как в редакции УК РК 1997 г., где они были изложены наиболее удачно;
- обстоятельства, исключающие преступность деяния, целесообразно изложить в новой редакции (см. Приложение 1). При этом, физическое или психическое принуждение следует исключить, предусмотрев его признаки как один из видов непреодолимой силы, предусмотренное статьей 23 УК РК;
- размеры сроков лишения свободы необходимо предусмотреть исходя из категорий преступлений (статья 11 УК РК);
- в статьях 65, 67, 67-1, 68 части 2 и 3, 69, 76, 78 УК РК, слова «может быть освобождено» заменить словами «подлежит освобождению», так как при наличии условий, вытекающих из этих статей, лицо должно быть освобождено от уголовной ответственности либо от наказания, так как оно теряет свою опасность для общества. Данную позицию разделяет и Верховный Суд РК в двух своих нормативных постановлениях «О некоторых вопросах назначения уголовного наказания»

от 25 июня 2015 г. (пункт 11) и «О судебном приговоре» от 20 апреля 2018 г. (пункт 12);

- исключить статью 66 УК РК, так как признаки, предусмотренные в ней, регламентируются положениями необходимой обороны, указанные в статье 32 УК РК;
- учитывая, что несовершеннолетних лица с 14 до 16 лет, не в состоянии осознать в полной мере повышенную общественную опасность и противоправность некоторых преступлений, следует исключить их уголовную ответственность за отдельные деяния, указанные в части 2 статьи 15 УК РК (статьи 125, 173, 177, 178, 184, 203 части 2 и 3, 255, 256, 257 части 1 и 2, 258, 261, 269, 291, 298 УК РК);
- исходя из уголовной политики, ужесточающей противодействие коррупции, которая посягает на безопасность государства, необходимо исключить из УК РК следующие положения:
 - отбывание лишения свободы за совершение коррупционных преступлений назначается в учреждениях уголовно-исполнительной системы минимальной безопасности (абзац четвертый пункта 1) часть 5 статьи 46 УК РК);
 - лицо, впервые совершившее коррупционное преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием только судом (абзац второй часть 1 статьи 65 УК РК);
- увеличить размеры уголовных наказаний за некоторые коррупционные преступления (часть 1 статьи 361 УК РК), так как они ниже за подобные деяния, не относящиеся к коррупционным преступлениям (см. часть 1 статьи 250 УК РК);
- уменьшить стоимостные пределы «крупного размера» и «особо крупного размера» при получении и дачи взятки (части 3 и 4 статей 366 и 367 УК РК) до сумм аналогичных размеров при коммерческом подкупе (части 2, 3, 5 и 6 статьи 253 УК РК), так как существующее правовое регулирование размеров взятки и коммерческого подкупа искусственно создает «привилегии» для лиц, совершивших наиболее опасные формы коррупции;

- для эффективного противодействия коррупции из числа субъектов коррупционных преступлений следует исключить:
 - лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций;
 - лиц, приравненных к лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций;
 - лиц, занимающих ответственную государственную должность в правоохранительном органе.
- необходимо существенно переработать отдельные нормы Особенной части УК РК и санкции за их совершение.

II. В сфере уголовно-процессуального законодательства:

1. Внести поправку в статью 1 УПК РК о запрете законам, сопутствующих к другим законам, внесение изменений и дополнений в данный Кодекс, за исключением случаев исключения уголовной ответственности, а также законопроектов, разрабатываемых в порядке законодательной инициативы Президента РК.

2. В новой редакции Закона РК «Об оперативно-розыскной деятельности» предпочтительно восстановление предназначения оперативно-розыскных мероприятий в уголовном процессе, которые должны осуществляться также для предупреждения и пресечения уголовных правонарушений.

3. В числе принципов УПК РК предусмотреть «единое понимание и применения норм права», которое приведет к ясному, понятному всем участникам уголовного процесса итоговому решению.

4. В части 2 статьи 9 УПК РК исключить слова «в зависимости от его характера и существенности». Кроме этого, данную норму следует дополнить словами «с привлечением к установленной законом ответственности должностных лиц допустивших нарушение принципов уголовного процесса». Данные меры будут способствовать неукоснительному соблюдению принципов уголовного процесса.

5. Ввести в УПК РК принципиальные изменения в позиции суда первой и апелляционной инстанции:

- установить, что уголовное дело в каждой инстанции рассматривается один раз;

- не может быть никаких оснований для отмены судебных актов вышестоящими судами и направления уголовного дела в нижестоящий суд для повторного рассмотрения;
- апелляционная инстанция должна иметь право исследовать все обстоятельства дела без каких-либо ограничений, в т.ч. которые не были исследованы либо были предметом исследования в суде первой инстанции. Это позволит кассационной инстанции давать правовую оценку всем обстоятельствам по уголовному делу, установленным двумя нижестоящими судами.

6. Ответственность судей первой инстанции должна устанавливаться апелляционной коллегией при рассмотрении дел в апелляции, а ответственность судов первой и апелляционной инстанций – судом кассации, путем вынесения отдельного постановления, в котором четко должны быть прописаны какие нарушения допущены судьей и повлекло ли это за собой грубые нарушения прав граждан.

7. В соответствии с рекомендациями ФАТФ (Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег – Financial Action Task Force, FATF) целесообразно введение в УПК РК норм:

- регламентирующих первый этап финансового расследования (ФР) – параллельное финансовое расследование;
- расширить основания второго этапа ФР – конфискации «in rem».

Изучить вопрос о введении третьего этапа ФР в стадии исполнения приговора.

8. Сохранить действующий порядок обжалования решений и действий органов и их должностных лиц, ведущих досудебное расследование, непосредственно следственному судье, вместо поэтапного обжалования через органы уголовного преследования.

9. Процессуально-правовой статус свидетеля, имеющего право на защиту, нуждается в дальнейшем совершенствовании:

- замена его наименования на «лицо, имеющее право на защиту»;
- ведение гарантированной государством юридической помощи наиболее уязвимым в самостоятельной реализации прав ли-

цам, имеющих право на защиту (несовершеннолетние, страдающие физическими и психическими недостатками, не владеющие языком судопроизводства);

- процессуальное оформление перехода лица, имеющее право на защиту, в положение подозреваемого, свидетеля, или при утрате данного статуса;
- распространение на лицо, имеющее право на защиту, правила Миранды.

10. Расширение случаев запрета на регистрацию в Едином реестре досудебных расследований поводов об уголовном правонарушении, включив в них:

- неподтверждение в заключении специалиста уполномоченного подразделения правоохранительного или специального государственного органа признаков наличия ущерба, существенного вреда либо незаконного дохода, полученного субъектом предпринимательства, когда их наличие является обязательным признаком уголовного правонарушения;
- наличие гражданско-правового спора, рассматриваемого в соответствии действующим законодательством РК;
- отсутствие акта налоговой проверки, заключения (справки) специалиста органов налоговой службы, в выводах которого содержатся достаточные данные, указывающие на наличие признаков уголовного правонарушения.

11. Восстановить ошибочно поставленную на утрату стадию предания обвиняемого суду прокурором в упрощенной форме – путем проставления прокурором на итоговом акте досудебного расследования своей резолюции вместо вынесения отдельного постановления.

12. Пересмотреть в сторону сокращения некоторые формы досудебного расследования:

- протокольное и приказное производства, сохранив исключительно только дознание, оканчиваемое протоколом обвинения;
- предварительное следствие, завершаемое составлением отчета следователем и обвинительного акта прокурором;

- ускоренное досудебное расследование, с составлением протокола обвинения.

13. В рамках ускоренного досудебного расследования, осуществлять производство по всем категориям уголовных правонарушений, за исключением особо тяжких преступлений.

14. Внедрить в УПК РК группы норм, обеспечивающие эффективное расследование, судебное рассмотрение уголовных правонарушений, предусмотренных Конвенциями ООН, которые ратифицированы Республикой Казахстан (по вопросам противодействия организованной преступности, коррупции, пыткам). Либо ввести в УПК РК отдельные, самостоятельные предметы доказывания данных деяний (обстоятельства, подлежащие доказыванию), соответственно, под номерами 113-1, 113-2, 113-3 УПК РК.

15. С целью исключения незаконного начала досудебного расследования следует предусмотреть форму, содержание и перечень обязательных приложений рапорта об обнаружении уголовного правонарушения, особенно по итогам проведения оперативно-розыскной деятельности.

16. Обращение следователей к следственным судьям за получением санкций должен быть законодательно согласован с прокурорами, а сам процесс их получения должен происходить с прямым участием прокуроров.

17. Необходимо сократить случаи согласования следователями с прокурорами отдельных процессуальных решений по уголовным делам, а также предусмотреть установление разумных процессуальных сроков, отводимых прокурорам для изучения ими в рамках согласования наиболее важных из них (например, об объявлении квалификации деяния подозреваемого, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования).

18. Целесообразно обсудить вопрос о внедрении в УПК РК порядка, согласно которому в суд направляется только обвинительный акт, но без материалов уголовного дела, который порождает логичное присутствие в уголовном процессе акта защиты адвоката.

19. Часть 7 статьи 383 УПК РК предлагается изложить в следующей редакции: «7. Каждый участник судебных прений может представить суду в письменном виде предлагаемую им формули-

ровку решения по вопросам, указанным в пунктах 1) – 6) части первой статьи 390 настоящего Кодекса. **Представление данной формулировки адвокатом обязательно.** Предлагаемая формулировка не имеет для суда обязательной силы».

20. Следует ввести в часть 3 статьи 436 УПК РК новое самостоятельное основание для безусловной отмены приговора суда первой инстанции – «4-1) защитником нарушены требования принципа состязательности и равноправия сторон».

21. Предлагается обсудить вопрос об обязательном участии защитника в уголовных делах против предпринимателей в следующей формулировке, которую можно предусмотреть в части 1 статьи 67 УПК РК: «12) субъектом уголовного правонарушения является лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность». Это будет новое самостоятельное основание обязательного участия защитника в уголовном деле.

22. Указание на обязательность обозрения процессуальных документов адвокатского расследования следует предусмотреть в самостоятельной норме УПК РК «Статья 376-1. Оглашение процессуальных документов адвокатского делопроизводства».

23. Целесообразно указать в единой статье всю подсудность следственных судей по уголовным делам, разместив данные вопросы сразу после статьи 306 УПК РК либо в отдельной части статьи 55 УПК.

24. Рабочие процессуальные материалы досье следственного судьи, законодательно должны быть частью главного судебного разбирательства.

25. Пределы главного судебного разбирательства необходимо сузить, сконцентрировать их исключительно на фигуре подсудимого, который предается суду. Поэтому следует исключить словосочетание «и в пределах того обвинения, по которому он предан суду» в статье 340 УПК РК.

III. В сфере уголовного-исполнительного законодательства:

1. Требуется разработка и принятие современных стратегических нормативных правовых актов:

- Концепции развития уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы РК;
- Закона РК «О пенитенциарной службе»;
- Закона РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты по вопросам исполнения наказаний по прогрессивной системе, совершенствования основных мер воздействия на осужденных и их ресоциализации, адаптации и реабилитации»;
- Закона РК «О действии трудового законодательства в отношении осужденных к уголовным наказаниям, а также состоящих под пробационным контролем»;
- Закона РК «Об оказании социально-правовой помощи лицам, состоящим на пробационном учете».

2. Перевести из УК РК в УПК РК и УИК РК правовые институты, носящие уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный характер.

3. Исполнение всех видов уголовных наказаний и пробацию целесообразно осуществлять в соответствии с прогрессивной системой исполнения уголовных наказаний.

4. Повысить уровень трудовой занятости осужденных путем широкого привлечения частного предпринимательства, спонсоров, волонтеров и т.д. Создать фонд содействия пенитенциарной реформе под руководством Попечительского совета.

5. В целях повышения эффективности реализации задач, закрепленных в части 2 статьи 4 УИК РК, основываясь на положительном опыте зарубежных стран по работе с осужденными, а также для предотвращения рецидива преступлений и возврата осужденных к полноценной и законопослушной жизни, в части 1 указанной нормы, целесообразно исключить существующие и вместо них предусмотреть новые цели уголовно-исполнительного законодательства:

- обеспечение исполнения наказаний;
- ресоциализация осужденных.

IV. В сфере законодательства об административных правонарушениях:

1. С целью исключения совпадений предметов регулирования между административным и уголовным законодательством, устранения конкуренции их норм (статья 79 КоАП РК и часть 2 статьи 147 УК РК; статья 128 КоАП РК и статья 133 УК РК; часть 2 статьи 163 КоАП РК и статья 221 УК РК; и др.) и проведения разграничения между ними (статья 423 КоАП РК и статья 299-1 УК РК) требуется проведение полного сравнительно-правового анализа норм Особенных частей КоАП РК и УК РК на основе научного исследования.

2. Принятие законодательных и нормативных мер по совершенствованию штрафов.

2.1. Дифференциация штрафов по доходу и тяжести.

Внедрить принцип пропорциональности: предусмотреть возможность расчёта штрафа исходя из дохода правонарушителя (например, дневные штрафы в странах ЕС). Разработать шкалу малозначительности и критерии для вынесения предупреждения.

2.2. Расширение альтернативных мер.

Закрепить обязательное правовое обучение для некоторых категорий правонарушителей (подростки, водители при повторности правонарушений, и т.д.).

2.3. Упрощение процедур обжалования.

Обеспечить право на электронную апелляцию без обязательного визита в госорганы.

Установить разумные сроки рассмотрения жалоб на административные постановления.

3. Административные меры и внутренняя административная практика.

3.1. Создание единой цифровой платформы «Е-Құқық».

- Объединить в одном сервисе:
- уведомления о правонарушениях;
- история штрафов;
- возможность оплаты;
- шаблоны жалоб и подача онлайн-обращений;
- аналитика по категориям нарушений.

3.2. Мониторинг правоприменения.

Ввести индикаторы качества административных решений:

- обоснованность (по результатам жалоб);
- справедливость (по опросам граждан);
- повторность (совершение повторно однородного административного правонарушения).

Проводить ежегодный аудит административных штрафов по секторам: ЖКХ, экология, предпринимательство, ПДД и др.

3.3. Контроль за соразмерностью административных взысканий.

Включить в регламент государственных органов пункт об обязательной индивидуализации административного взыскания с отражением смягчающих факторов.

Ввести двухуровневую проверку постановлений о наложении административного взыскания: первичную (исполнителем) и выборочную (по линии прокуратуры или вышестоящего органа).

4. Просветительские и социальные инициативы.

4.1. Национальная программа правовой грамотности.

Министерствам юстиции, науки и высшего образования, просвещения РК совместно Министерство информации и общественного развития РК запустить долгосрочную кампанию «Знай свои права»:

- подготовить и транслировать видеоролики в ЦОНах и школах;
- подготовить брошюры по популярным статьям КоАП РК;
- проводить курсы для подростков и пожилых граждан.

4.2. Интеграция правового модуля в «Цифровой казахстанец»

Добавить в образовательные и мобильные платформы простые интерактивные курсы по:

- правилам благоустройства;
- правилам дорожного движения;
- взаимодействию с госорганами.

4.3. Общественное участие.

Развить институт общественных инспекторов и медиаторов, участвующих в профилактике и разъяснении правовых норм.

Поддерживать инициативы НПО, проводящих аудит правоприменения и оценку справедливости административных взысканий.

5. Бюджет и эффективность.

5.1. Не считать штрафы основным доходом бюджетов всех уровней.

Исключить прямую зависимость местных бюджетов от административных штрафов.

Стимулировать исполнителей (инспекторов, акиматы) не по сумме наложенных штрафов, а по снижению числа административных правонарушений.

V. В сфере предупреждения правонарушений и укрепления международного сотрудничества:

1. Закрепить законодательное и фактическое обеспечение приоритета профилактики уголовных правонарушений перед уголовной репрессией.

2. Законотворческая деятельность должна опираться на данные реальной статистики, которая приведет к поиску наиболее эффективных, экономных и разумных научно-обоснованных путей противодействия уголовным и административным правонарушениям.

3. Вынести на всенародное обсуждение законопроект «О профилактике уголовных правонарушений».

4. Целесообразно создать Комитет по профилактике уголовных правонарушений.

5. Рассмотреть вопрос о создании самостоятельного Научно-исследовательского института по изучению причин преступности.

6. Финансирование профилактики правонарушений.

Перенаправить часть бюджета, поступающего от штрафов, на:

- обучение правоведению;
- оснащение электронной системы контроля;
- финансирование просветительских проектов в регионах.

7. Разработать в 17 областях и в 3-х городах республиканского значения Казахстана «Программы по профилактике правонарушений» и утвердить их на совместных заседаниях Маслихатов и Акиматов областей и городов, так как согласно статьи 85 Конституции РК они ответственны за состояние дел на местах.

8. Республике Казахстан целесообразно присоединиться к следующим международным правовым договорам:

- Конвенция Совета Европы о выдаче (Париж, 13 декабря 1957 г.);
- Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Страсбург, 20 апреля 1959 г.);
- Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 г.);
- Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Будапешт, 23 ноября 2001 г.);
- Конвенция Совета Европы о борьбе с торговлей людьми (Варшава, 16 мая 2005 г.).

VI. В сфере юридической науки и образовании:

1. Научное мнение должно быть обязательным элементом в работе над законопроектами, особенно в сфере уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и административного, права.

Следует институционализировать участие ученых в рабочих группах Мажилиса-Парламента РК и государственных органов.

2. Разработать и принять отдельный Закон «О статусе преподавателя высшего учебного заведения», который должен предусматривать:

- социальные и трудовые гарантии, включая достойную оплату труда, надбавки за научную и учебную нагрузку, поддержку в виде грантов и стипендий;
- академические права и свободы, защиту преподавателей от административного давления и обеспечение условий для творческой и научной деятельности;
- карьерные и профессиональные траектории, включая доступ к программам повышения квалификации, научным исследованиям, участию в экспертной и законотворческой деятельности;
- механизмы государственной поддержки, такие как предоставление жилья, медицинского страхования, социального пакета, особенно для молодых преподавателей и научных сотрудников.

3. Вынести вопрос развития юридического образования на уровень Правительства Республики Казахстан, где возможно при-

нятие системных, межведомственных и ресурсно обеспеченных решений.

На уровне Правительства целесообразно:

- рассмотреть текущее состояние подготовки юридических кадров;
- заслушать отчеты профильных министерств и ведущих юридических вузов;
- разработать конкретные меры по укреплению кадрового потенциала юридической отрасли;
- пересмотреть квалификационные требования для преподавателей юридических вузов с учётом отраслевой специфики, национального контекста и языковой реальности;

4. Провести государственный мониторинг всех юридических вузов страны:

- создать постоянно действующую независимую комиссию, состоящую из депутатов Парламента РК, судей Верховного Суда, представителей Генеральной Прокуратуры, академического сообщества и Министерства науки и высшего образования;
- мониторинг должен включать оценку кадрового состава, объём учебной нагрузки, наличие научной базы, реальные компетенции выпускников;
- ВУЗы, не имеющие устойчивого профессорско-преподавательского состава, с практическим опытом и наличием научной квалификацией, не должны иметь лицензию на подготовку юридических кадров.

5. Создать полноценный Национальный институт повышения квалификации преподавателей юридических дисциплин, который должен:

- проводить регулярные курсы повышения квалификации с акцентом на казахстанскую правовую специфику;
- предоставлять методологическую и академическую поддержку преподавателям;
- формировать единые этические и методические стандарты юридического образования;

- работать как центр научной экспертизы законодательства, вовлекая преподавателей в аналитическую и законотворческую деятельность.

6. Исключить из квалификационных требований Министерства науки и высшего образования РК обязательность публикаций в базе СКОПУС для преподавателей юридических дисциплин.

Необходимо признать иные формы академической активности преподавателей:

- публикации в национальных рецензируемых юридических журналах, официально зарегистрированных в Комитете по обеспечению качества;
- участие в разработке законопроектов и других правовых актов;
- подготовка правовых комментариев, проведение научных экспертиз и практико-ориентированных исследований.

В целях практической реализации участники Международной научно-практической конференции предлагают направить данные рекомендации в Администрацию Президента Республики Казахстан, Парламент Республики Казахстан, Конституционный и Верховный Суды Республики Казахстан, Правительство Республики Казахстан, уполномоченные государственные органы Республики Казахстан, а также адвокатскому сообществу и образовательные учреждения страны.

**Приложение 1
к РЕКОМЕНДАЦИЯМ
Международной
научно-практической
конференции**

1. Статью 32 УК РК изложить в новой редакции:

«Статья 32. Необходимая оборона

1. Необходимой обороной признаются действия, совершенные в целях защиты личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было направлено на жизнь, здоровье, личную свободу, половую свободу или половую неприкосновенность, или сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или других лиц, либо с непосредственной угрозой такого насилия, либо с насильственным вторжением в жилище, помещение, либо с поджогом жилища, помещения, а также в случае совершения группового посягательства или посягательства с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Как совершенные в состоянии необходимой обороны следует рассматривать случаи, если обороняющийся вследствие внезапности посягательства не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения.

Право на необходимую оборону имеют в равной мере все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения. Это право принадлежит лицу независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства либо обратиться за помощью к другим лицам или государственным органам.

2. Защита от посягательства, не сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, является правомерной, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны. Указанное положение не распространяется на случаи, предусмотренные в части первой настоящей статьи.

3. Превышением пределов необходимой обороны признается явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характе-

ру и степени общественной опасности посягательства, указанного в части второй настоящей статьи, в результате чего посягающему причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой вред. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность лишь в случаях умышленного причинения вреда.

4. При оценке правомерности причинения вреда при необходимой обороне учитываются, наряду с характером и степенью общественной опасности совершенного посягательства, данные о личности посягающего, способы посягательства, разумная необходимость причинения вреда при оборонительных действиях, место и обстановка посягательства, сила и возможности обороняющегося, его психическое состояние и иные обстоятельства, связанные с фактом обороны.

5. Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое превышает пределы необходимой обороны из-за замешательства, страха, испуга.»;

2. УК РК следует дополнить новой статьей в следующей редакции:

«Статья 32-1. Мнимая оборона

1. Мнимой обороной признаются действия, связанные с причинением вреда при таких обстоятельствах, когда реального общественно опасного посягательства не было, и лицо, неправильно оценивая действия потерпевшего, лишь ошибочно допускало наличие такого посягательства.

2. Мнимая оборона исключает уголовную ответственность за причиненный вред в тех случаях, когда сложившаяся обстановка давала лицу достаточные основания полагать, что совершается реальное общественно опасное посягательство, и оно не осознавало и не могло осознавать ошибочность своего предположения. Его действия следует рассматривать как совершенные в состоянии необходимой обороны.

3. В тех случаях, когда в сложившейся обстановке лицо не осознавало, но по обстоятельствам дела должно было и могло осознавать отсутствие реального общественно опасного посягательства, оно подлежит уголовной ответственности за причинение вреда то неосторожности.».

3. Проведенное исследование проблем крайней необходимости позволяет сделать вывод о целесообразности изложения статьи 34 УК РК в следующей редакции:

«Статья 34. Крайняя необходимость»

1. Не является уголовным правонарушением причинение вреда охраняемым настоящим Кодексом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для предотвращения или устранения опасности, непосредственно угрожающей жизни, здоровью, правам и законным интересам данного лица или других лиц, интересам общества или государства, если эту опасность в данной обстановке нельзя было устранить иными средствами и, если при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости.

2. Состояние крайней необходимости признается также в случае, если действия, совершенные с целью предотвращения опасности, не достигли своей цели и вред наступил, несмотря на усилия лица, добросовестно рассчитывавшего его предотвратить.

3. Превышением пределов крайней необходимости признается причинение вреда, явно не соответствующего характеру и степени угрожавшей опасности, и обстановке, в которой опасность устранялась, когда правоохраняемым интересам был причинен более значительный вред, чем предотвращенный. Такое превышение влечет за собой уголовную ответственность только в случае умышленного причинения вреда.

4. Лицо не подлежит уголовной ответственности за превышение пределов крайней необходимости, если вследствие сильного душевного волнения, вызванного угрожающей опасностью, оно не могло оценить соответствие причиненного вреда этой опасности.».

4. Предлагается статью 35 УК РК изложить в следующей редакции:

«Статья 35. Осуществление оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий»

1. Не является уголовным правонарушением причинившее вред охраняемым настоящим Кодексом интересам деяние, совершенное при выполнении в соответствии с законом Республики

Казахстан оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий сотрудником уполномоченного государственного органа либо по поручению такого органа иным лицом, сотрудничающим с этим органом, если это деяние совершено с целью предупреждения, выявления, раскрытия или расследования уголовных правонарушений, относящихся к категории тяжких или особо тяжких, либо совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, преступной группой, предупреждения, вскрытия и пресечения разведывательных и (или) подрывных акций, а также если причиненный вред охраняемым интересам менее значителен, чем вред, причиняемый указанными уголовными правонарушениями, и если их предупреждение, раскрытие или расследование, а равно изобличение виновных в совершении уголовных правонарушений лиц не могли быть осуществлены иным способом.

2. Положения части первой настоящей статьи не распространяются на лиц, совершивших деяния, сопряженные с угрозой жизни или здоровью человека, экологической катастрофы, общественного бедствия или иных тяжких последствий.».

5. Предлагается следующая редакция статьи 36 УК РК:

«Статья 36. Обоснованный риск

«1. Не является уголовным правонарушением причинение вреда охраняемым настоящим Кодексом интересам при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели.

2. Риск признается обоснованным, если указанная цель не могла быть достигнута в данной обстановке не связанными с риском действиями (бездействием) и лицо, допустившее риск, обоснованно рассчитывало, что предприняло все возможные меры для предотвращения вреда охраняемым настоящим Кодексом интересам.

3. Превышением пределов обоснованного риска признается неосторожное причинение вреда в условиях достижения общественно полезной цели, когда лицом не были предприняты возможные меры для предотвращения вреда, объективно способные в данной обстановке предупредить наступление вредных последствий.

4. Риск не признается обоснованным, если он был сопряжен с угрозой экологической катастрофы, общественного бедствия, на-

ступления смерти или причинения тяжкого вреда здоровью лицу, не выразившему согласия на то, чтобы его жизнь или здоровье были поставлены в опасность.».

6. Статью 38 УК РК следует изложить в новой редакции:

«Статья 38. Исполнение приказа или распоряжения

1. Не является уголовным правонарушением причинение вреда охраняемым настоящим Кодексом интересам лицом, действующим во исполнение обязательных для него приказа или распоряжения, отданных в установленном порядке.

2. Лицо, совершившее умышленное уголовное правонарушение во исполнение преступных приказа или распоряжения, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Неисполнение преступных приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность.

3. Если лицо не осознавало и не могло осознавать преступный характер приказа или распоряжения, то за деяние, совершенное с целью исполнения таких приказа или распоряжения, ответственности подлежит только лицо, отдавшее преступные приказ или распоряжение.».

**«ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ҚК, ҚПК, ҚАК ЖӘНЕ
ӘҚБТК 10 ЖЫЛ: ҚОРЫТЫНДЫЛАР, ҚОЛДАНУ ТӘЖІРИБЕСІ
ЖӘНЕ ДАМУ БОЛАШАҒЫ»**

**атты Халықаралық ғылыми-тәжірибелік
конференциясының материалдар**

ЖИНАҒЫ

2025 жыл 23 мамыр

СБОРНИК

**материалов Международной научно-практической конференции
«10 ЛЕТ УК, УПК, УИК И КоАП РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН:
ИТОГИ, ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ»**

23 мая 2025 года

Отв. редактор сборника Жамбаев Е.С. – Астана: Высшая школа права
Международного университета Астана, 2025,

Материалы публикуются в авторской редакции. Авторы несут ответственность за содержание статей, за достоверность приведенных в статье фактов, цитат, статистических и иных данных, имен, названий и прочих сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности.

Подписано в печать 10.07.2025 года

Гарнитура «Times New Roman»,

Издательство – Международный университет Астана 010000, г. Астана,

проспект Кабанбай батыра 8,

Тел.: +7 (7172) 47-66-77, +7 (771) 929-02-30

E-mail: conference.aiu@yandex.ru